Ц 112/8

И 112/8

ЭБ

Русская Историческая Библіотека.

№ 10.

ПРОЦЕССЪ
20-ти народовольцевъ
въ 1882 году.

Съ предисловіемъ и примѣчаніями

В. Я. Богучарскаго.

ф. 30-3873

Складъ
при книгоиздательствѣ
„Донская Рѣчь“
въ Ростовѣ на Дону.

2007231537

РОСТОВЪ НА ДОНУ
электро-печатня А. И. Теръ-Абраміанъ.
1906.

Предисловіе.

Процессъ 20-ти народовольцевъ принадлежалъ до послѣдняго времени, т. е. до опубликованія его въ январской и іюньской книжкахъ журнала «Былое» за 1906 годъ, къ числу самыхъ малоизвѣстныхъ широкимъ кругамъ русскаго общества. Если въ царствованіе Александра II (послѣ изданія Судебныхъ Уставовъ) отчеты о политическихъ процессахъ, даже въ то время, когда дѣла этого рода разбирались по преимуществу военно-окружными судами (1879—1881 гг.), все же печатались въ газетахъ, то въ слѣдующее царствованіе и такое правительственное «попустительство» было найдено совершенно излишнимъ. Обществу предоставлено было довольствоваться краткими по этому поводу «правительственными сообщеніями», да и то не всегда: бывали случаи, когда не только судебныхъ отчетовъ, но даже хотя бы сообщеній о приговорахъ—приговорахъ даже къ смерти—въ правительственныхъ изданіяхъ совсѣмъ не появлялось. (Дѣло рабочаго Ковалевскаго въ Варшавѣ, хотя Ковалевскій былъ повѣшенъ, дѣло Зотова и др. въ Якутскѣ, хотя Зотовъ, Гаусманъ и Коганъ-Бернштейнъ были повѣшены, дѣло заключеннаго въ Шлиссельбургъ Манучарова, сосланнаго на Сахалинъ Перлашкевича и мн. др.).

Относительно нижепомѣщаемаго процесса 20-ти народовольцевъ, несмотря на его огромное общественное значеніе и несомнѣнный историческій интересъ или, можетъ быть, правильнѣе, *вслѣдствіе* именно этихъ причинъ, въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» отъ 21 февраля 1882 года появились лишь самыя краткія выдержки изъ обвинительнаго акта до приговора суда и ничего больше!

Между тѣмъ, процессъ 20-ти народовольцевъ, на ряду съ процессами Квятковскаго (1880 г.), Желябова (1881 г.), Богдановича (1883 г.), Фигнеръ (1884 г.) и Лопатина (1887 г.), составляя одно изъ крупнѣйшихъ общественно политическихъ явленій своего времени, представляетъ для изученія исторіи партіи «Народной Воли» документъ первостепенной важности.

Мы разбиваемъ отчетъ объ этомъ процессѣ на четыре части:

1) Обвинительный актъ, который до напечатанія его въ январской книжкѣ «Былое», въ печати не появлялся ни въ Россіи, ни заграницей.

2) Краткія свѣдѣнія о ходѣ процесса, напечатанныя въ приложеніи къ № 8—9 «Народной Воли» (перепечатано въ сборникѣ Базилевскаго «Литература партіи Народной Воли») и воспроизведенныя оттуда въ той же книжкѣ «Былого».

3) Свѣдѣнія о процессахъ, составленныя однимъ лицомъ, все время присутствовавшемъ на процессѣ и тогда же записавшимъ все

имъ тамъ видѣнное и слышанное. Свѣдѣнія эти напечатаны въ іюньской книжкѣ «Былого».

4) Свѣдѣнія послѣдующей судьбы обвиняемыхъ.

По всѣмъ этимъ даннымъ можно уже составить себѣ болѣе или менѣе полное представленіе о замѣчательномъ процессѣ 20-ти народовольцевъ.

Судъ Особаго Присутствія Правительствующаго Сената происходилъ съ 9 по 15 февраля. Предсѣдательствовалъ сенаторъ Дрейеръ. Членами суда были гг. Газенвинкель, Лего, Синицынъ, Манасеинъ и Бѣлостоцкій. Сословными представителями: московскій губернскій предводитель дворянства гр. Бобринскій, Богородскій уѣздный предводитель дворянства Самаринъ, Ярославскій городской голова Вахрамѣевъ и Красносельскій, Царскосельскаго уѣзда, волостной старшина Шалберовъ. Обвиняли прокуроръ Петерб. судебной палаты (впослѣдствіи министръ юстиціи) Муравьевъ и прокуроръ Петерб. окружного суда Островскій. Защищали подсудимыхъ гг. Шнеуръ, Кедринъ, Рычковъ, Королевъ, Кишенскій, Чичаговъ, Спасовичъ, Соколовъ, Рихтеръ, Михайловъ, Граціанскій, Александровъ, Буймистровъ, кн. Кейкуатовъ, Турчаниновъ, Герардъ и Нечаевъ.

При первомъ же опросѣ подсудимыхъ, Якимова, Лебедева, Колодкевичъ, Баранниковъ, Михайловъ, Фроленко и Исаевъ заявили, что они состоятъ агентами третьей степени Исполнительнаго Комитета партіи «Народной Воли». Затѣмъ былъ прочитанъ обвинительный актъ, который мы и воспроизводимъ здѣсь полностью.

В. Богучарскій.

I.

Обвинительный актъ,

которымъ предаются суду Особаго Присутствія Правительствующаго Сената для сужденія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ, съ участіемъ сословныхъ представителей, дворяне: Александръ Дмитріевъ *Михайловъ*, 25-ти лѣтъ, Николай Николаевъ *Колодкевичъ*, 31-го года, Михаилъ Николаевъ *Тригони*, 30-ти лѣтъ, Александръ Ивановъ *Баранниковъ*, 23-хъ лѣтъ, отставной флота Лейтенантъ Николай Евгеньевъ *Сухановъ*, 29-ти лѣтъ, отставной Прапорщикъ Фердинандъ Осиповъ *Люстигъ*, 27-ми лѣтъ, отставной Коллежскій Регистраторъ Николай Васильевъ *Клѣточниковъ*, 34-хъ лѣтъ, сынъ фельдфебеля Михаилъ Федоровъ *Фроленко*, 33-хъ лѣтъ, сынъ почтальона Григорій Прокофьевъ *Исаевъ*, 24-хъ лѣтъ, сынъ псаломщика Иванъ Пантелеймоновъ *Емельяновъ*, 20-ти лѣтъ, сынъ діакона Петръ Васильевъ *Тычининъ*, 26-ти лѣтъ, купеческій сынъ Григорій Михайловъ *Фриденсонъ*, 26-ти лѣтъ, солдатскій сынъ Василій Аполлоновъ *Меркуловъ*, 21-го года, мѣщане: Левъ Соломоновъ *Златопольскій*, 33-хъ лѣтъ, Айзикъ Борисовъ *Арончикъ*, 22-хъ лѣтъ, Макаръ Васильевъ *Тетерка*, 28-ми лѣтъ, Николай Александровъ *Морозовъ*, 26-ти лѣтъ, Прусскій подданный Мартынъ Рудольфовъ *Лангансъ*, 29-ти лѣтъ, дворянка Елизавета Николаева *Оловенникова*, 23-хъ лѣтъ, дочь Титулярнаго Совѣтника Людмила Дементьева *Терентьева*, 20-ти лѣтъ, дочь Коллежскаго Совѣтника Татьяна Иванова *Лебедева*, 29-ти лѣтъ и дочь священника Анна Васильева *Якимова*, 26-ти лѣтъ, обвиняемые въ государственныхъ преступленіяхъ.

Въ концѣ ноября 1880 г. въ С.-Петербургѣ возникло дознаніе о лицахъ, принадлежащихъ къ такъ называемой террористической фракціи тайнаго сообщества, именующаго себя «русской соціально-революціонной партіей». Дознаніе это, оконченное въ октябрѣ 1881 года, обнаружило главнѣйшихъ преступныхъ дѣятелей означенной фракціи, не вошедшихъ въ число ея участниковъ, осужденныхъ въ октябрѣ 1880 года С.-Петербургскимъ Военно-Окружнымъ Судомъ о 16-ти лицахъ, обвинявшихся въ государственныхъ преступленіяхъ, и въ мартѣ 1881 года по дѣлу о злодѣяніи 1 марта, жертвою котораго палъ въ Бозѣ почившій Государь Императоръ Александръ Николаевичъ. При этомъ разслѣдованіемъ была выяснена виновность привлеченныхъ къ дознанію *двадцати двухъ* нижепоименованныхъ лицъ въ совершеніи,

для достиженія цѣлей названнаго преступнаго сообщества, ряда посягательствъ на жизнь Священной Особы почившаго Монарха и другихъ преступленій революціоннаго характера, уже бывшихъ предметомъ судебнаго разсмотрѣнія по вышеупомянутымъ дѣламъ, а также и нѣкоторыхъ вновь раскрытыхъ преступныхъ дѣяній того же значенія.

Обстоятельства преступленій, совершенныхъ обвиняемыми, и данныя, служащія къ ихъ изобличенію, распредѣляются, по своему содержанію, въ нижеслѣдующихъ четырнадцати отдѣлахъ настоящаго обвинительнаго акта.

I.

Предметы обвиненій.—Послѣдовательное обнаруженіе обвиняемыхъ.

При изслѣдованіи названнаго выше дѣла о 16 лицахъ, обвинявшихся въ государственныхъ преступленіяхъ, и дѣла о злодѣяніи 1 марта 1881 года, оказалось, что до происходившаго лѣтомъ 1879 г. въ гор. Липецкѣ, Тамбовской губерніи, общаго съѣзда членовъ такъ называемой «соціально-революціонной партіи», непосредственная политическая борьба съ правительствомъ, а въ частности покушенія на цареубійство и террористическія дѣйствія, не составляла прямой и опредѣленной задачи означеннаго сообщества, которое, усвоивъ въ то время такъ называемую «народническую» организацію, поставило себѣ задачею постепенно подготовлять народъ къ соціальному и, главнымъ образомъ, экономическому перевороту. Тѣмъ не менѣе, послѣдній періодъ преступной дѣятельности «народниковъ», относящійся къ 1878 году и первой половинѣ 1879 года, былъ отмѣченъ нѣкоторыми террористическими фактами, которые, однако же, явились лишь результатомъ единичной рѣшимости отдѣльныхъ лицъ или кружковъ, принадлежащихъ къ «городской» (въ отличіе отъ «деревенской») группѣ агитаторовъ, назвавшей себя «исполнительнымъ комитетомъ». Такое значеніе имѣли, между прочимъ, убійство 4-го августа 1878 года Шефа жандармовъ генералъ-адъютанта Мезенцова и совершенное 2 апрѣля 1879 года, нынѣ казненнымъ государственнымъ преступникомъ Александромъ Соловьевымъ, покушеніе на жизнь Священной Особы въ Бозѣ почившаго Государя Императора. Появленіе въ средѣ членовъ преступнаго сообщества указаннаго террористическаго направленія, выдвигавшаго на первый планъ вопросъ о необходимости политической борьбы съ существующимъ государственнымъ строемъ, привело послѣ Липецкаго съѣзда къ выдѣленію изъ сообщества, т. е. изъ прежней «народнической» его организаціи, особой «террористической» фракціи, участники которой, принявъ впослѣдствіи наименованіе «партіи народной воли», согласились между собой стремиться къ совершенію въ ближайшемъ будущемъ насильственнаго переворота. Главнымъ же средствомъ къ достиженію этой цѣли присутствовавшими на съѣздѣ злоумышленниками было признано систематическое повтореніе, съ помощью взрывчатыхъ веществъ, посягательства на цареубійство, до тѣхъ поръ, пока этотъ злодѣйскій умыселъ не будетъ удачно приведенъ въ исполненіе.

Изъ объясненій нынѣ умершаго обвиняемаго Гольденберга, а отчасти и изъ показаній государственныхъ преступниковъ Степана Ширяева и нынѣ казненнаго Александра Квятковскаго видно, что на Липецкомъ съѣздѣ была проектирована и опредѣленная организація террористической фракціи или «партіи народной воли». Во главѣ этой организаціи должны были стоять «распорядительная комиссія» и «исполнительный комитетъ». При нѣкоторомъ первенствѣ первой изъ этихъ двухъ группъ, между ними не предполагалось ни отношенія прямой подчиненности, ни строгаго разграниченія функцій «Распорядительная комиссія», имѣвшая значеніе центральнаго революціоннаго бюро, съ мѣстопребываніемъ въ С.-Петербургѣ, должна была знать все происходящее въ партіи и завѣдывать всѣми средствами для исполненія революціонныхъ предпріятій, которыя могли совершаться не иначе, какъ съ ея вѣдома и преимущественно по ея иниціативѣ Самое же совершеніе этихъ предпріятій и вообще вся активная политическая борьба возлагалась на обязанность «исполнительнаго комитета», члены котораго должны были проживать тамъ, гдѣ укажетъ надобность. Кромѣ «комиссіи» и «комитета», въ организаціи состояла еще редакція издаваемаго сообществомъ органа тайной печати подъ заглавіемъ «Народная Воля» и агенты для исполненія отдѣльныхъ порученій, раздѣлявшіеся на агентовъ 1 степени съ «большимъ», и агентовъ 2 степени, съ «меньшимъ довѣріемъ». По словамъ Гольденберга на Липецкомъ съѣздѣ были избраны, между прочимъ, въ число трехъ членовъ «распорядительной комиссіи» Александръ Михайловъ и Михаилъ Фроленко, редакторъ періодическаго органа Николай Морозовъ, а въ составъ 30 членовъ «исполнительнаго комитета» вошли, между прочимъ, Николай Морозовъ, Николай Колодкевичъ и Анна Якимова, изъ которыхъ послѣдняя примкнула къ «комитету» уже послѣ Липецкаго съѣзда.

По даннымъ, обнаруженнымъ разслѣдованіемъ, произведеннымъ въ гор Липецкѣ, въ томъ числѣ и допросами обывателей этого города, оказывается, что въ іюнѣ 1879 г. въ Липецкѣ одновременно находились, между прочимъ Желябовъ, подъ фамиліею Чернявскаго, проживавшій вмѣстѣ съ нимъ на одномъ постояломъ дворѣ Александръ Михайловъ, подъ фамиліею Безмѣнова, и Баранниковъ, подъ фамиліею Кошурникова

Лѣтомъ того же 1879 года, нѣсколько раньше происходившаго въ Липецкѣ съѣзда многихъ членовъ сообщества, другіе члены его, съ цѣлью пріобрѣтенія необходимыхъ для преступной дѣятельности сообщества денегъ, похитили изъ Херсонскаго Губернскаго Казначейства, посредствомъ подкопа, около $1\frac{1}{2}$ милліона рублей, большая часть которыхъ была вскорѣ разыскана, а главные виновники кражи осуждены Кіевскимъ и Одесскимъ Военно-Окружными Судами.

Осенью 1879 года, во исполненіе соглашенія, состоящагося на Липецкомъ съѣздѣ, злоумышленники, въ виду ожидавшагося проѣзда въ Бозѣ почившаго Государя Императора съ Южнаго берега Крыма въ Петербургъ, предприняли приготовленія къ совершенію цареубійства на линіи Одесской желѣзной дороги, близъ гор Одессы, а затѣмъ совершили, при слѣдованіи Государя Императора, неудавшіяся покушенія на Священную жизнь Его Императорскаго Величества 18

ноября, на линіи Лозово-Севастопольской желѣзной дороги, близъ гор. Александровска, Екатеринославской губерніи, и 19 того же ноября, на линіи Московско-Курской желѣзной дороги, близъ гор. Москвы. 5 февраля 1880 года таковое же покушеніе было совершено въ С.-Петербургѣ, въ Зимнемъ Дворцѣ.—По надлежащемъ выясненіи упомянутыхъ событій, преимущественно съ помощью подробныхъ разоблаченій, сдѣланныхъ обвиняемымъ Гольденбергомъ, одни изъ участниковъ этихъ преступленій были осуждены, въ числѣ 16-ти лицъ, С.-Петербургскимъ Военно-Окружнымъ Судомъ, другіе же до конца 1880 и начала 1881 гг. оставались не разысканными.

При возникновеніи въ ноябрѣ 1880 года настоящаго дѣла по поводу задержанія въ С.-Петербургѣ Александра Михайлова, обстоятельства этого задержанія указали на продолжающіяся, преимущественно среди лицъ уже извѣстныхъ и разыскиваемыхъ по прежнимъ дѣламъ, приготовленія къ совершенію вновь посягательства на цареубійство. Приготовленія эти завершились злодѣяніемъ 1 марта 1881 года, изслѣдованіе котораго обнаружило указанія на виновность въ означенномъ злодѣяніи, кромѣ ближайшихъ виновниковъ его, осужденныхъ Особымъ Присутствіемъ Правительствующаго Сената, еще другихъ лицъ, привлеченныхъ къ настоящему дѣлу въ качествѣ обвиняемыхъ. Изъ числа этихъ послѣднихъ нѣкоторые, участвовавшіе въ предварительномъ соглашеніи на злодѣяніе и въ приготовленіяхъ къ нему, были задержаны не задолго до 1-го марта, а остальные арестованы и изобличены впослѣдствіи. Кромѣ того, разслѣдованіе преступной дѣятельности тѣхъ и другихъ выяснило такія ея проявленія, которыя еще не были раскрыты до этого времени, а именно приготовленія къ цареубійству, совершенныя: въ Одессѣ весной 1880 года и въ С.-Петербургѣ лѣтомъ того же года и относящееся къ концу 1880 года и началу 1881 года покушеніе на кражу изъ Кишиневскаго Губернскаго Казначейства. Вмѣстѣ съ тѣмъ, то же разслѣдованіе обнаружило дѣятельное и, для цѣлей преступнаго революціоннаго сообщества, весьма существенное содѣйствіе его предпріятіямъ, оказанное лицами, хотя въ нихъ прямо не участвовавшими, но достаточно изобличенными въ принадлежности къ упомянутому сообществу. Такими лицами были обвиняемые Николай Клѣточниковъ и Фердинандъ Люстигъ, во время пребыванія своего въ С.-Петербургѣ 1879 и 1880 годахъ.

Обнаруженіе и задержаніе привлеченныхъ къ настоящему дѣлу обвиняемыхъ послѣдовало при изложенныхъ ниже обстоятельствахъ:

28-го ноября 1880 г., въ С.-Петербургѣ, былъ задержанъ дворянинъ Александръ Дмитріевъ Михайловъ по выходѣ изъ фотографіи Александровскаго на Невскомъ проспектѣ, гдѣ онъ, такъ же какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ фотографіяхъ, заказывалъ въ значительномъ количествѣ экземпляровъ фотографическіе снимки 16-ти государственныхъ преступниковъ, осужденныхъ С.-Петербургскимъ Военно-Окружнымъ Судомъ. По обыску у Михайлова, проживавшаго по подложному виду на имя отставного поручика Поливанова, было найдено около 2 пудовъ динамита, а также разныя революціонныя изданія тайнаго сообщества, называющаго себя «партіей народной воли».

Въ концѣ января 1881 года полицейскіе розыски обнаружили, что участниками этого сообщества были наняты въ С.-Петербургѣ двѣ

такъ называемыя «конспиративныя» квартиры, изъ которыхъ въ одной, на Большой Подъяческой улицѣ, домъ № 37, кв. 27, происходило приготовленіе динамита для задуманнаго членами сообщества злодѣянія, а въ другой, на Подольской улицѣ, домъ № 11, кв. № 21, помѣщалась тайная типографія революціоннаго изданія «Народная Воля». При открытіи и осмотрѣ означенныхъ квартиръ оказалось, что онѣ уже оставлены своими жильцами.

24-го января 1881 года тѣми же розысками обнаружено, что по Казанской улицѣ, въ домѣ № 38, кв. № 18, проживаетъ неизвѣстное лицо, подъ тою же фамиліею Агаческулова, подъ которою былъ записанъ жилецъ вышеупомянутой «конспиративной» квартиры № 21, въ домѣ № 11, по Подольской улицѣ. По задержаніи этого неизвѣстнаго, съ производствомъ у него обыска, по которому найдены разныя противоправительственныя изданія, онъ оказался купеческимъ сыномъ Григоріемъ Михайловымъ Фриденсономъ.

Посредствомъ учрежденнаго за его квартирою особаго секретнаго наблюденія, 25-го января былъ арестованъ пришедшій къ Фриденсону неизвѣстный человѣкъ, назвавшій себя при задержаніи Алафузовымъ, а въ дѣйствительности оказавшійся дворяниномъ Александромъ Ивановымъ Баранниковымъ, который разыскивался по обвиненію въ участіи въ убійствѣ генералъ-адъютанта Мезенцова и другихъ преступленіяхъ.

Посредствомъ такого же секретнаго наблюденія за квартирою Баранникова, а затѣмъ и за всѣми другими квартирами, въ которыхъ производились послѣдовательные обыски и аресты, были задержаны: 26 января, въ квартирѣ Баранникова, дворянинъ Николай Николаевъ Колодкевичъ, а въ квартирѣ этого послѣдняго, 28 января – чиновникъ Департамента Государственной Полиціи Николай Васильевъ Клѣточниковъ и 29 января мѣщанинъ Левъ Соломоновъ Златопольскій.

При производствѣ дальнѣйшихъ розысковъ были получены свѣдѣнія о томъ, что однимъ изъ наиболѣе выдающихся руководителей преступной дѣятельности общества является нынѣ казненный государственный преступникъ Андрей Желябовъ, въ постоянныхъ и близкихъ сношеніяхъ съ которымъ находится лицо, пользующееся большимъ вліяніемъ среди революціонеровъ, которое носитъ прозвища «Милорда» и «Намѣстника» и проживаетъ «легально», подъ своею настоящею фамиліею.

Означенные розыски, направленные къ задержанію Желябова и «Милорда», имѣли первоначальнымъ результатомъ арестъ 28 го января лица, котораго Желябовъ и его сообщники снабдили пріобрѣтенными на средства сообщества лошадью и санями, и которое должно было въ качествѣ легкового извозчика содѣйствовать исполненію ихъ преступнаго замысла; лицомъ этимъ оказался проживавшій въ С.-Петербургѣ подъ фамиліею Веселовскаго (онъ же Березовъ) мѣщанинъ Макаръ Васильевъ Тетерка.

27-го февраля розыски «Милорда» и Желябова увѣнчались успѣхомъ. Первый, оказавшійся дворяниномъ Михаиломъ Николаевымъ Тригони, былъ арестованъ въ своей квартирѣ по Невскому проспекту, домъ № 66, кв. 12, а въ тотъ же день задержанъ, явившійся въ квартиру Тригони, Андрей Желябовъ.

Того же 27-го февраля въ квартирѣ Тетерки былъ задержанъ пришедшій къ нему его соучастникъ, солдатскій сынъ Василій Аполлоновъ Меркуловъ, проживавшій въ С.-Петербургѣ подъ фамиліею Яковенко.

Что же касается до задержанія остальныхъ обвиняемыхъ, то таковое послѣдовало уже послѣ 1-го марта, преимущественно по указаніямъ, сдѣланнымъ казненнымъ государственнымъ преступникомъ Рысаковымъ въ его подробныхъ и согласныхъ съ обстоятельствами дѣла объясненіяхъ.

Такъ, показаніе Рысакова о томъ, что для успѣшнаго совершенія цареубійства въ С.-Петербургѣ былъ сформированъ небольшой кружокъ лицъ, которыя, подъ ближайшимъ руководствомъ казненной нынѣ государственной преступницы Софьи Перовской, постоянно наблюдали за выѣздами въ Бозѣ почившаго Государя Императора изъ Зимняго Дворца, имѣло послѣдствіемъ розыски и задержаніе означенныхъ лицъ, которыми оказались сынъ діакона Петръ Васильевъ Тычининъ, дворянка Елизавета Николаева Оловенникова и дворянинъ Аркадій Владимировъ Тырковъ.

Затѣмъ основаніемъ для розысковъ послужили объясненія Рысакова о томъ, что между организаторами злодѣянія 1-го марта онъ встрѣчалъ человѣка извѣстнаго ему подъ именемъ «Григорія», въ которомъ всегда предполагалъ техника и помощника казненнаго нынѣ государственнаго преступника Кибальчича по изготовленію метательныхъ снарядовъ. По словамъ Рысакова, онъ, по порученію этого «Григорія», въ декабрѣ 1880 г., перевозилъ типографскій станокъ съ вокзала Николаевской желѣзной дороги въ указанную ему квартиру на Большой Садовой ул., въ д. № 69.—По разысканіи и задержаніи «Григорія» и хозяина упомянутой квартиры оказалось, что первый изъ нихъ—проживавшій подъ фамиліей Кохановскаго сынъ почтальона Григорій Прокофьевъ Исаевъ, а второй—отставной прапорщикъ Фердинандъ Осиповъ Люстигъ.

На ряду съ вышеуказанными результатами розысковъ было установлено, что неизвѣстный человѣкъ, задержанный подъ фамиліею Лакіера въ январѣ 1881 г. въ Сувалкской губерніи по переходѣ границы, есть принадлежащій къ террористической фракціи мѣщанинъ Николай Александровъ Морозовъ.

Далѣе, въ періодъ времени съ марта по іюнь 1881 года тѣ же розыски привели къ послѣдовательному задержанію участниковъ вышеозначенной фракціи: въ С.-Петербургѣ—сына псаломщика Ивана Пантелеймонова Емельянова, флота лейтенанта Николая Евгеньева Суханова и дворянки Людмилы Дементьевой Терентьевой, и въ Кіевѣ—дочери священника Анны Васильевой Якимовой и прусскаго подданнаго Мартына Рудольфова Ланганса.

Наконецъ, 3 сентября 1881 г., рядъ обвиняемыхъ по настоящему дѣлу закончился арестомъ, на вокзалѣ Николаевской желѣзной дороги, намѣревавшейся уѣхать въ Москву съ отходящимъ поѣздомъ дочери коллежскаго совѣтника Татьяны Ивановой Лебедевой, которая разыскивалась по обвиненію въ принадлежности къ террористической фракціи.

Изслѣдованіе обвиненій, предъявляемыхъ къ обнаруженнымъ, такимъ образомъ, обвиняемымъ, установило, что обвиненія эти, сверхъ факта принадлежности обвиняемыхъ къ террористическому сообществу, имѣютъ предметомъ еще отдѣльныя, совершенныя для достиженія цѣлей означеннаго сообщества преступленія, событія которыхъ, въ ихъ хронологической послѣдовательности, относятся, какъ изложено ниже, къ періоду времени съ 4 августа 1878 года по 1-е марта 1881 года.

II.

Убійство Шефа Жандармовъ, Генералъ-Адъютанта Мезенцова, 4 августа 1878 года.

4-го августа 1878 года, въ 9 часовъ 10 минутъ утра, бывшій Шефъ Жандармовъ, генералъ-адъютантъ Мезенцовъ, возвращаясь съ утренней прогулки, въ сопровожденіи подполковника Макарова, на Михайловской площади, близъ дома Кочкурова, былъ встрѣченъ неизвѣстнымъ, который нанесъ ему кинжаломъ рану въ полость живота. Истекая кровью, генералъ Мезенцовъ былъ привезенъ домой и въ 5 часовъ 10 минутъ пополудни скончался. Нанесенная ему рана оказалась безусловно смертельною, проникавшею чрезъ печень и заднюю стѣнку желудка.

При преслѣдованіи подполковникомъ Макаровымъ убійцы, быстро скрывшагося за угломъ площади и убѣгавшаго по Большой Итальянской улицѣ, другой неизвѣстный выстрѣлилъ въ подполковника Макарова изъ револьвера и хотя промахнулся, но вслѣдствіе происшедшаго отъ выстрѣла замѣшательства, оба злоумышленника успѣли вскочить въ дожидавшуюся ихъ у кондитерской Кочкурова пролетку на лежачихъ рессорахъ, запряженную вороною лошадью, и скрылись по направленію къ Большой Садовой улицѣ, при чемъ свидѣтель Платонъ Матвѣевъ, догоняя уѣзжавшихъ, прослѣдилъ ихъ до памятника Императрицы Екатерины II, а отставной унтеръ-офицеръ Сергѣй Самойловъ видѣлъ, какъ неизвѣстные повернули за Александровскій театръ.

Скрывшіеся, такимъ образомъ, отъ преслѣдованія упомянутыхъ свидѣтелей убійцы генерала Мезенцова не остались, однако, необнаруженными.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ того же года, въ Новомъ переулкѣ, въ русскомъ татерсалѣ, были разысканы вороная лошадь „Варваръ", дрожки на лежачихъ рессорахъ и кучерское платье, а затѣмъ задержанъ и кучеръ этой лошади, Андріанъ Михайловъ, проживавшій подъ непринадлежащею ему фамиліею Тугаринова. При этомъ было установлено, что „Варваръ и дрожки, значившіеся въ татерсалѣ принадлежащими дворянину Тюрикову, имѣютъ полное сходство съ лошадью и экипажемъ, стоявшимъ 4 августа у кондитерской Кочкурова, а Михайловъ признанъ за выдававшаго себя кучеромъ Тюрикова, единственнымъ лицомъ, выѣзжавшимъ послѣ 14-го іюля на означенной лошади и имѣющимъ сходство съ кучеромъ увозившимъ неизвѣстныхъ послѣ совершеннаго ими убійства генералъ-адъютанта Мезенцова.

По показанію баварскаго подданнаго Краха, „Варваръ" былъ помѣщенъ въ татерсалѣ 29 января 1878 года самимъ Тюриковымъ, при участіи кучера, признаваемаго имъ въ задержанномъ Михайловѣ, и оставался до 7 мая, а затѣмъ былъ взятъ Тюриковымъ и вновь приведенъ его кучеромъ, т. е. тѣмъ же Михайловымъ, 14 іюля, уже съ дрожками. Такимъ образомъ, время первоначальнаго помѣщенія „Варвара" въ татерсаль относится къ періоду проживательства Тюрикова и называвшагося его кучеромъ, нынѣ осужденнаго государственнаго преступника Адріана Михайлова, въ номерахъ Штуцеръ и при томъ, какъ видно изъ нижеслѣдующаго, по подложнымъ документамъ. Рядомъ произведенныхъ слѣдственныхъ дѣйствій выяснено, что лицо, именовавшееся дворяниномъ Тюриковымъ, въ январѣ 1878 г. поселилось въ меблированныхъ комнатахъ Штуцеръ, на углу Малой Подъяческой и Екатерининскаго канала, предупредивъ хозяйку, что ждетъ товарища, съ которымъ и будетъ жить вмѣстѣ. Спустя нѣсколько времени къ Тюрикову дѣйствительно прибылъ неизвѣстный человѣкъ и далъ для прописки паспортъ на имя дворянина Поплавскаго. На другой день вновь прибывшій унесъ неизвѣстно куда полушубокъ, въ которомъ пріѣхалъ, и сталъ ходить въ пальто, а черезъ мѣсяцъ, въ февралѣ, Тюриковъ и Поплавскій оставили квартиру, при чемъ первый объяснилъ, что получилъ мѣсто въ Новгородѣ, куда полагаетъ пристроить и Поплавскаго. Документы Тюрикова и Поплавскаго оказались подложными, а по предъявленіи назвавшагося при задержаніи Тугариновымъ, Адріана Михайлова, содержательницѣ означенныхъ меблированныхъ комнатъ Штуцеръ и ея служанкѣ Тимофеевой, онѣ признали его за проживавшаго у нихъ въ одной комнатѣ съ Тюриковымъ подъ именемъ Поплавскаго.

Впослѣдствіи на лицо, тождественное съ Тюриковымъ, были сдѣланы указанія умершимъ обвиняемымъ Гольденбергомъ, изъ объясненій котораго видно, что въ іюнѣ 1878 года, на Липецкомъ съѣздѣ, онъ встрѣтился съ Ипполитомъ Кошурниковымъ, настоящая фамилія котораго ему не была извѣстна, и изъ разговоровъ съ нимъ пришелъ къ заключенію объ участіи его въ убійствѣ Мезенцова. Такое заключеніе, по удостовѣренію Гольденберга, вполнѣ подтвердилось, когда съ тѣмъ же Кошурниковымъ ему пришлось встрѣтиться, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, подъ Москвою, въ домѣ именовавшаго себя мѣщаниномъ Сухоруковымъ. При проведеніи подкопа подъ полотно Московско-Курской желѣзной дороги съ цѣлью посягнуть на жизнь почившаго Государя Императора, между участника этого подкопа, какъ-то былъ возбужденъ вопросъ, кому слѣдуетъ сомкнуть цѣпь для взрыва, при чемъ Кошурниковъ предлагалъ свои услуги, говоря, что ему всего удобнѣе взять это на себя, какъ участнику въ убійствѣ генерала Мезенцова, и, слѣдовательно, какъ лицу, которому уже угрожаетъ тяжкое наказаніе. Обвиняемый Александръ Баранниковъ призналъ себя виновнымъ въ участіи, вмѣстѣ съ двумя другими лицами, въ убійствѣ генерала Мезенцова и объяснилъ, что, проживая въ 1878 году въ С.-Петербургѣ по Малой Подъяческой, у мѣщанки Штуцеръ, подъ именемъ Тюрикова, онъ, согласившись на убійство генерала Мезенцова, сперва выѣзжалъ лошадь, находившуюся вмѣстѣ съ дрожками въ русскомъ татерсалѣ, а затѣмъ 4 августа, прибывъ на Ми-

хайловскую площадь на означенныхъ дрожкахъ, вмѣстѣ съ своими соучастниками, онъ, въ моментъ нанесенія генералу Мезенцову раны, находился тутъ же возлѣ и, по собственному его выраженію, „прикрывалъ убійцу“. Когда же послѣдняго хотѣлъ задержать сопровождавшій генерала Мезенцова подполковникъ Макаровъ, то онъ, Баранниковъ, выстрѣлилъ въ него изъ револьвера, чѣмъ и открылъ возможность какъ себѣ, такъ и убійцѣ, скрыться отъ преслѣдованія.

По предъявленіи Баранникова свидѣтельницамъ Штуцеръ и Христинѣ Ритовской онѣ положительно признали въ немъ лицо, проживавшее у Штуцеръ въ январѣ 1878 года, подъ фамиліею дворянина Тюрикова.

III.

Покушеніе на цареубійство въ С.-Петербургѣ 2-го апрѣля 1879 года.

При производствѣ слѣдствія о покушеніи 2-го апрѣля 1879 года на жизнь въ Бозѣ почившаго Государя Императора непосредственный виновникъ этого преступленія, казненный нынѣ государственный преступникъ Соловьевъ, между прочимъ, объяснилъ, что о замыслѣ своемъ онъ, Соловьевъ, никому не сообщалъ и сообщниковъ не имѣлъ. Но, при дальнѣйшемъ изслѣдованіи преступной дѣятельности «соціально-революціонной партіи» въ 1879 и 1880 годахъ, это объясненіе было опровергнуто задержаніемъ нѣсколькихъ лицъ, участвовавшихъ въ сношеніяхъ и совѣщаніяхъ съ Соловьевымъ по предмету преступнаго покушенія.

Обнаруженныя, такимъ образомъ, данныя указали, какъ на соучастниковъ Соловьева, еще на пять лицъ, изъ которыхъ государственные преступники Зунделевичъ, Квятковскій и Кобылянскій уже осуждены, Григорій Гольденбергъ умеръ, а Александръ Михайловъ до конца 1880 года оставался неразысканнымъ.

Задержанный 28 ноября 1880 года обвиняемый Александръ Михайловъ, заявляя о своей принадлежности къ тайному сообществу, поставившему себѣ ближайшею задачею насильственное ниспроверженіе Правительства путемъ посягательства на жизнь Государя Императора, призналъ, между прочимъ, и свое участіе въ преступномъ покушеніи 2 апрѣля, выразившееся въ совѣщаніяхъ объ этомъ покушеніи съ другими лицами, какъ съ теоретической точки зрѣнія, такъ и со стороны практической, т. е. по поводу выбора лица, времени и мѣста приведенія обдуманнаго замысла въ исполненіе.

Всѣ приведенныя обстоятельства, обнаруженныя дознаніемъ, находятъ себѣ полное подтвержденіе въ разоблаченіяхъ, сдѣланныхъ по этому поводу вышеупомянутымъ умершимъ обвиняемымъ Григоріемъ Гольденбергомъ. По показанію его, съ 1878 года, подъ вліяніемъ удачныхъ политическихъ убійствъ и другихъ событій, мысли о цареубійствѣ, какъ средствѣ для достиженія цѣлей «соціально-революціонной партіи», лица, принадлежавшія къ этой послѣдней, стали придавать особенное значеніе. Подъ вліяніемъ означенной мысли въ мартѣ 1879 года, отправившись съ юга въ С.-Петербургъ для возбужденія между революціонерами вопроса о цареубійствѣ, онъ

встрѣтился съ своими знакомыми Зунделевичемъ и Александромъ Михайловымъ и, послѣ неудавшагося 13 марта покушенія на жизнь генералъ-адъютанта Дрентельна, нашелъ въ нихъ полное сочувствіе. Подъ вліяніемъ созрѣвшаго желанія осуществить свой планъ въ ближайшемъ будущемъ, они обсуждали этотъ вопросъ сперва втроемъ, а затѣмъ къ нимъ присоединились еще прибывшій тогда въ С.-Петербургъ Соловьевъ, Кобылянскій и Квятковскій. Для такого обсужденія они вшестеромъ имѣли нѣсколько совѣщаній въ трактирахъ, одинъ разъ въ «Сѣверномъ» на Офицерской улицѣ, другой разъ гдѣ-то въ трактирѣ на Большой Садовой и еще гдѣ-то въ трактирахъ, но гдѣ именно не помнитъ. При этомъ они говорили очень много и больше другихъ онъ, Гольденбергъ, Михайловъ и Соловьевъ, но вопросъ обсуждался только теоретически, т. е. съ точки зрѣнія выгодъ отъ преступленія для революціонныхъ цѣлей. Результатомъ всѣхъ ихъ разсужденій было полное соглашеніе на цареубійство, при чемъ совершить его долженъ былъ кто-нибудь изъ числа шести совѣщавшихся. Послѣ теоретическаго рѣшенія перешли къ обсужденію практической стороны дѣла, т. е. къ выбору лица, средства и времени совершенія преступленія. Первымъ предложилъ свои услуги самъ Гольденбергъ, но предложеніе его не было принято, такъ какъ находили, что ему, какъ еврею, не слѣдуетъ брать этого дѣла на себя, ибо тогда для общества, а главное для народа, оно не будетъ имѣть должнаго значенія, почему и полагали, что преступленіе долженъ совершить непремѣнно природный русскій. По такимъ же соображеніямъ не было принято и даже не обсуждалось предложеніе поляка Кобылянскаго, который также заявилъ о своемъ желаніи совершить злодѣяніе. Затѣмъ заявилъ о своей готовности Соловьевъ и его признали совершенно годнымъ и совмѣщающимъ въ себѣ всѣ нужныя для дѣла условія. Послѣ этого было рѣшено совершить посягательство какъ можно скорѣе и 31 марта стали предупреждать всѣхъ «нелегальныхъ», чтобы они спѣшили выѣхать изъ столицы, въ виду могущихъ послѣдовать арестовъ. 31 марта онъ, Гольденбергъ, какъ нелегальный и выѣхалъ изъ С.-Петербурга въ Харьковъ.

Осужденные Кобылянскій и Квятковскій, также признали существованіе сходокъ, описанныхъ Гольденбергомъ, а Зунделевичъ въ общихъ чертахъ далъ показаніе, вполнѣ согласное съ вышеизложеннымъ.

IV.

Кража изъ Херсонскаго Губернскаго Казначейства.

3-го іюня 1879 года изъ херсонскаго губернскаго казначейства, чрезъ взломъ запоровъ у сундуковъ, стоявшихъ въ денежной кладовой, была совершена кража 1.579.688 руб. 75 коп., принадлежащихъ Государственному Банку, а также пачки бланковъ паспортовъ и патентовъ. По осмотру мѣстности оказалось, что для означенной кражи былъ произведенъ подкопъ изъ сосѣдняго съ казначействомъ дома Камсина, начинавшійся отверстіемъ въ полу одной изъ комнатъ этого дома, а затѣмъ проходившій подъ землею подъ фунда-

ментъ казначейства и кончавшійся пробоиною, въ аршинъ діаметромъ, въ полу денежной кладовой. Въ двухъ комнатахъ дома Камсина и на чердакѣ оказалось около 25 возовъ свѣжей глины, вынутой изъ упомянутой подземной галлереи, имѣвшей въ длину 9 сажень, а въ ширину и въ высоту по 1-му аршину. Въ галлереѣ были найдены 1.000 р. кредитными билетами, разсыпанная мѣдная монета, желѣзный ломъ, буравъ, двѣ кирки, желѣзная лопата, жестяной ящикъ съ двумя веревками, ножъ и кусокъ свѣчи. Въ самой кладовой казначейства, какъ орудія взлома замковъ, остались ломъ и сломанный напильникъ.

Произведеннымъ по поводу этой кражи слѣдствіемъ обнаружено, что квартиру въ домѣ Камсина, изъ которой произведенъ подкопъ наняла передъ кражею неизвѣстная женщина, назвавшаяся женою доктора Никитиною, и прислала въ эту квартиру, какъ бы для ея отдѣлки, неизвѣстнаго человѣка подъ видомъ штукатура. Дней за 10 до кражи Никитина сама переѣхала въ квартиру, а затѣмъ туда же прибыла женщина подъ именемъ Марьи, исполнявшая обязанности кухарки. 29 мая, черезъ два дня послѣ этого, въ квартиру пріѣхала еще молодая дѣвушка подъ именемъ «Соньки» и приняла на себя роль горничной.

При дальнѣйшемъ производствѣ слѣдствія и обнаруженіи нѣкоторыхъ изъ обвиняемыхъ, съ одной стороны, установлено, что означенная кража совершена лицами, принадлежащими къ тайному сообществу, стремящемуся къ ниспроверженію существующаго въ Россіи государственнаго и общественнаго строя, съ цѣлью доставленія означенному обществу средствъ для достиженія его преступныхъ стремленій, а съ другой стороны—опредѣлены лица, проживавшія въ домѣ Камсина передъ кражею и скрывшіяся ко времени ея обнаруженія.

Называвшая себя женою доктора Никитиною и отказавшаяся объявить о своемъ званіи и имени оказалась дворянкою Еленою Россиковою, неизвѣстный, занимавшійся у нея штукатурными работами,—лишеннымъ за кражи всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ Яковомъ Погорѣловымъ, а проживавшая у Россиковой подъ видомъ кухарки Марьи—одесскою мѣщанкою Татьяною Морозовою.

Поименованныя лица, въ числѣ другихъ, осуждены Одесскимъ Военно-Окружнымъ судомъ 10 января 1880 года.

Что же касается до обвиняемой, проживавшей у Россиковой въ качествѣ горничной подъ именемъ «Соньки», то хотя она первоначально и не была обнаружена, но участіе ея въ этой кражѣ было выяснено съ достаточною опредѣленностью.

По показанію Погорѣлова, дѣвушка подъ именемъ «Соньки» оказывала ему весьма дѣятельное пособіе въ подземной работѣ, вытаскивая изъ подкопа жестянымъ ящикомъ глину, а когда проломъ въ самой кладовой былъ сдѣланъ, и кража совершена, то «Сонька», получивъ изъ украденныхъ денегъ 10,000 руб., уѣхала изъ квартиры первая, еще въ то время, когда мѣшки съ деньгами не были увезены.

Подтверждая въ этихъ частяхъ объясненіе Погорѣлова, Татьяна Морозова дополнила, что дѣвушка, выносившая изъ подкопа землю

въ другую комнату и на чердакъ, была лѣтъ 16, блондинка низенькаго роста и называлась «Нилкой».

2-го мая 1881 года, задержанная въ С.-Петербургѣ подъ фамиліей Трифоновой, дочь титулярнаго совѣтника Людмила Терентьева, объясняя, что она занимается «революціонными дѣлами», а средства къ жизни получаетъ изъ фонда партіи, признала свое участіе въ кражѣ изъ Херсонскаго казначейства, совершенной 3 іюня 1879 г., и показала, что работала въ самомъ подкопѣ, а затѣмъ увезла изъ Херсона изъ числа украденныхъ изъ казначейства денегъ 10,000 рублей, каковыя и были употреблены «на борьбу за народное освобожденіе».

Впослѣдствіи Терентьева добавила, что въ квартирѣ Россиковой ее называли иногда «Соней», а иногда «Лилей».

По предъявленіи Терентьевой вышеупомянутымъ Погорѣлову и Морозовой, они признали въ ней ту самую женщину, о которой показали, какъ о горничной Россиковой, извѣстной имъ подъ именами «Соньки» и «Нилки».

V.

Приготовленіе къ цареубійству близъ гор. Одессы осенью 1879 года.

Изъ показанія Григорія Гольденберга, между прочимъ, видно, что въ двадцатыхъ числахъ сентября 1879 года, когда онъ, Гольденбергъ, и Николай Колодкевичъ находились въ Харьковѣ и принимали участіе въ происходившихъ тамъ сходкахъ революціонеровъ и сочувствующихъ имъ лицъ, при чемъ на этихъ сходкахъ обсуждался, при участіи Желябова, планъ цареубійства, въ Харьковъ пріѣхалъ Кошурниковъ (Баранниковъ), вмѣстѣ съ нынѣ казненнымъ государственнымъ преступникомъ Прѣсняковымъ, и привезли съ собою около трехъ пудовъ динамита. Тогда же было рѣшено предпринять приготовленія къ цареубійству, между прочимъ, въ Одессѣ, на линіи Одесской желѣзной дороги, при обратномъ слѣдованіи въ Бозѣ почившаго Государя Императора изъ Крыма въ С.-Петербургъ. Для этой цѣли Колодкевичъ отправился изъ Харькова въ Одессу, гдѣ уже находился Михаилъ Фроленко, который и долженъ былъ принять на себя приведеніе означеннаго замысла въ исполненіе. Съ тою же цѣлью Гольденбергъ отдѣлилъ изъ динамита, привезеннаго Кошурниковымъ и Прѣсняковымъ, около полутора пудовъ и послалъ его въ Одессу съ Татьяною Лебедевою, которая должна была остаться тамъ и помагать Фроленко. Затѣмъ онъ, Гольденбергъ, принялъ участіе въ приготовленіяхъ къ взрыву Императорскаго поѣзда, производимыхъ близъ Москвы на линіи Московско-Курской желѣзной дороги изъ дома Сухорукова (Гартмана). Въ ноябрѣ, собравшіеся здѣсь участники упомянутыхъ приготовленій, получивъ свѣдѣнія о томъ, что Государь Императоръ изволитъ на пути изъ Крыма прослѣдовать черезъ Москву, и въ то же время предположивъ, что вслѣдствіе дурной погоды поѣздка Его Императорскаго Величества въ Одессу моремъ не состоится, пришли къ рѣшенію о томъ, что начатыя въ Одессѣ приготовленія должны быть оставлены, а находя-

щійся тамъ динамитъ перевезенъ въ Москву. За этимъ динамитомъ Гольденбергъ 9 ноября отправился въ Одессу и дорогой, въ Елисаветградѣ, встрѣтилъ нынѣ казненнаго государственнаго преступника Николая Кибальчича, который сказалъ ему, что онъ везетъ изъ Одессы проволоку въ Александровскъ къ Желябову, добавилъ, что въ Одессѣ уже, быть можетъ, успѣли заложить динамитъ подъ рельсы желѣзной дороги. Вслѣдствіе этого Гольденбергъ, по соглашенію съ Кибальчичемъ, послалъ въ Одессу Колодкевичу телеграмму съ подписью «Максимовъ», предупреждающую о прибытіи его, Гольденберга. Подъѣзжая къ Одессѣ, онъ видѣлъ Татьяну Лебедеву, стоявшую на линіи желѣзной дороги около одной изъ сторожевыхъ будокъ, изъ чего заключилъ, что сторожемъ въ этой будкѣ состоитъ Фроленко. Въ Одессѣ Гольденбергъ видѣлся съ этимъ послѣднимъ и съ Колодкевичемъ и, несмотря на видимое нежеланіе Фроленко оставлять начатыя въ Одессѣ приготовленія, истребовалъ отъ нихъ динамитъ для доставленія въ Москву. Кромѣ названныхъ лицъ, Гольденбергъ видѣлъ еще въ Одессѣ Златопольскаго и какого-то молодого человѣка по имени Василія, который вмѣстѣ съ Колодкевичемъ, долженъ былъ перевезти динамитъ изъ будки Фроленко къ Гольденбергу. Этотъ послѣдній получивъ динамитъ и взявъ его съ собою, 13 ноября выѣхалъ изъ Одессы, а 14 ноября въ Елисаветградѣ былъ арестованъ.

Въ подтвержденіе приведеннаго показанія Гольденберга: 1) разслѣдованіемъ, произведеннымъ въ гор. Одессѣ, удостовѣрено, что съ 18 октября и до 8 декабря 1879 г. Фроленко, подъ именемъ курскаго мѣщанина Семена Александрова, дѣйствительно, служилъ сторожемъ на 14 верстѣ Одесской желѣзной дороги, при чемъ проживалъ въ сторожевой будкѣ на 12 верстѣ вмѣстѣ съ Татьяною Лебедевою, которую выдавалъ за свою жену. Въ декабрѣ 1879 года Фроленко оставилъ желѣзнодорожную службу и, не дождавшись расчета, выѣхалъ изъ Одессы (показанія свидѣтелей: инженера Щегельскаго, дорожнаго мастера Корабельникова, жены сторожа Ивановой, Ковриги и проч.); 2) таковымъ же разслѣдованіемъ обнаружено, что съ октября и до половины декабря 1879 г. Колодкевичъ проживалъ въ г. Одессѣ подъ фамиліею Сидоренко, на которую и была адресована телеграмма, посланная ему изъ Елисаветграда Гольденбергомъ и Кибальчичемъ.

Обвиняемые Николай Колодкевичъ, Михаилъ Фроленко, Василій Меркуловъ и Татьяна Лебедева признали всѣ вышеприведенныя обстоятельства и участіе свое въ предпринятыхъ на линіи Одесской желѣзной дороги приготовленіяхъ къ взрыву Императорскаго поѣзда, каковой взрывъ предполагалось произвести посредствомъ проведенія гальваническаго тока къ динамитному заряду, заложенному подъ полотно желѣзной дороги. При этомъ Меркуловъ показалъ, что по порученію Колодкевича онъ перевозилъ мебель изъ Одессы въ сторожевую будку на 12 верстѣ, гдѣ поселился Фроленко вмѣстѣ съ Лебедевою, которая, въ свою очередь, объяснила, что по распредѣленію участія въ предположенномъ преступленіи она должна была для производства взрыва Императорскаго поѣзда замкнуть токъ гальванической батареи

VI.

Покушеніе на цареубійство близъ гор. Александровска, Екатеринославской губ., 18 ноября 1879 года.

По показанію Григорія Гольденберга, на вышеупомянутыхъ революціонныхъ сходкахъ, происходившихъ въ гор. Харьковѣ въ сентябрѣ 1879 года, было, между прочимъ, рѣшено произвести взрывъ Императорскаго поѣзда на линіи Лозово-Севастопольской желѣзной дороги, близъ гор. Александровска, Екатеринославской губерніи. Для совершенія этого преступленія были избраны государственные преступники, нынѣ казненные Желябовъ и Пръсняковъ, осужденные Яковъ Тихоновъ и Иванъ Окладскій и обвиняемая Анна Якимова (она же Баска). Въ октябрѣ Желябовъ, подъ фамиліею ярославскаго купца Черемисова, вмѣстѣ съ Якимовою, которую онъ выдавалъ за свою жену, поселился въ гор. Александровскѣ, въ домѣ мѣщанъ Бовенко, при чемъ появленіе свое въ этомъ городѣ объяснилъ намѣреніемъ устроить кожевенный заводъ на отведенномъ ему мѣстною думою участкѣ городской земли, а затѣмъ занялся приготовленіями къ производству взрыва.

Изъ объясненій Прѣснякова, Тихонова и Окладскаго, подтвержденныхъ показаніями свидѣтелей Тимофея и Маріи Бовенко, а также результатами мѣстнаго осмотра и технической экспертизы, произведенной надъ найденными, по указанію Тихонова, вещественными доказательствами, оказывается, что во время проживанія Желябова и Якимовой въ домѣ Бовенко у нихъ жили или появлялись лишь на короткое время и другіе ихъ сообщники, принимавшіе участіе въ упомянутыхъ приготовленіяхъ. Во исполненіе общаго ихъ преступнаго дѣла, подъ полотномъ желѣзной дороги, на 4-й верстѣ, произведена была закладка мины изъ двухъ цилиндровъ съ магнезіальнымъ динамитомъ, а по полученіи 16 ноября отъ Прѣснякова, пріѣхавшаго изъ Симферополя, свѣдѣній о предстоящемъ 18 ноября проѣздѣ Государя Императора, Желябовъ, Тихоновъ, Окладскій и Прѣсняковъ въ означенный день отправились въ телѣгѣ, въ которой помѣщалась гальваническая батарея, къ мѣсту, гдѣ была заложена мина; здѣсь Окладскій вынулъ изъ земли спрятанные концы проводниковъ, идущихъ отъ заряда, передалъ ихъ Желябову, который, какъ только Императорскій поѣздъ сталъ проходить надъ миною, по сигналу Окладскаго „жарь", сомкнулъ цѣпь. По неизвѣстной причинѣ взрыва, однако же, не произошло и Императорскій поѣздъ благополучно прослѣдовалъ мимо злоумышленниковъ, которые вскорѣ послѣ этого разъѣхались изъ Александровска.

По предъявленіи свидѣтелямъ Тимофею и Маріи Бовенко обвиняемыхъ Якимовой и Макара Тетерки, они признали: въ первой — женщину, проживавшую у нихъ въ домѣ подъ именемъ жены Желябова-Черемисова, а въ послѣднемъ—человѣка, который въ то же самое время проживалъ у Черемисовыхъ подъ именемъ „Дмитрича".

Обвиняемый Макаръ Тетерка показалъ, что въ 1879 году, въ гор Кіевѣ, онъ познакомился съ Желябовымъ, который послѣ того, какъ лицо, доставлявшее ему, Тетеркѣ, столярную работу, было аре-

стовано по обвиненію въ государственномъ преступленіи, сказалъ обвиняемому, что и его могутъ арестовать, и, снабдивъ его паспортомъ, убѣдилъ не проживать подъ своею настоящею фамиліею Осенью 1879 года Тетерка, по приглашенію Желябова, отправился въ гор. Александровскъ, гдѣ и прожилъ у Желябова около мѣсяца, исполняя по его приказанію разныя столярныя и хозяйственныя работы.

Обвиняемая Анна Якимова созналась въ вышеуказанномъ участіи своемъ при покушеніи на цареубійство 18-го ноября 1879 года.

Обвиняемый Григорій Исаевъ показалъ, что въ октябрѣ и ноябрѣ 1879 года онъ работалъ въ подкопѣ изъ дома Сухорукова въ Москвѣ, откуда ѣздилъ на одинъ день съ проволокою для мины къ Желябову въ гор. Александровскъ, гдѣ при немъ были заложены подъ полотно желѣзной дороги проволоки и одинъ изъ цилиндровъ съ динамитомъ, при чемъ онъ, Исаевъ, принималъ участіе въ работахъ.

Приведенное показаніе Исаева подтвердилъ и Гольденбергъ, объяснивъ, что Исаевъ, работавшій подъ именемъ „Гришки“ въ подкопѣ подъ Московско-Курскую желѣзную дорогу, былъ посланъ изъ Москвы въ Александровскъ съ проволокой, въ видѣ отдыха, такъ какъ онъ болѣе другихъ участниковъ московскаго подкопа былъ утомленъ работой.

VII.

Покушеніе на цареубійство близъ гор. Москвы 19-го ноября 1879 года.

19-го ноября 1879 года, въ 11-мъ часу вечера, на 3-й верстѣ отъ Московской станціи Московско-Курской желѣзной дороги, во время слѣдованія въ Москву поѣзда съ Императорскою свитою былъ произведенъ взрывъ полотна желѣзной дороги, вслѣдствіе чего произошло крушеніе означеннаго поѣзда, въ которомъ злоумышленники, очевидно, предполагали присутствіе въ Бозѣ почившаго Государя Императора. При взрывѣ никто изъ лицъ, слѣдовавшихъ въ поѣздѣ или постороннихъ, не пострадалъ.

По осмотру мѣста взрыва оказалось, что онъ былъ произведенъ посредствомъ мины, заложенной подъ полотно желѣзной дороги и проведенной изъ нижняго этажа дома, расположеннаго близъ желѣзнодорожнаго пути и купленнаго незадолго передъ тѣмъ личностью, именовавшеюся саратовскимъ мѣщаниномъ Сухоруковымъ. Изъ этого дома была выведена подземная галлерея, обшитая внутри досками и оканчивавшаяся миной, заложенной на глубинѣ около 2 саж. подъ рельсами. Самый же взрывъ былъ произведенъ при посредствѣ спирали Румкорфа, помѣщенной въ сундукѣ, стоявшемъ въ верхнемъ этажѣ, и гальванической батареи, находившейся въ сараѣ, въ стѣнѣ котораго близъ батареи имѣлось отверстіе, повидимому, для наблюденія за желѣзнодорожнымъ путемъ. По заключенію экспертовъ, на устройство означеннаго подкопа потребовалось не менѣе 20-ти дней и совмѣстная работа нѣсколькихъ лицъ; что же касается до взрыва, то онъ былъ произведенъ однимъ изъ взрывчатыхъ составовъ, содержащихъ въ себѣ нитроглицеринъ.

Показаніями допрошенныхъ при дознаніи свидѣтелей Анны Трофимовой, Василія Кононова, Екатерины Григорьевой, Ирины Сѣдоковой и другихъ удостовѣряется, что Сухоруковъ появился въ Москвѣ въ началѣ сентября 1879 г. съ женщиною, называвшеюся его женою; пріобрѣтя покупкою у мѣщанина Кононова вышеупомянутый домъ, онъ 19 го сентября переѣхалъ въ него и, удаливъ оттуда жильцовъ подъ предлогомъ необходимыхъ передѣлокъ, приступилъ къ вырытію въ нижнемъ этажѣ дома погребной ямы. Затѣмъ окна нижняго этажа были заколочены, двери заперты, а въ домъ доставлены доски и желѣзныя трубы, найденныя впослѣдствіи въ минной галлереѣ. Послѣ взрыва 19-го ноября всѣ обитатели купленнаго Сухоруковымъ дома скрылись.

Изслѣдованіемъ описаннаго покушенія на цареубійство выяснено что, изъ числа виновниковъ этого преступленія, фамиліею Сухорукова назывался Левъ Николаевъ Гартманъ, скрывшійся за границу, а съ нимъ, подъ именемъ его жены, проживала нынѣ казненная государственная преступница Софья Перовская.

Умершій обвиняемый Гольденбергъ, излагая въ подробности всѣ обстоятельства своего участія въ устройствѣ подкопа подъ Московско Курскую желѣзную дорогу, показалъ, что осенью 1879 г., въ бытность его въ Харьковѣ, туда 16-го октября пріѣхалъ Степанъ Ширяевъ и сообщилъ, что въ Москвѣ уже купленъ домъ и изъ него ведется подкопъ, надъ которымъ работаютъ Гартманъ, подъ фамиліею Сухорукова (по прозванію „Алхимикъ"), Перовская подъ именемъ жены Сухорукова Марины Семеновой, Александръ Михайловъ, Арончикъ и студентъ медико-хирургической академіи „Гришка", оказавшійся впослѣдствіи Исаевымъ. При этомъ Ширяевъ заявилъ, что московскіе работники уже утомились, почему имъ и нужны свѣжія силы По соглашенію съ Желябовымъ и Ширяевымъ, Гольденбергъ, взявъ съ собою оставшіеся у него $1^1/_2$ пуда динамита, 18-го октября выѣхалъ въ Москву, гдѣ засталъ Александра Михайлова, жившаго подъ чужимъ именемъ на Б Лубянкѣ въ меблированныхъ комнатахъ Кузовлева, Арончика, занимавшаго вмѣстѣ съ Галиной Чернявской, подъ именемъ супруговъ Силантьевыхъ, конспиративную квартиру въ д Карениной, на Собачьей площадкѣ, а Гартмана, Перовскую и Гришку—проживавшими въ д Сухорукова. Здѣсь же, разыскавъ этотъ домъ по указанію Михайлова, поселился и онъ, Гольденбергъ, и до самаго своего отъѣзда въ Одессу 9-го ноября работалъ въ подкопѣ, который при пріѣздѣ нашелъ уже доведеннымъ до половины Черезъ недѣлю послѣ прибытія Гольденберга къ участникамъ подкопа присоединился Баранниковъ, подъ именемъ Кошурникова, и Ширяевъ До пріѣзда Гольденберга,въ числѣ работающихъ въ теченіе 3 дней былъ и Морозовъ, который уѣхалъ, потому что, по болѣзни, работать не могъ, и при отъѣздѣ захватилъ съ собою „на память", камень вынутый изъ подкопа. Усерднѣе и успѣшнѣе всѣхъ работалъ Исаевъ, а хуже всѣхъ Арончикъ, котораго за лѣность даже устранили отъ работъ. При распредѣленіи участія въ самомъ производствѣ взрыва возникъ вопросъ о томъ, кому именно сомкнуть гальваническую цѣпь для взрыва По мнѣнію Гольденберга, эту обязанность слѣдовало поручить ему или Кошурникову, такъ

какъ за ними и безъ того уже были прежде совершенныя ими тяжкія преступленія: за Гольденбергомъ—убійство харьковскаго губернатора, свиты Его Императорскаго Величества генералъ-маіора князя Крапоткина, а за Кошурниковымъ (Баранниковымъ)—убійство шефа жандармовъ, генералъ адъютанта Мезенцова. Но такъ какъ они—ни тотъ, ни другой не умѣли обращаться съ гальваническимъ аппаратомъ, то и рѣшено было, что цѣпь сомкнетъ Ширяевъ, а Перовская будетъ наблюдать за приближеніемъ поѣзда и подастъ Ширяеву сигналъ. Наканунѣ взрыва всѣ должны были разъѣхаться, кромѣ Ширяева и Перовской, изъ которыхъ послѣдняя имѣла скрыться въ конспиративной квартирѣ Арончика и Чернявской.

По осмотру домовой книги дома Бѣляева, въ Москвѣ, на Б. Лубянкѣ, гдѣ находились вышеупомянутые номера Кузовлева, и по предъявленіи Александра Михайлова свидѣтелямъ Петру Николаеву и Василію Егорову оказалось, что Михайловъ въ октябрѣ и ноябрѣ 1879 г. проживалъ въ означенныхъ номерахъ подъ именемъ крестьянина Плошкина.

Обвиняемые Александръ Михайловъ и Александръ Баранниковъ признали вышеуказанное участіе свое въ устройствѣ подкопа изъ дома Сухорукова подъ Московско-Курскую желѣзную дорогу. При этомъ Михайловъ показалъ, что, получивъ порученіе «исполнительнаго комитета» осмотрѣть и выбрать мѣсто на линіи Николаевской и Московско-Курской желѣзныхъ дорогъ, наиболѣе удобное для производства взрыва Императорскаго поѣзда, онъ осмотрѣлъ указанныя ему мѣстности и собранныя имъ свѣдѣнія передалъ «комитету», который и остановился вслѣдствіе этого на домѣ, впослѣдствіи купленномъ на имя Сухорукова. Что же касается до самого проведенія подкопа, то Михайловъ, съ большою подробностью и согласно съ объясненіями Гольденберга, описалъ весь ходъ работъ и всѣ вообще относящіяся сюда обстоятельства преступленія. Баранниковъ же, независимо отъ упомянутаго своего сознанія, показалъ, что онъ пріѣхалъ въ Москву изъ Харькова, куда въ сентябрѣ вмѣстѣ съ Прѣсняковымъ перевозилъ динамитъ.

Обвиняемый Григорій Исаевъ, такжесознаваясь въ участіи при устройствѣ подкопа изъ дома Сухорукова, объяснилъ,что въ работахъ по этому подкопу онъ, въ качествѣ техника, долженъ былъ замѣнять собою, въ случаѣ надобности, нынѣ осужденнаго государственнаго преступника Степана Ширяева. По словамъ Исаева, въ означенныхъ работахъ принималъ участіе и Николай Морозовъ, но лишь въ теченіе одного дня; Арончикъ же вовсе не работалъ въ подкопѣ, а вмѣстѣ съ Чернявской содержалъ конспиративную квартиру.

Обвиняемый Николай Морозовъ, признавая себя «террористомъ», показалъ, что не считаетъ возможнымъ дать какія-либо объясненія по поводу обвиненія его въ участіи при покушеніи на цареубійство 19 ноября 1879 г., какъ и вообще по существу всѣхъ предъявленныхъ къ нему обвиненій, такъ какъ его объясненія могли бы повредить его друзьямъ и знакомымъ.

Обвиняемый Айзикъ Арончикъ, отрицая, какъ принадлежность свою къ революціонной партіи, такъ и свое участіе въ покушеніи 19 ноября 1879 г., показалъ, что онъ въ это время въ Москвѣ вов-

се не былъ. По объясненію Арончика, онъ, услыхавъ о томъ, что его товарищъ Колтановскій высланъ изъ Одессы административнымъ порядкомъ, отправился въ іюлѣ 1879 г. его разыскивать въ Вологодскую и Архангельскую губерніи, но тамъ его не нашелъ, а въ августѣ того же года узналъ, что Колтановскій былъ осужденъ Одесскимъ Военно-Окружнымъ Судомъ Возвратившись затѣмъ въ С.-Петербургъ и проживъ здѣсь весь сентябрь подъ чужою фамиліею и паспортомъ Щербакова, онъ отправился въ началѣ октября въ Мценскъ для того, чтобы передать денежное пособіе Колтановскому, содержавшемуся въ мѣстной тюрьмѣ. Дорогой онъ останавливался въ Москвѣ подъ именемъ Щербакова, а въ концѣ октября жилъ въ Орлѣ подъ именемъ Сахарова. Въ концѣ ноября онъ возвратился въ Петербургъ, гдѣ поселился подъ именемъ Бѣликова.

При провѣркѣ приведенныхъ объясненій Арончика оказалось, что хотя въ С.-Петербургѣ, Москвѣ и Орлѣ, приблизительно въ указанное Арончикомъ время, и были прописаны паспорты на имя Щербакова, Сахарова и Бѣликова, но никто изъ допрошенныхъ по этому поводу свидѣтелей не призналъ въ Арончикѣ лицо, проживавшее подъ означенными паспортами и именами.

Независимо отъ этого по сопоставленіи изложенныхъ данныхъ съ показаніями Гольденберга и Исаева о томъ, что Арончикъ не принималъ дѣятельнаго участія въ проведеніи подкопа и не жилъ въ домѣ Сухорукова, а былъ лишь хозяиномъ конспиративной квартиры въ Москвѣ подъ именемъ Силантьева, слѣдуетъ признать, что проживательство его подъ вышеуказанными именами и при вышеозначенныхъ обстоятельствахъ, по времени, къ которому оно относится, отнюдь не исключаетъ приводимаго Гольденбергомъ и Исаевымъ содержанія Арончикомъ вмѣстѣ съ Чернявской конспиративной квартиры въ Москвѣ, какъ убѣжища для участниковъ покушенія 19 ноября 1879 года.

Въ подтвержденіе этого произведеннымъ въ Москвѣ дознаніемъ выяснено, что супруги Силантьевы проживали съ 23 октября по 10 декабря на Собачьей Площадкѣ, въ домѣ Корепиной, а по предъявленіи Арончика проживающей въ означенномъ домѣ свидѣтельницъ Прасковьѣ Никифоровой, она признала въ обвиняемомъ сходство съ Силантьевымъ.

VIII.

Покушеніе на цареубійство въ Зимнемъ Дворцѣ 5 февраля 1880 года.

5-го февраля 1880 г., въ седьмомъ часу вечера, когда въ Зимнемъ Дворцѣ, по случаю ожидавшагося прибытія въ С.-Петербургъ Его Высочества Принца Александра Гессенскаго, въ покояхъ, расположенныхъ надъ помѣщеніемъ главнаго караула, былъ приготовленъ столъ для семейнаго обѣда Членовъ Императорскаго Дома, а Его Императорское Величество, нынѣ въ Бозѣ почившій Государь Императоръ Александръ Николаевичъ, изволилъ выйти на встрѣчу высокому гостю въ малый фельдмаршальскій залъ, изъ подвальнаго этажа про-

изошелъ взрывъ, разрушившій помѣщеніе главнаго караула и смежныя съ нимъ части зданія, а также нѣсколько повредившій полъ тѣхъ комнатъ, въ которыхъ предполагался обѣденный столъ. При означенномъ взрывѣ изъ числа нижнихъ чиновъ л.-гв. Финляндскаго полка, находившихся въ составѣ главнаго караула, было убито на мѣстѣ десять человѣкъ. Кромѣ того, 33 человѣка тѣхъ же чиновъ и нѣкоторыя лица изъ дворцовой прислуги получили болѣе или менѣе тяжкія поврежденія.

По осмотру мѣста взрыва и заключенію, высказанному экспертами на основаніи этого осмотра, оказалось, что взрывъ былъ произведенъ зарядомъ динамита, посредствомъ дѣйствія на него капсюля съ гремучекислою ртутью, воспламененнаго съ помощью огнепроводнаго шнура.

По изслѣдованіи описаннаго событія выяснилось, что обвиненіе въ производствѣ взрыва падаетъ на крестьянина Вятской губерніи, Орловскаго уѣзда, Степана Халтурина и нынѣ казненнаго государственнаго преступника Александра Квятковскаго. Изъ нихъ Халтуринъ въ сентябрѣ 1879 г., подъ именемъ и по паспорту крестьянина Олонецкой губерніи, Каргопольскаго уѣзда, Степана Батышкова, поступилъ въ число столяровъ при Зимнемъ Дворцѣ, проживалъ въ томъ самомъ подвалѣ, изъ котораго былъ произведенъ взрывъ, и послѣ этого послѣдняго скрылся, оставшись до сего времени неразысканнымъ. Квятковскій же былъ задержанъ въ С.-Петербургѣ, 24-го ноября 1879 года, подъ именемъ Чернышева, въ домѣ № 13, по Лештукову переулку, при чемъ по обыску у него было, между прочимъ, найдено ½ пуда магнезіальнаго динамита, разныя приспособленія для устройства взрывныхъ минъ и планъ той части Зимняго Дворца, въ которой послѣдовалъ взрывъ 5-го февраля 1880 года. Приговоромъ С.-Петербургскаго Военно-Окружного Суда по дѣлу о 16 лицахъ, обвинявшихся въ государственныхъ преступленіяхъ, Квятковскій былъ признанъ виновнымъ въ участіи при приготовленіяхъ къ упомянутому посягательству на жизнь нынѣ въ Бозѣ почившаго Государя Императора.

Привлеченный къ настоящему дѣлу въ качествѣ обвиняемаго Григорій Исаевъ показалъ, между прочимъ, что зимою 1879—1880 годовъ и весною 1880 г. онъ, подъ именемъ Еремѣева, проживалъ въ С.-Петербургѣ, по Большой Подъяческой улицѣ, въ домѣ № 37, кв. № 27, вмѣстѣ съ двумя женщинами, изъ которыхъ одна называлась Анною Давыдовою, а другая Поликарповою, и занимался приготовленіемъ динамита для разныхъ террористическихъ предпріятій своей «партіи». При этомъ Исаевъ сознался въ томъ, что онъ же приготовлялъ динамитъ и запалы, употребленные при взрывѣ 5-го февраля 1880 года въ Зимнемъ Дворцѣ.

Свидѣтель Николай Казимировъ, дворникъ дома № 37, по Большой Подъяческой, призналъ въ обвиняемой Аннѣ Якимовой Анну Давыдову, проживавшую въ означенномъ домѣ вмѣстѣ съ Еремѣевымъ-Исаевымъ, каковое обстоятельство не отвергается и обвиняемыми Исаевымъ и Якимовой.

Изъ показанія обвиняемой Татьяны Лебедевой видно, что она проживала съ Исаевымъ и Якимовой подъ именемъ Поликарповой въ домѣ № 37, по Большой Подъяческой улицѣ.

IX.

Приготовленіе къ цареубійству въ гор. Одессѣ весною 1880 года.

Изъ показаній обвиняемаго Василія Меркулова, между прочимъ, видно, что въ гор. Одессѣ, весною 1880 года, готовилось посягательство на жизнь нынѣ въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра Николаевича, посредствомъ мины, которую предполагалось подвести подъ Итальянскую улицу на пути слѣдованія Его Императорскаго Величества отъ вокзала желѣзной дороги къ пароходной пристани.

Обстоятельства означеннаго преступленія представляются въ слѣдующемъ видѣ:

Въ началѣ 1880 года, въ гор. Одессѣ, Меркуловъ, при посредствѣ неразысканной до настоящаго времени Вѣры Филипповой, урожденной Фигнеръ, сошелся съ казненной государственной преступницей Софьей Перовской и съ обвиняемымъ по настоящему дѣлу Львомъ Златопольскимъ, а затѣмъ познакомился съ Григоріемъ Исаевымъ, извѣстнымъ ему въ то время подъ именемъ «Григорія», съ проживавшей съ нимъ, подъ видомъ жены, Анной Якимовой и съ лишившимъ себя жизни 3-го марта 1881 года въ конспиративной квартирѣ, по Телѣжной улицѣ, Николаемъ Саблинымъ. Весною того же года Перовская и Саблинъ, подъ именемъ уманьскихъ мѣщанъ Пегра и Марьи Прохоровскихъ, наняли въ домѣ №.47, по Итальянской улицѣ, лавку, въ которой и открыли торговлю бакалейнымъ товаромъ. Изъ этой лавки, при участіи посѣщавшихъ Саблина и Перовскую: Меркулова, Исаева, Златопольскаго, Якимовой и Филипповой, предположено было провести подкопъ подъ полотно Итальянской улицы, съ каковою цѣлью въ своемъ помѣщеніи, гдѣ производилась торговля, въ лѣвомъ углу, за прилавкомъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ ветхія половицы, зачиненныя новыми досками, могли быть подняты безъ поврежденія пола, была выкопана яма, изъ которой участники преступленія намѣревались, съ помощью бурава, просверлить самый каналъ для мины. На этомъ, однако, и остановилось осуществленіе злодѣйскаго умысла, такъ какъ полученное извѣстіе о прибытіи Государя Императора въ Одессу черезъ три дня заставило злоумышленниковъ прекратить работы, которыя не могли быть доведены до конца въ столь короткое время. Вслѣдствіе этого вырытый уже вертикальный колодезь былъ засыпанъ и затѣмъ 24-го мая Прохоровскіе оставили нанятое ими помѣщеніе, отмѣтившись выбывшими въ гор. Полтаву.

Между тѣмъ, по объясненію Меркулова, всѣ приспособленія для земляныхъ работъ были уже заготовлены. Такъ Златопольскій, извѣстный въ лавкѣ Прохоровскихъ подъ именемъ «Механика», пріобрѣлъ земляной буравъ и, для приданія діаметру канала достаточныхъ размѣровъ, самъ придѣлалъ къ этому бураву рѣзцы, а для удлиненія его новыми колѣнами, по мѣрѣ хода работы, купилъ нѣсколько водопроводныхъ трубъ, разрѣзалъ ихъ на части, а затѣмъ отдалъ въ водопроводную мастерскую Виника для нарѣзки на концахъ ихъ винтовъ, при посредствѣ которыхъ эти отдѣльные куски могли бы скрѣпляться

между собой. Далѣе Меркуловъ, указавъ домъ, въ которомъ во время работъ по подкопу проживали Исаевъ и Якимова подъ именемъ супруговъ Потаповыхъ, объяснилъ и объ обстоятельствахъ, при которыхъ эта квартира сдѣлалась ему извѣстна, а именно: во время производства Исаевымъ какихъ-то химическихъ работъ взрывомъ гремучаго вещества ему оторвало три пальца на рукѣ. Опасаясь, чтобы этотъ взрывъ не обратилъ вниманія сосѣдей и не повлекъ бы за собой полицейскаго осмотра квартиры, Якимова, удалившись въ лавку Прохоровскихъ, послала Меркулова удостовѣриться, не произвелъ ли взрывъ какого-либо волненія въ домѣ, объяснивъ ему при этомъ адресъ квартиры.

Сознаваясь въ приписываемомъ ему преступленіи, обвиняемый Григорій Исаевъ показалъ, что, проживая въ Одессѣ весною 1880 г., подъ именемъ Потапова, съ женщиной, именовавшейся его женой Варварой, онъ предполагалъ принять участіе въ готовившемся посягательствѣ на жизнь Священной Особы Государя Императора въ качествѣ техника по подкопу и взрыву. Для исполненія этого намѣренія были приготовлены: буравъ, динамитъ, цилиндры, батарея и прочія принадлежности взрыва, которыя и хранились частью въ лавкѣ Прохоровскихъ, частью же въ его, Исаева, квартирѣ.

По предъявленіи Исаеву фотографическаго снимка обвиняемаго Льва Златопольскаго онъ призналъ въ немъ изображеніе одного изъ участниковъ преступленія, извѣстнаго ему подъ именемъ «Льва», и въ дальнѣйшихъ своихъ объясненіяхъ подтвердилъ изложенныя Меркуловымъ обстоятельства потери имъ пальцевъ, добавивъ, что за медицинскою помощью онъ обращался въ Одесскую городскую больницу

Осмотромъ книгъ на запись жильцовъ въ домахъ № 47 по Итальянской улицѣ и № 3 по Троицкой удостовѣрено, что въ первомъ изъ означенныхъ домовъ, съ 4-го апрѣля по 24-е мая 1880 года, нанимали торговое помѣщеніе уманьскіе мѣщане Петръ и Марья Прохоровскіе, при чемъ паспортъ, по которому они жили, оказался подложнымъ, а во второмъ домѣ, съ 23-го апрѣля и по 14-е іюля, проживали московскіе мѣщане Сергѣй и Варвара Потаповы.

Хозяинъ дома № 47 по Итальянской улицѣ Вильгельмъ Галка призналъ въ фотографическомъ снимкѣ Саблина нѣкоторое сходство съ Прохоровскимъ, открывшимъ въ его домѣ торговлю бакалейнымъ товаромъ.

По осмотрѣ помѣщенія подъ № 7 въ вышеозначенномъ домѣ Галка № 47, по Итальянской улицѣ, которое по удостовѣренію домохозяина было занято весной 1880 года бакалейной торговлей Прохоровскихъ, оказалось, что въ лѣвомъ углу лавки старыя половицы, по распоряженію домохозяина, починены мѣстами новыми досками, каковая починка, по заявленію того же Галка, была произведена по его распоряженію.

Бывшій весной 1880 года дворникомъ дома № 3 по Троицкой улицѣ, отставной рядовой Костинъ призналъ въ фотографическомъ снимкѣ Анны Якимовой лицо, похожее на жену Потапова.

По предъявленіи служащимъ въ Одесской городской больницѣ: надзирателю Михайлову, фельдшерицѣ Симборской и служителю Малаховскому фотографическихъ карточекъ Исаева и Якимовой, первый

изъ нихъ призналъ большое сходство Исаева съ больнымъ, лежавшимъ въ больницѣ лѣтомъ 1880 г., вторая—положительно признала въ Исаевѣ, лежавшаго въ больницѣ весной 1880 года Сергѣя Потапова, у котораго были оторваны три пальца на одной изъ рукъ, и къ которому ходила женщина, именовавшаяся его женой, а третій—найдя въ карточкѣ Исаева большое сходство съ человѣкомъ, лежавшимъ въ апрѣлѣ или маѣ 1880 г., съ тремя оторванными пальцами на рукѣ, положительно призналъ въ карточкѣ Якимовой женщину, посѣщавшую означеннаго больного и именовавшуюся его женой.

Осмотромъ книги дома № 81 по Старо-Портофранкской улицѣ удостовѣрено, что съ октября 1879 года по іюль 1880 года въ означенномъ домѣ проживали елисаветградскіе мѣщане—Левъ Іогановъ и Сарра Соломонова Златопольскіе.

Мастеръ водопроводной мастерской Виника, мѣщанинъ Лихтенштейнъ удостовѣрилъ, что лѣтомъ 1880 г., но въ какомъ мѣсяцѣ не помнитъ, въ мастерскую Виника были принесены неизвѣстнымъ лицомъ 12 свѣже-нарѣзанныхъ водопроводныхъ трубъ, которыя приказано было нарѣзать по концамъ винтами, такимъ образомъ, чтобы одинъ конецъ могъ ввинчиваться въ другой. Впослѣдствіи, какъ свидѣтель слышалъ отъ рабочихъ, заказчикъ, придя вторично, осматривалъ нарѣзы и просилъ ихъ удлинить и, наконецъ, взялъ трубы, оставшись доволенъ исполненіемъ работы. Лихтенштейнъ, присутствовавшій при полученіи заказчикомъ трубъ, въ предъявленной ему карточкѣ Льва Златопольскаго призналъ сходство съ вышеупомянутымъ заказчикомъ, описавъ при этомъ примѣты его согласно съ дѣйствительными примѣтами Златопольскаго.

Спрошенный въ качествѣ обвиняемаго Левъ Златопольскій, отрицая всякое свое участіе въ какомъ-либо революціонномъ предпріятіи, а равно и знакомство съ Исаевымъ и Меркуловымъ, объяснилъ, что въ Одессѣ, весною 1880 года, онъ былъ раза два или три въ лавкѣ Перовской, съ которой познакомился въ С.-Петербургѣ въ 1878 году, во время производства въ Особомъ Присутствіи Правительствующаго Сената дѣла о преступной пропагандѣ въ Имперіи, и предполагалъ, что Перовская скрывается отъ преслѣдованія правительства, но ни о какихъ преступныхъ ея замыслахъ не зналъ и въ нихъ участія не принималъ.

Обвиняемая Анна Якимова отказалась дать какія-либо объясненія.

X.

Приготовленія къ цареубійству въ гор. С.-Петербургѣ лѣтомъ 1880 года.

Изъ дальнѣйшихъ объясненій обвиняемаго, Василія Меркулова получены были нижеслѣдующія свѣдѣнія о приготовлявшемся въ г. С.-Петербургѣ, лѣтомъ 1880 года, посягательствѣ на жизнь нынѣ почившаго Государя Императора.

Катаясь, однажды, въ началѣ лѣта на лодкѣ вмѣстѣ съ Желябовымъ, Пресняковымъ, Грачевскимъ, Баранниковымъ (извѣстнымъ

ему въ то время подъ именемъ «Порфирія»), Александромъ Михаиловымъ, именовавшимся тогда «Иваномъ Петровымъ», и Тетеркой, Меркуловъ слышалъ происходившій между этими лицами разговоръ о необходимости заложить динамитъ подъ какой-то мостъ по Гороховой улицѣ, съ цѣлью посягнуть на жизнь Государя Императора, причемъ «Порфирій» (Баранниковъ) предлагалъ одновременно съ взрывомъ моста примѣнить и метательный снарядъ. Изъ содержанія разговора Меркуловъ заключилъ, что совершеніе этого преступленія было уже раньше рѣшено между соучастниками. Черезъ нѣкоторое время послѣ упомянутой прогулки, по отбытіи уже Государя Императора въ Ливадію, Меркуловъ, отправившись на свиданіе съ Желябовымъ на каналъ близъ Михайловскаго сада, встрѣтилъ тамъ Александра Михайлова и нѣкоего „Мартына“, оказавшагося впослѣдствіи Лангансомъ, слѣдившихъ за появленіемъ полиціи. Желябовъ прибылъ скоро на мѣсто свиданія въ лодкѣ, вмѣстѣ съ Тетеркой и Баранниковымъ, причемъ послѣдній отдалъ Меркулову на сохраненіе два желѣзныхъ пятилапныхъ якорька-кошки, а Тетерка объяснилъ ему, что они ѣздили извлекать динамитъ изъ-подъ какого-то моста по Гороховой улицѣ, но не могли его достать, такъ какъ кошки не захватывали достаточно глубоко. Упомянутыя кошки Меркуловъ оставилъ впослѣдствіи своему квартирному хозяину, въ домѣ № 15/2 по Забалканскому проспекту, Никифору Дмитріеву.

Обвиняемый Макаръ Тетерка, подтверждая въ общихъ чертахъ заявленіе Меркулова о готовившемся лѣтомъ 1880 г. посягательствѣ на жизнь въ Бозѣ почившаго Государя Императора, посредствомъ взрыва одного изъ мостовъ, лежавшихъ на пути обычнаго слѣдованія Его Императорскаго Величества—отъ вокзала Царскосельской желѣзной дороги къ Зимнему Дворцу, объяснилъ, что покушеніе это было рѣшено на сходкѣ, собравшейся въ какомъ-то трактирѣ, въ которой принимали участіе кромѣ него самого: Желябовъ, Пѣсняковъ, Меркуловъ, Баранниковъ и, кажется, еще двое неизвѣстныхъ ему лицъ. Чрезъ нѣсколько дней Тетерка, по указанію Желябова, пріѣхалъ въ квартиру, помѣщавшуюся въ одной изъ улицъ близъ Троицкаго переулка, и тамъ, спросивъ „подушку“, получилъ отъ неизвѣстнаго ему человѣка корзину, въ которой лежала завернутая въ рогожу гуттаперчевая подушка, вѣсомъ около двухъ пудовъ, которую онъ, Тетерка, и привезъ въ Петровскій паркъ, гдѣ его уже ожидали Желябовъ и Пѣсняковъ. Усѣвшись втроемъ въ лодку, гдѣ уже находилась такая же подушка и проволоки, соучастники выѣхали сначала на взморье и тамъ связали обѣ подушки веревками, а затѣмъ Фонтанкой и Крюковымъ каналомъ проѣхали въ Екатерининскій, гдѣ, подъ Каменнымъ мостомъ, и погрузили подушки въ воду, прикрѣпивъ конецъ веревки и проволоки проводниковъ къ находившемуся близъ моста, выше по теченію, плоту, на которомъ устроена прачешная. По состоявшемуся между участниками преступленія соглашенію, взрывъ долженъ былъ произвести Желябовъ, при содѣйствіи Тетерки, во время проѣзда Государя Императора черезъ мостъ. Въ назначенный день и часъ Тетерка, имѣя при себѣ корзину съ картофелемъ, долженъ былъ сойтись съ Желябовымъ у Чернышева моста и отправиться вмѣстѣ съ нимъ на плотъ, къ которому были

прикрѣплены проводники, гдѣ, подъ видомъ перемывки картофеля, соединить проводники съ батареей, которую взялся принести Желябовъ. Въ назначенное, однако, время Тетерка, по неимѣнію часовъ, не явился своевременно на мѣсто свиданія, а въ тотъ же самый день въ Бозѣ почившій Государь Императоръ прослѣдовалъ черезъ С.-Петербургъ на южный берегъ Крыма. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого, ночью, тѣ же лица поѣхали поднимать подушки съ динамитомъ со дна канала, но не успѣли въ этомъ, такъ какъ имѣвшіяся у нихъ кошки не захватывали своими лапками подушекъ.

Свидѣтель, кузнечнаго цеха мастеръ Никифоръ Дмитріевъ, представилъ къ дѣлу двѣ кошки, подаренныя ему Меркуловымъ, нанимавшимъ у него комнату подъ именемъ мѣщанина Сергѣя Лапина, по паспорту, данному ему въ Одессѣ Златопольскимъ.

По тщательномъ изслѣдованіи дна Екатерининскаго канала, подъ Каменнымъ мостомъ и близъ него, 4 мая и 6 іюня 1881 года были обнаружены 4 гуттаперчевыя подушки, наполненныя чернымъ динамитомъ, въ количествѣ 7 пудовъ. Первыя двѣ подушки, лежавшія рядомъ, саженяхъ въ 10 отъ моста, ниже по теченію, не имѣли при себѣ ни запальныхъ зарядовъ ни проводниковъ; вторыя же, найденныя впослѣдствіи нѣсколько далѣе первыхъ, были спутаны проволоками и содержали въ себѣ запальные стаканы съ пропущенными въ нихъ проводниками, заряженные крошенымъ пироксилиномъ, смоченнымъ нитроглицериномъ.

Эксперты, производившіе осмотръ и химическое изслѣдованіе вышеозначенныхъ минъ, пришли къ слѣдующимъ выводамъ:

1) внѣшній видъ гуттаперчевыхъ оболочекъ указываетъ на весьма продолжительное пребываніе ихъ въ водѣ, причемъ, по имѣющимся на нихъ крестообразнымъ впадинамъ, можно заключить, что подушки эти были связаны между собой;

2) заключающійся въ подушкахъ черный динамитъ, частью подмоченный, по химическому своему составу близко подходитъ къ динамиту, вынутому изъ мины, подведенной подъ М. Садовую улицу изъ лавки Кобозева, и

3) система запаловъ не представляетъ ничего новаго, укупорка же ихъ настолько удовлетворительна, что весь зарядъ сохранился сухимъ.

Указаніе обвиняемаго Тетерки на неизвѣстное лицо, передавшее ему подушку съ динамитомъ, повлекло за собой привлеченіе къ настоящему дѣлу Григорія Исаева, который, признавая свое участіе въ вышеизложенномъ преступномъ замыслѣ на жизнь въ Бозѣ почившаго Государя Императора, объяснилъ, что заключавшіеся въ подушкахъ динамитъ и запальные заряды приготовлены имъ съ цѣлью покушенія на цареубійство, причемъ онъ принималъ и непосредственное участіе въ самомъ заложеніи мины подъ мостомъ.

Обвиняемый Александръ Баранниковъ сознался въ томъ, что лѣтомъ 1880 года, съ цѣлью произвести взрывъ при проѣздѣ Его Императорскаго Величества, принималъ участіе въ заложеніи динамита подъ мостомъ на Гороховой улицѣ, а затѣмъ, по отъѣздѣ Государя Императора въ Ливадію, пытался, вмѣстѣ съ другими лицами, вытащить заложенный динамитъ, но безуспѣшно.

Обвиняемый Александръ Михайловъ заявилъ, что не имѣлъ никакихъ свѣдѣній о готовившемся покушеніи на цареубійство вышеописаннымъ способомъ.

XI.

Покушеніе на кражу изъ Кишиневскаго Губернскаго Казначейства.

Въ декабрѣ 1880 года, въ городѣ Кишиневѣ, по Варфоломеевскому переулку, во дворѣ Швейцарской гостинницы, во флигелѣ, рядомъ съ губернскимъ казначействомъ, поселились неизвѣстные мужчина и женщина, подъ именемъ супруговъ Мироненко.

Вскорѣ по пріѣздѣ они, своею крайне уединенною жизнью, обратили на себя вниманіе полиціи, а послѣ того, какъ паспорты ихъ были подробно осмотрѣны, они немедленно, въ январѣ 1881 года, выѣхали изъ Кишинева, несмотря на то, что квартира была нанята ими на годъ.

Впослѣдствіи обнаружилось, что въ одной изъ комнатъ квартиры Мироненко былъ прорѣзанъ полъ и въ образовавшемся отверстіи, въ $1^1/_2$ аршина длиною и $^3/_4$ аршина шириною, начатъ подкопъ подъ казначейство, засыпанный ко времени его обнаруженія рыхлою землею; а самое отверстіе въ полу заложено отрѣзками половыхъ досокъ, причемъ образовавшіяся при этой работѣ щели оказались замазанными и закрашенными.

Задержанный въ С.-Петербургѣ, 27 февраля 1881 года, обвиняемый Василій Меркуловъ, признавая себя принадлежащимъ къ „соціально-революціонной партіи", между прочимъ, показалъ, что въ декабрѣ 1880 года, получивъ отъ обвиняемаго Колодкевича деньги, онъ, по порученію казненнаго государственнаго преступника Желябова, отправился вмѣстѣ съ обвиняемыми—Фроленко, Фриденсономъ и Лебедевою въ Кишиневъ, для совершенія кражи изъ мѣстнаго казначейства и принималъ участіе въ подкопѣ, веденномъ изъ квартиры Фроленко и Лебедевой, проживавшихъ подъ именемъ супруговъ Мироненко; а затѣмъ ѣздилъ по порученію Фроленкс въ Одессу, гдѣ черезъ рабочаго Попова вошелъ въ сношеніе съ обвиняемымъ Тригони и просилъ его приготовить въ Одессѣ квартиру, въ которой можно было бы скрыться въ случаѣ удачной кражи изъ казначейства. По объясненію Меркулова, Фриденсонъ оставался въ Кишиневѣ не долго и оттуда уѣхалъ, по порученію Фроленко, для того, чтобы найти другое казначейство, изъ котораго можно было бы удобнѣе совершить кражу.

Приведенное показаніе Меркулова въ соотвѣтствующихъ частяхъ вполнѣ подтвердилось, какъ отмѣткою въ книгѣ лицъ, пріѣзжающихъ въ гор Кишиневъ, о прибывшихъ въ концѣ 1880 года чиновникѣ Иванѣ Мироненко съ женою Елизаветою Александровою, такъ равно и показаніемъ свидѣтеля Берки Кровецъ, признавшаго въ Меркуловѣ лицо, бывшее въ Кишиневѣ зимою 1880 г.

Что же касается до упоминаемаго въ показаніи Меркулова—Попова то послѣдній объяснилъ, что въ декабрѣ 1880 г. Меркуловъ

дѣйствительно, пріѣзжалъ изъ Кишинева въ Одессу, для переговоровъ чрезъ его посредство съ Тригони.

Тригони, въ свою очередь отрицая всякое отношеніе свое къ покушенію на кражу изъ кишиневскаго казначейства, вмѣстѣ съ тѣмъ объяснилъ, что въ концѣ 1880 года онъ видѣлся въ Одессѣ съ пріѣзжавшимъ изъ Кишинева Меркуловымъ, который говорилъ ему, что въ Одессѣ нужна будетъ для кого-то квартира, но для чего и для кого именно, ему Меркуловъ не передавалъ, а онъ, Тригони, въ виду отсутствія этихъ указаній, не пожелалъ оказать Меркулову содѣйствія.

По задержаніи Фриденсона 25-го января 1881 года, подъ фамиліей Агаческулова, при обыскѣ въ его квартирѣ, между прочимъ, былъ найденъ аттестатъ на имя служившаго въ канцеляріи Ковенскаго Губернскаго Предводителя Дворянства Андрея Иванова Коморскаго, оказавшійся, какъ и видъ на имя Агаческулова, подложнымъ.

Отвергая справедливость оговора Меркулова, обвиняемый Фриденсонъ тѣмъ не менѣе призналъ, что въ декабрѣ 1880 года онъ, дѣйствительно, былъ въ Кишиневѣ, но съ какою цѣлью объяснить не желаетъ.

Осмотромъ книгъ пріѣзжающихъ въ „Швейцарскую гостинницу“ гор. Кишинева установлено, что въ декабрѣ 1880 года Фриденсонъ проживалъ въ означенной гостинницѣ, по отобранному у него при обыскѣ подложному виду на имя Коморскаго.

По предъявленіи обвиняемаго, Михаила Фроленко содержателю Швейцарской гостинницы въ гор. Кишиневѣ—Карлу Симодини, послѣдній призналъ въ немъ того самаго человѣка, который въ концѣ 1880 года нанялъ у него во флигелѣ съ неизвѣстною женщиною, подъ именемъ супруговъ Мироненко, квартиру, изъ которой впослѣдствіи былъ обнаруженъ начатый и затѣмъ оставленный подкопъ подъ казначейство.

Обвиняемый Фроленко, уклоняясь отъ подробныхъ объясненій, призналъ свое участіе въ покушеніи на кражу изъ Кишиневскаго казначейства, заявивъ, что показаніе Симодини онъ признаетъ справедливымъ.

По заарестованіи затѣмъ 4 сентября 1881 года обвиняемой Татьяны Лебедевой, она, признавая принадлежность свою къ террористической фракціи „соціально-революціонной партіи“, показала, что съ конца 1880 года и до половины января 1881 года она проживала въ Кишиневѣ въ качествѣ квартирной хозяйки, подъ именемъ Елизаветы Александровой Мироненко, съ цѣлью совершить посредствомъ подкопа похищеніе денегъ изъ казначейства.

Свидѣтель Симодини призналъ въ Лебедевой лицо, проживавшее въ Кишиневѣ съ Мироненко въ качествѣ его жены.

XII

Злодѣяніе 1-го марта 1881 года.

1-го марта 1881 года, въ воскресенье, въ 3-мъ часу пополудни въ С.-Петербургѣ, на набережной Екатерининскаго канала совершилось величайшее злодѣяніе, жертвою котораго палъ Государь Императоръ Александръ Николаевичъ.

При изслѣдованіи этого горестнаго событія выяснилось и приговоромъ Особаго Присутствія Правительствующаго Сената по дѣлу о виновникахъ злодѣянія признано, что планъ его былъ составленъ злоумышленниками еще въ концѣ 1880 года, когда начаты были и всѣ приготовленія къ приведенію злодѣйскаго умысла въ исполненіе. Сущность означеннаго плана заключалась въ томъ, чтобы, изучивъ предварительно обычное направленіе и время проѣздовъ Государя Императора по улицамъ столицы, совершить затѣмъ посягательство на жизнь Его Императорскаго Величества, смотря по обстоятельствамъ, однимъ изъ слѣдующихъ двухъ, заранѣе подготовленныхъ, способовъ: посредствомъ взрыва мины, заложенной въ подкопѣ, проведенномъ изъ сырной лавки Кобозева, въ домѣ графа Менгдена, подъ М. Садовую улицу, или же посредствомъ метательныхъ снарядовъ, брошенныхъ во время проѣзда Государя Императора. Изъ этихъ двухъ способовъ первый оказался неисполнимымъ, такъ какъ въ день, избранный для совершенія злодѣянія, Государь Императоръ не изволилъ прослѣдовать по Малой Садовой, вслѣдствіе чего былъ примѣненъ второй способъ—дѣйствіе метательными снарядами, взрывъ которыхъ 1-го марта, на Екатерининскомъ каналѣ, причинилъ Его Императорскому Величеству тяжкія поврежденія, повлекшія за собою того же числа мученическую кончину незабвеннаго Монарха и, сверхъ того, имѣлъ послѣдствіемъ причиненіе болѣе или менѣе опасныхъ поврежденій 9-ти лицамъ Императорской свиты и 10-ти посторонннимъ, случайно находившимся на мѣстѣ злодѣянія.

Вышеупомянутымъ приговоромъ Особаго Присутствія Правительствующаго Сената за злодѣяніе это осуждены и понесли наказаніе шесть лицъ, изъ числа которыхъ, какъ установлено приговоромъ, государственные преступники—Андрей Желябовъ и Софья Перовская руководили преступнымъ замысломъ, а послѣдняя, кромѣ того, и его исполненіемъ, Николай Рысаковъ бросилъ первый метательный снарядъ подъ карету Государя Императора, Николай Кибальчичъ приготовлялъ въ качествѣ техника метательные снаряды, Тимофей Михайловъ былъ однимъ изъ участниковъ заговора и его осуществленія, а Геся Гельфманъ была хозяйкой конспиративной квартиры злоумышленниковъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, при томъ же изслѣдованіи, а впослѣдствіи и при судебномъ разсмотрѣніи дѣла о злодѣяніи 1-го марта, обнаружились указанія на виновность еще другихъ, кромѣ вышепоименованныхъ лицъ, изъ числа которыхъ 13 привлечено къ настоящему дѣлу въ качествѣ обвиняемыхъ, а именно: Григорій Исаевъ, Николай Колодкевичъ, Александръ Баранниковъ, Михаилъ Фроленко, Михаилъ Тригони, Николай Сухановъ, Иванъ Емельяновъ, Василій Меркуловъ, Петръ Тычининъ, Мартынъ Лангансъ, Анна Якимова, Татьяна Лебедева и Елизавета Оловенникова.

Первоначальными поводами, къ обвиненію названныхъ лицъ въ участіи въ злодѣяніи 1-го марта, послужили подробныя показанія нынѣ казненнаго государственнаго преступника, Николая Рысакова и обвиняемаго Василія Меркулова, имѣющія значеніе полнаго сознанія по отношенію къ нимъ самимъ и согласнаго съ обстоятельствами для оговора другихъ обвиняемыхъ.

По объясненію Рысакова, сойдясь, съ осени 1880 г., съ Желябовымъ и вступивъ подъ его вліяніемъ въ революціонную организацію рабочихъ, онъ сталъ встрѣчаться и съ другими революціонными дѣятелями, находившимися съ Желябовымъ въ болѣе или менѣе частыхъ сношеніяхъ. Такъ, онъ зналъ Баранникова, подъ прозвищемъ «Порфирія», который однажды при немъ приходилъ на свиданіе съ Желябовымъ на Конногвардейскій бульваръ; Колодкевича—подъ прозваніемъ «Котъ-Мурлыка», который вмѣстѣ съ Баранниковымъ слѣдилъ за нимъ, Рысаковымъ, когда онъ, по порученію Исаева, перевозилъ типографскій станокъ съ вокзала Николаевской желѣзной дороги, и Меркулова (онъ же Яковенко), называвшагося «Василіемъ», котораго онъ, Рысаковъ, видѣлъ въ конспиративной квартирѣ Саблина и Геси Гельфманъ, въ Телѣжной улицѣ, гдѣ Меркуловъ, повидимому, даже проживалъ. Во время приготовленій къ совершенію новаго посягательства на жизнь въ Бозѣ почившаго Государя Императора, онъ, Рысаковъ, принималъ участіе въ устроенныхъ подъ руководствомъ Перовской наблюденіяхъ за выѣздами Его Величества. Наблюденія эти производили, кромѣ его, Рысакова, Аркадій Тырковъ, Петръ Тычининъ и Елизавета Оловенникова, которые обо всемъ, ими узнанномъ, сообщали Перовской въ разныхъ мѣстахъ, между прочимъ, въ квартирѣ, хозяйкой которой была Оловенникова, извѣстная Рысакову подъ именемъ «Лизы», а также и въ квартирѣ Тычинина. Въ декабрѣ 1880 года Рысаковъ познакомился съ членомъ сообщества, который назывался «Григоріемъ», и руки котораго, при встрѣчахъ его съ Рысаковымъ, были всегда выпачканы во что-то черное, вслѣдствіе чего Рысаковъ первоначально предположилъ, что онъ занимается типографской работой, а впослѣдствіи пришелъ къ заключенію, что «Григорій» приготовляетъ динамитъ, тѣмъ болѣе, что, по словамъ Кибальчича—техника, завѣдывавшаго изготовленіемъ метательныхъ снарядовъ,—«Григорій» долженъ былъ 28 февраля придти на конспиративную квартиру на Телѣжной улицѣ, извѣстную лишь немногимъ и притомъ главнѣйшимъ участникамъ преступныхъ приготовленій. Утромъ 1-го марта Рысаковъ видѣлъ «Григорія» въ числѣ своихъ знакомыхъ на Невскомъ проспектѣ, ожидающихъ проѣзда Государя Императора. На призывъ Желябова совершить цареубійство отозвались кромѣ его, Рысакова, Тимофея Михайлова, «Михаила Ивановича», по прозванію «Котикъ», убитаго при взрывѣ, еще человѣкъ, называвшійся «Михаиломъ», съ которымъ незадолго передъ тѣмъ его, Рысакова, познакомилъ Желябовъ, какъ съ «товарищемъ по дѣлу». Человѣкъ этотъ, носившій также прозвище «Сугубаго», жилъ легально и имѣлъ знакомства въ обществѣ. Зная хорошо системы револьверовъ, онъ, по выраженію Желябова, былъ оружейникомъ участниковъ преступленія. Рысаковъ видѣлъ его въ конспиративной квартирѣ по Телѣжной улицѣ, откуда «Михаилъ» или «Сугубый» получилъ 1-го марта метательный снарядъ и въ числѣ четырехъ метальщиковъ отправился ожидать проѣзда Государя Императора, причемъ долженъ былъ стоять на назначенномъ ему мѣстѣ, на углу Невскаго проспекта и М. Садовой. Въ случаѣ же неудачи предположеннаго взрыва на М. Садовой, «Сугубый» долженъ былъ, вмѣстѣ съ другими метальщиками, спѣшить на Екатерининскій каналъ и здѣсь ожидать возвращенія Государя въ Зимній Дворецъ.

Обвиняемый Меркуловъ, сознаваясь въ участіи при приготовленіяхъ къ злодѣянію 1 марта, показалъ, что въ 20 числахъ января 1881 года, по возвращеніи своемъ въ С.-Петербургъ изъ Кишинева, послѣ неудавшагося тамъ покушенія на кражу изъ мѣстнаго казначейства, онъ узналъ отъ Исаева, что ему, Меркулову, нужно поступить въ сырную лавку Кобозева на М. Садовой «за молодца». Исполнивъ это требованіе Исаева, обвиняемый, однако же, прослужилъ у Кобозева не болѣе 3 дней, такъ какъ по росту оказался негоднымъ въ «молодцы», да къ тому же не умѣлъ рѣзать сыръ. Продолжая и послѣ того посѣщать лавку Кобозева, отъ котораго ему случалось получать деньги и сыръ, онъ, Меркуловъ, видѣлъ всѣхъ лицъ, посѣщавшихъ эту лавку. Женою Кобозева была Якимова; къ нимъ приходили—Желябовъ, Кибальчичъ, Саблинъ, «Котикъ» или «Михаилъ Ивановичъ», Тригони, котораго онъ, Меркуловъ, зналъ подъ именемъ «Михаила Николаевича», Лангансъ, подъ именемъ „Мартына“ или „нѣмца“, недавно передъ тѣмъ пріѣхавшій изъ-за границы, Фроленко—подъ именемъ Александрова и, наконецъ, флотскій лейтенантъ, оказавшійся впослѣдствіи Сухановымъ. Изъ поименованныхъ лицъ, какъ извѣстно обвиняемому, Тригони, Лангансъ, Сухановъ и Фроленко работали въ подкопѣ, проведенномъ изъ лавки подъ улицу М. Садовую. Обвиняемый полагаетъ, что, кромѣ этихъ лицъ, въ томъ же подкопѣ работалъ и Баранниковъ, подъ именемъ „Порфирія“, о чемъ онъ, Меркуловъ, заключаетъ изъ сожалѣнія, высказаннаго по поводу ареста Баранникова Кобозевымъ, который, назвавъ при этомъ „Порфирія“ хорошимъ работникомъ, добавилъ, что они вмѣстѣ съ нимъ ломали для подкопа стѣну, а предварительно, для размягченія цемента и кирпичей, обливали ее какою-то кислотой. 25 февраля Меркуловъ засталъ въ лавкѣ Кобозева—Фроленко, Ланганса и Суханова, которые при немъ переодѣлись въ рабочее платье, очевидно, намѣреваясь идти въ подкопъ; затѣмъ Сухановъ подошелъ къ окну, въ жиломъ помѣщеніи, и отодвинулъ доску, закрывавшую отверстіе подкопа, которое обвиняемый тогда увидѣлъ въ первый разъ. 26 февраля Меркуловъ былъ у Желябова, гдѣ засталъ Суханова, и по порученію Желябова отвезъ въ лавку Кобозева нѣсколько пустыхъ холщевыхъ мѣшковъ. 27 февраля, въ день своего ареста, придя вновь къ Желябову, нашелъ у него Тригони, съ которымъ они пили чай; Тригони говорилъ Желябову, что въ подкопѣ работа чѣмъ-то затрудняется и прибавилъ: „пожалуй, еще не успѣемъ“. Въ это же послѣднее свое посѣщеніе Меркуловъ получилъ отъ Желябова для доставленія Кобозеву большую бутыль, фунтовъ 10 вѣсомъ, завязанную въ мѣшокъ. Еще ранѣе этого, недѣли за двѣ до своего ареста, Меркуловъ ѣздилъ въ Парголово вмѣстѣ съ Желябовымъ, Кибальчичемъ, „Котикомъ“, Рысаковымъ, Тимофеемъ Михайловымъ и „Сугубымъ“ пробовать метательные снаряды. Вышеозначеннаго „Михаила“ или „Сугубаго“, котораго Меркуловъ видѣлъ въ конспиративной квартирѣ по Телѣжной улицѣ, обвиняемый призналъ въ Емельяновѣ.

Дознаніемъ выяснено, что упоминаемый обвиняемыми—Рысаковымъ и Меркуловымъ „Михаилъ Ивановичъ“, онъ же „Котикъ“, бросившій 1-го марта на Екатерининскомъ каналѣ второй, смертоносный для почившаго Монарха, снарядъ, проживалъ въ С.-Петербургѣ подъ

именемъ Ельникова, а въ дѣйствительности былъ—бывшій студентъ С.-Петербургскаго Практическаго Технологическаго института, дворянинъ Гродненской губерніи, Бѣльскаго уѣзда, Игнатій Іоахимовъ Гриневицкій.

На основаніи подробно описанныхъ Рысаковымъ примѣтъ „Михаила“ или „Сугубаго“, этотъ послѣдній былъ разысканъ и 14 апрѣля 1881 г. задержанъ въ С.-Петербургѣ въ своей квартирѣ, причемъ оказался сыномъ псаломщика. Иваномъ Пантелеймоновымъ Емельяновымъ, проживавшимъ подъ своими собственными фамиліею и видомъ на жительство.

Привлеченный къ дознанію въ качествѣ обвиняемаго, Емельяновъ показалъ, что, поступивъ въ концѣ 1880 года въ число членовъ „соціально-революціонной партіи“, онъ, несмотря на свои усердныя занятія науками и литературой, находилъ время принимать активное участіе въ дѣлахъ „партіи“, главнымъ же образомъ, въ злодѣяніи 1 марта. Означенное участіе свое Емельяновъ изложилъ въ нижеслѣдующихъ собственноручно имъ написанныхъ словахъ: „Въ качествѣ метальщика, вооруженнаго разрывнымъ снарядомъ, я стоялъ на углу Невскаго и Малой Садовой, а затѣмъ у Театральнаго моста. Въ самый моментъ послѣдовавшихъ взрывовъ отъ снарядовъ, брошенныхъ Рысаковымъ и личностью, мнѣ извѣстною подъ именемъ Михаила Ивановича, я находился шагахъ въ 20 отъ покойнаго Императора, и когда Государь Императоръ упалъ, то я совершенно инстинктивно, имѣя подъ лѣвой мышкой завернутый въ газетную бумагу снарядъ, бросился вмѣстѣ съ другими къ Государю Императору, чтобы подать ему помощь“. Изъ дальнѣйшихъ затѣмъ объясненій Емельянова видно, что за недѣлю до 1-го марта онъ ѣздилъ въ Парголово вмѣстѣ съ другими лицами для испытанія снарядовъ. О подкопѣ на Малой Садовой онъ узналъ впервые лишь утромъ 1-го марта, въ конспиративной квартирѣ по Телѣжной улицѣ, отъ Перовской, которая сообщила, что на Малой Садовой и долженъ сначала послѣдовать, какъ она выразилась, центральный ударъ Кромѣ обвиняемаго, метальщиками были еще Рысаковъ, „Михаилъ Ивановичъ“ и Тимофей Михайловъ. Послѣ злодѣянія онъ, Емельяновъ, отнесъ свой снарядъ обратно на Телѣжную улицу на конспиративную квартиру.

По обыску, произведенному въ означенной квартирѣ 3-го марта 1881 года, были, между прочимъ, найдены два вполнѣ заряженные метательные снаряда.

При задержаніи 1 апрѣля въ С.-Петербургѣ обвиняемаго Григорія Исаева, у него найдены были по обыску 2 экземпляра рукописи о приготовленіи динамита, нитроглицерина, гремучей ртути и о способахъ взрыва.

Признавая свое участіе въ злодѣяніи 1-го марта, обвиняемый Исаевъ показалъ, что, послѣ цѣлаго ряда неудачныхъ покушеній на цареубійство, „исполнительный комитетъ“ сформировалъ группу техниковъ и предложилъ имъ выработать наилучшіе способы для достиженія цѣли. Въ исполненіе такого порученія, упомянутые техники предложили нѣсколько способовъ, изъ которыхъ „комитетъ“ выбралъ два: мину на Малой Садовой и метательные снаряды По отношенію къ этимъ послѣднимъ, вопросъ сводился къ тому, чтобы изобрѣсти

такой способъ воспламененія, при которомъ взрывъ происходилъ бы моментально. Послѣ того, какъ было признано неудобство нѣсколькихъ послѣдовательно проектированныхъ системъ, онъ, Исаевъ, предложилъ ту систему трубокъ, которая и была примѣнена въ метательныхъ снарядахъ, послужившихъ орудіями злодѣянія 1 марта. Означенная система была одобрена, провѣрена на опытахъ, объяснена участникамъ и затѣмъ приложена къ дѣлу. Бывая въ лавкѣ Кобозева, обвиняемый принималъ участіе въ земляныхъ работахъ по подкопу и присутствовалъ при окончательной закладкѣ заряда, наблюдая, въ качествѣ техника, чтобы все было въ исправности. Здѣсь онъ видѣлъ, между прочимъ, Якимову и Ланганса. Что же касается до найденной у него рукописи о взрывчатыхъ веществахъ, то одинъ экземпляръ ея писанъ рукою Кибальчича.

Изъ послѣднихъ показаній нынѣ казненнаго государственнаго преступника Кибальчича видно, что при изготовленіи метательныхъ снарядовъ, посредствомъ которыхъ было совершено злодѣяніе 1-го марта, ему помогали два техника, участвовавшіе наравнѣ съ нимъ, какъ въ изобрѣтеніи упомянутыхъ снарядовъ, такъ и въ самомъ устройствѣ ихъ

По предъявленіи обвиняемому Меркулову задержаннаго по розыскнымъ даннымъ обвиняемаго Николая Суханова, Меркуловъ призналъ въ немъ того самаго флотскаго офицера, котораго онъ видѣлъ въ квартирѣ Желябова, а затѣмъ въ лавкѣ Кобозева, готовившимся работать въ подкопѣ. По объясненію Меркулова, Сухановъ являлся въ лавку Кобозева въ статскомъ черномъ пальто и круглой шляпѣ.

Это послѣднее указаніе подтвердилось результатомъ произведеннаго у Суханова обыска, при которомъ были найдены статское черное пальто и круглая поярковая шляпа.

Обвиняемый Сухановъ, признавая свое участіе въ злодѣяніи 1-го марта, показалъ, что, будучи знакомъ съ Желябовымъ, Перовскою, Кибальчичемъ и Колодкевичемъ еще съ зимы 1879 г., онъ лишь въ февралѣ 1881 г. приступилъ къ активной революціонной дѣятельности. По приглашенію и указаніямъ Желябова, въ 20 числахъ февраля обвиняемый явился въ лавку Кобозева, гдѣ и принялъ участіе въ работахъ по проведенію подкопа, который засталъ уже доведеннымъ до водосточной трубы. Затѣмъ, на квартирѣ Желябова онъ снарядилъ мину для подкопа и, кромѣ того, на другой квартирѣ, указать которой не желаетъ, участвовалъ въ теоретической разработкѣ метательныхъ снарядовъ. Кромѣ того, 28-го февраля онъ помогалъ другому лицу чинить и собирать части этихъ снарядовъ. Изъ числа обвиняемыхъ онъ, Сухановъ, зналъ Исаева, у котораго бывалъ на квартирѣ, по Вознесенскому проспекту, гдѣ Исаевъ жилъ съ Вѣрой Филипповой Якимову, которую видѣлъ въ лавкѣ Кобозева, въ качествѣ его жены, и Ланганса, котораго встрѣчалъ у Желябова

Обвиняемая Анна Якимова, сознавшаяся въ злодѣяніи 1 марта, была признана дворниками дома графа Менгдена, по МалойСадовой,— Никифоромъ Самойловымъ и Никифоромъ Ульяновымъ за женщину, проживавшую вмѣстѣ съ Кобозевымъ подъ видомъ его жены.

Обвиняемый Михаилъ Тригони, признавая свое знакомство съ Желябовымъ, Меркуловымъ, Кобозевымъ и Сухановымъ, первоначально

объяснилъ, что о подкопѣ на Малой Садовой онъ узналъ отъ своего университетскаго товарища Желябова, который 24 февраля привелъ его въ лавку Кобозева, гдѣ онъ, Тригони, въ теченіе одного вечера работалъ въ подкопѣ. Впослѣдствіи же, въ нѣкоторое измѣненіе своего вышеприведеннаго объясненія, Тригони показалъ, что хотя онъ и зналъ отъ Желябова о подкопѣ на Малой Садовой, но въ лавкѣ Кобозева былъ случайно и участія въ работахъ по подкопу не принималъ.

Обвиняемый Николай Колодкевичъ сознался въ томъ, что въ половинѣ января 1881 года, незадолго до своего ареста, бывалъ въ лавкѣ Кобозева и принималъ участіе въ работахъ по разобранію стѣны, чрезъ которую предполагалось вести подкопъ, для совершенія новаго покушенія на цареубійство. При этомъ Колодкевичъ призналъ свое знакомство какъ съ лицами, уже осужденными за злодѣяніе 1 марта, такъ и съ обвиняемыми по настоящему дѣлу: Фроленко, Тригони, Оловенниковой и Арончикомъ.

По разсмотрѣніи, при участіи эксперта, миннаго офицера лейтенанта Смирнова, записей, сдѣланныхъ Колодкевичемъ въ записной книжкѣ, найденной у него по обыску, при задержаніи его 26 января, оказалось, что въ записяхъ этихъ заключаются свѣдѣнія объ изготовленіи разныхъ веществъ для стопина гремучаго студня, гремучей ртути, а также таблица удѣльнаго вѣса динамитовъ разнаго состава.

Обвиняемый Александръ Баранниковъ сознался въ томъ, что въ январѣ 1881 г., въ лавкѣ Кобозева, вмѣстѣ съ другими лицами, ломалъ наружную стѣну для проведенія подкопа подъ М. Садовую, причемъ объяснилъ, что до его ареста (25 января) успѣли только разобрать стѣну, самый же подкопъ еще начатъ не былъ.

Обвиняемый Михаилъ Фроленко, не отрицая вообще своего участія въ террористическихъ предпріятіяхъ, уклонился отъ всякихъ объясненій по поводу отношенія своего къ злодѣянію 1 марта.

Обвиняемый Мартынъ Лангансъ, признавая себя принадлежащимъ „къ русской соціально-революціонной партіи“, не сознался въ приписываемомъ ему участіи въ устройствѣ подкопа изъ лавки Кобозева.

Обвиняемая Татьяна Лебедева показала, что, пріѣхавъ въ С.-Петербургъ въ январѣ 1881 г. и пребывая большею частью на квартирѣ Желябова и Перовской (по 1-й ротѣ Измайловскаго полка, домъ № $^{37}/_{18}$), она знала о томъ, что готовится покушеніе на цареубійство посредствомъ подкопа изъ лавки Кобозева и метательныхъ снарядовъ, вполнѣ сочувствовала цѣли этихъ приготовленій и принимала участіе въ наполненіи динамитомъ цилиндра, который имѣлъ быть заложенъ въ минѣ на Малой Садовой. Вмѣстѣ съ тѣмъ, обвиняемая признала свое знакомство какъ съ государственными преступниками, уже осужденными за злодѣяніе 1 марта, такъ и съ лицами и нынѣ въ этомъ злодѣяніи обвиняемыми, причемъ объяснила, что съ нѣкоторыми изъ нихъ она была близка, какъ съ товарищами по дѣлу.

Обвиняемый Петръ Тычининъ показалъ, что, принадлежа къ партіи «народной воли» и сочувствуя цареубійству, онъ въ декабрѣ 1880 г. и январѣ 1881 года наблюдалъ, вмѣстѣ съ другими лицами, за проѣздами въ гор. С.-Петербургѣ въ Бозѣ почившаго Государя Им-

ператора. Кромѣ того, тѣми же наблюденіями занимались Перовская, Рысаковъ, Оловенникова и Тырковъ; всего же наблюдающихъ было шесть человѣкъ. Всѣ они собирались въ квартирѣ обвиняемаго, по Б. Дворянской улицѣ, и здѣсь сообщали Перовской о результатахъ своихъ наблюденій.

Обвиняемая Елизавета Оловенникова объяснила, что съ ноября 1880 года и до конца января 1881 года она, вмѣстѣ съ Рысаковымъ и Тычининымъ, слѣдила за проѣздами въ Бозѣ почившаго Государя Императора, зная, что наблюденіе это имѣетъ отношеніе къ готовившемуся покушенію на жизнь Священной Особы Его Величества. Тычининъ принялъ участіе въ означенномъ наблюденіи по приглашенію обвиняемой, познакомившей его съ Перовской, которой всѣ они отдавали отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Самое наблюденіе производилось по Дворцовой набережной, Невскому проспекту, Екатерининскому каналу, М. Садовой и около манежа.

Что же касается до Аркадія Тыркова, то, по привлеченіи его къ настоящему дѣлу въ качествѣ обвиняемаго, у него обнаружились признаки разстройства умственныхъ способностей, вслѣдствіе чего дальнѣйшее производство дѣла о немъ было пріостановлено.

XIII.

Вспомогательная преступная дѣятельность обвиняемыхъ Люстига и Клѣточникова.

Сверхъ вышеизложенныхъ преступныхъ дѣяній, дознаніемъ была обнаружена необходимая для ихъ совершенія вспомогательная преступная дѣятельность, принадлежавшихъ также къ партіи «народной воли» обвиняемыхъ Фердинанда Люстига и Николая Клѣточникова, изъ которыхъ первый устраивалъ въ своей квартирѣ собранія членовъ означенной «партіи» и былъ посредникомъ при полученіи ими денежныхъ средствъ, а послѣдній доставлялъ руководителямъ «партіи» свѣдѣнія о предупредительныхъ мѣропріятіяхъ правительства и тѣмъ давалъ возможность своевременно уклоняться отъ ихъ дѣйствія. Собранныя при дознаніи данныя къ изобличенію Люстига и Клѣточникова представляются въ нижеслѣдующемъ общемъ видѣ.

1.

Государственный преступникъ Рысаковъ, какъ уже было упомянуто выше, между прочимъ, объяснилъ, что въ декабрѣ 1880 года онъ, по порученію «Григорія», т. е. Исаева, перевозилъ съ вокзала Николаевской желѣзной дороги на ломовомъ извозчикѣ два ящика съ типографскимъ станкомъ, который, по указанію того же Исаева, доставилъ на Большую Садовую, гдѣ его встрѣтилъ самъ Исаевъ и передалъ ящики какой-то неизвѣстной Рысакову барышнѣ. Въ виду приведеннаго объясненія Рысакова и на основаніи указаній разысканнаго, вслѣдствіе этого объясненія, вышеупомянутаго ломового извозчика, крестьянина Филиппа Тимошкина, была разыскана и квартира лица, принявшаго къ себѣ привезенные Рысаковымъ ящики. Ли-

цомъ этимъ оказался обвиняемый Фердинандъ Люстигъ, жившій по Большой Садовой, въ домѣ № 69, вмѣстѣ съ мѣщанкою Татьяною Кузьминой, которая объяснила при дознаніи, что, по доставленіи упомянутыхъ ящиковъ въ квартиру Люстига, они были здѣсь раскупорены Исаевымъ и Кибальчичемъ. Принявъ лично эти ящики, Кузьмина затѣмъ видѣла, что въ нихъ находятся принадлежности типографскаго станка

Обвиняемый Люстигъ, признавая себя принадлежащимъ къ числу лицъ, желающихъ соціально-революціоннаго переворота, показалъ, что его революціонная дѣятельность выражалась въ тѣхъ услугахъ, которыя онъ оказывалъ «соціально-революціонной» партіи; съ участниками ея онъ познакомился въ апрѣлѣ 1879 года, причемъ первымъ его знакомымъ былъ Александръ Михайловъ, а впослѣдствіи онъ, Люстигъ, вступилъ въ болѣе близкія и частыя сношенія съ Желябовымъ. Съ августа 1880 года и до января 1881, когда обвиняемый сталъ замѣчать наблюденія за собою полиціи, квартира его служила мѣстомъ сходокъ революціонныхъ дѣятелей, которые собирались у него для свиданія другъ съ другомъ и для переговоровъ о своихъ дѣлахъ. Въ этихъ переговорахъ обвиняемый участія не принималъ и о готовившихся террористическихъ событіяхъ, въ томъ числѣ и о злодѣяніи 1 марта, не зналъ; расположеніе его квартиры, состоявшей изъ 3 комнатъ, давало ему возможность не присутствовать при происходившихъ у него собраніяхъ, или участвовать лишь въ разговорахъ революціонеровъ объ общихъ вопросахъ. Изъ числа собиравшихся у него лицъ, обвиняемый, кромѣ Михайлова и Желябова, указалъ Перовскую, Кибальчича, Гельфманъ, Саблина, Исаева, Колодкевича, Фриденсона, Морозова, Суханова, Тригони и другихъ, еще неразысканныхъ участниковъ сообщества. По просьбѣ Желябова онъ, Люстигъ, получалъ по почтѣ и переводами черезъ государственный и международный банки деньги, жертвуемыя разными лицами на усиленіе революціоннаго фонда, причемъ передавалъ эти пожертвованія, составившія въ общей сложности до 3000 руб., частью Желябову, а частью Кибальчичу. Въ декабрѣ 1880 года, также по просьбѣ Желябова, обвиняемый принялъ къ себѣ на короткое время типографскій станокъ въ 2-хъ ящикахъ, которые затѣмъ были увезены изъ его квартиры, но куда именно—ему неизвѣстно. Кромѣ вышепоименованныхъ лицъ на упомянутыхъ сходкахъ въ его, Люстига, квартирѣ бывалъ Николай Богородскій, сынъ смотрителя Трубецкого бастіона Петербургской крѣпости.

Привлекавшіеся къ настоящему дѣлу въ качествѣ обвиняемыхъ и нынѣ высланные на жительство въ Сибирь, съ разрѣшеніемъ дѣла въ отношеніи ихъ въ административномъ порядкѣ, мѣщанка Татьяна Кузьмина и оберъ-офицерскій сынъ Николай Богородскій, подтверждая въ общихъ чертахъ приведенное показаніе Люстига, объяснили: Кузьмина—что, проживая вмѣстѣ съ Люстигомъ, она не присутствовала при сходкахъ, происходившихъ въ его квартирѣ, но слышала отъ Люстига, что на этихъ сходкахъ разсуждали о цареубійствѣ; при этомъ Кузьмина указала тѣхъ вышепоименованныхъ участниковъ сходокъ, которые были названы и Люстигомъ; Богородскій—что, познакомившись въ половинѣ 1880 г. съ Люстигомъ, онъ сталъ посѣщать его квартиру и здѣсь встрѣчалъ многихъ революціонныхъ дѣятелей, изъ числа которыхъ помнитъ Кибальчича, Александра Михайлова, Ко-

лодкевича, Исаева, Тригони и женщину, извѣстную ему подъ именемъ Елизаветы Александровны. По просьбѣ этой послѣдней, онъ принялъ на себя посредничество въ сношеніяхъ лицъ, принадлежащихъ къ преступному сообществу и находящихся на свободѣ, съ тѣми изъ нихъ, которыя въ то время содержались въ С.-Петербургской крѣпости, гдѣ Богородскій проживалъ вмѣстѣ съ своимъ отцомъ. Означенныя сношенія производились при помощи книгъ крѣпостной библіотеки, которыя онъ. Богородскій, приносилъ на квартиру Люстига и здѣсь передавалъ вышеупомянутой Елизаветѣ, возвращавшей ему эти книги съ отмѣтками подъ буквами, для передачи, черезъ библіотеку, заключеннымъ въ крѣпости. Зная имена этихъ послѣднихъ, онъ сообщалъ о нихъ Елизаветѣ Александровнѣ и ея единомышленникамъ.

Осмотрами подлежащихъ книгъ С.-Петербургскаго Почтамта, а также банковъ государственнаго и коммерческаго международнаго установлено: 1) что въ 1880 г. на имя Фердинанда Люстига было прислано по почтѣ изъ Старой Руссы 25 руб., изъ Москвы 100 руб. и изъ Одессы 50 руб., 2) что на его же имя было переведено: а) черезъ государственный банкъ, изъ Воронежа отъ Яковлева—600 руб. и отъ Самойлова—400 руб. и б) черезъ международный банкъ, изъ Москвы отъ Капустина 500 руб. и отъ Петрова 300 руб.

Названныя фамиліи оказались при дознаніи вымышленными, а личности отправителей денегъ на имя Люстига остались необнаруженными.

2.

28-го января 1881 г. въ квартирѣ обвиняемаго Колодкевича, проживавшаго по подложному паспорту на имя Петрова, былъ задержанъ, какъ упомянуто выше, младшій помощникъ дѣлопроизводителя Департамента Государственной Полиціи, прежде служившій въ нынѣ упраздненномъ III Отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, Николай Васильевъ Клѣточниковъ, который первоначально объяснилъ свой приходъ къ Колодкевичу простою случайностью и не призналъ своего участія въ преступной дѣятельности названнаго обвиняемаго и его единомышленниковъ.

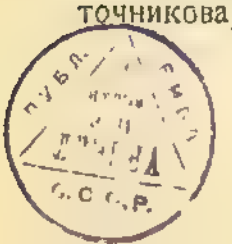
По заключеніи Клѣточникова подъ стражу, онъ представилъ подробныя объясненія по поводу своихъ сношеній съ членами „соціально-революціонной партіи“ Изъ этихъ объясненій оказывается, что Клѣточниковъ, пріѣхавъ въ Петербургъ въ концѣ 1878 г. для пріисканія себѣ мѣста по государственной службѣ, случайно встрѣтился у одного изъ своихъ знакомыхъ съ Александромъ Михайловымъ, извѣстнымъ ему тогда подъ именемъ Петра Ивановича, и послѣ нѣсколькихъ свиданій чрезвычайно съ нимъ сблизился. Сначала Михаиловъ въ разговорахъ своихъ съ обвиняемымъ высказывалъ лишь общія сужденія о бѣдственномъ положеніи народа, а затѣмъ опредѣленно заявилъ, что онъ—соціалистъ и вмѣстѣ съ другими стремится подготовить народъ къ государственному и соціальному перевороту; что прежняя дѣятельность въ этомъ направленіи была неудачна, такъ какъ революціонеры дѣйствовали безъ единства, безъ правильной организаціи и безъ охраны отъ шпіоновъ, и что, въ этомъ послѣднемъ отношеніи, онъ, Клѣточниковъ, какъ еще не навлекавшій на себя никакого подозрѣнія со стороны правительства, можетъ оказать боль-

шія услуги партіи. При этомъ Михайловъ обѣщалъ пристроить обвиняемаго на хорошее мѣсто и щедро снабжать его деньгами, а также дать ему возможность, въ случаѣ какой либо опасности, скрыться заграницу. Убѣждая такимъ образомъ его, Клѣточникова, служить революціонному дѣлу, Михайловъ предложилъ ему поселиться въ домѣ Яковлева, на углу Невскаго и Надеждинской, гдѣ, по словамъ Михайлова, проживали агенты III Отдѣленія, и сойтись съ ними для цѣлей „партіи". Обвиняемый согласился на предложеніе Михайлова, „раздѣляя со всѣмъ обществомъ нелюбовь къ шпіонамъ и вѣря всѣмъ обѣщаніямъ Петра Ивановича, который, кромѣ того, за это время успѣлъ привязать его къ себѣ". Въ упомянутомъ домѣ Яковлева обвиняемый нанялъ комнату у жившей тамъ же Анны Кутузовой, которую сталъ посѣщать довольно часто, причемъ своимъ тихимъ поведеніемъ, щедростью и проигрываніемъ въ карты успѣлъ такъ расположить ее въ свою пользу, что она рекомендовала его бывшему чиновнику особыхъ порученій III Отдѣленія, впослѣдствіи завѣдывавшему 3-ею экспедиціею этого учрежденія, г. Кириллову, который въ январѣ 1879 г. принялъ Клѣточникова въ секретные агенты, съ жалованьемъ по 30 руб. въ мѣсяцъ. Въ мартѣ того же года Кирилловъ перевелъ его для письменныхъ занятій въ такъ называемое „агентурное отдѣленіе" при 3-й экспедиціи III Отдѣленія, гдѣ онъ скоро получилъ штатную должность помощника дѣлопроизводителя, а затѣмъ, съ упраздненіемъ III Отдѣленія, перешелъ въ Департаментъ Государственной Полиціи на ту же должность, которую и занималъ до самаго своего ареста. Такое служебное положеніе Клѣточникова, свойство его занятій и особенное довѣріе его непосредственнаго начальства открыли ему свободный доступъ ко всѣмъ наиболѣе секретнымъ дѣламъ и распоряженіямъ, по отношенію къ обнаруженію и преслѣдованію государственныхъ преступленій и лицъ, въ нихъ обвиняемыхъ. Такъ, онъ составлялъ или переписывалъ секретныя записки о результатахъ агентурныхъ наблюденій, шифровалъ и дешифровалъ секретныя телеграммы, велъ переписку о лицахъ, содержащихся въ С.-Петербургской крѣпости и проч. Поэтому обвиняемый былъ посвященъ во всѣ политическіе розыски, производившіеся не только въ С.-Петербургѣ, но и вообще во всей Имперіи. Всѣ полученныя, такимъ образомъ, свѣдѣнія онъ своевременно передавалъ Михайлову, сообщалъ ему, за кѣмъ именно учреждено секретное наблюденіе, предупреждалъ заранѣе о предположенныхъ обыскахъ, объявлялъ имена всѣхъ агентовъ и вообще открывалъ Михайлову всѣ секретныя данныя, сосредоточенныя въ 3-й экспедиціи III Отдѣленія. Не переставая въ теченіе всего этого 2-хлѣтняго періода времени (1879 и 1880 года) находиться въ постоянныхъ сношеніяхъ съ революціонными дѣятелями, которые за его услуги платили ему деньги, хотя неаккуратно и въ небольшомъ количествѣ, онъ, Клѣточниковъ, первоначально имѣлъ дѣло только съ Михайловымъ; когда же этотъ послѣдній долженъ былъ на нѣкоторое время уѣхать изъ Петербурга, то познакомилъ обвиняемаго съ Арончикомъ, которому Клѣточниковъ и продолжалъ доставлять свѣдѣнія. Впослѣдствіи же онъ познакомился и вступилъ въ сношеніе съ Квятковскимъ, Баранниковымъ, Колодкевичемъ и еще однимъ до настоящаго времени неразысканнымъ лицомъ. Всѣмъ

этимъ лицамъ, носившимъ при сношеніи съ обвиняемымъ чужія фамиліи, онъ сообщалъ нужныя имъ свѣдѣнія, по мѣрѣ того, какъ таковыя дѣлались ему извѣстными или требовались отъ него революціонерами, съ которыми онъ сходился въ разныхъ трактирахъ и гостинницахъ, а также посѣщалъ ихъ квартиры; Михайловъ же и самъ бывалъ у обвиняемаго. Зная, что всѣ поименованныя лица принадлежатъ къ революціонной партіи, онъ узналъ о преступной дѣятельности каждаго изъ нихъ лишь изъ свѣдѣній, которыя сдѣлались ему извѣстными по службѣ, въ особенности же изъ разоблаченій Гольденберга. Пользуясь его услугами, революціонеры не были, однако же, съ нимъ откровенны и, видимо ему не довѣряя, не открывали ему тайны своихъ предпріятій, такъ что только изъ общаго содержанія разговоровъ съ ними обвиняемый могъ заключить о принадлежности ихъ къ террористической фракціи и прямомъ участіи въ ея дѣйствіяхъ. Между прочимъ, онъ, Клѣточниковъ, зналъ въ общихъ чертахъ о ходѣ работъ по печатанію и изданію „Народной Воли“. Отъ Алафузова-Баранникова онъ слышалъ о количествѣ динамита, которымъ располагало преступное сообщество, и которое въ концѣ 1880 г., по словамъ Баранникова, не было такъ велико, какъ обозначали его въ своихъ, сообщенныхъ ему Клѣточниковымъ, показаніяхъ лица, привлеченныя къ дознаніямъ, а составляло не болѣе 5-6 пудовъ. Послѣ ареста Михайлова, обвиняемый продолжалъ вести сношенія съ Баранниковымъ, хотя, съ передачею розыскной части, по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ въ столицѣ, въ вѣдѣніе С.-Петербургскаго Градоначальника, онъ уже не могъ доставлять прежнихъ важныхъ свѣдѣній, и сносившіяся съ нимъ лица стали говорить о необходимости провести своего человѣка или подкупить кого-либо въ новомъ розыскномъ вѣдомствѣ. Что же касается до побудительныхъ причинъ сближенія своего съ членами революціонной „партіи“ и того содѣйствія, которое обвиняемый имъ оказывалъ сообщеніемъ разныхъ нужныхъ имъ свѣдѣній, то въ объясненіе этихъ причинъ Клѣточниковъ, отрицая свою принадлежность къ означенной „партіи“, въ собственноручно написанныхъ имъ показаніяхъ, между прочимъ, заявилъ слѣдующее: „не сдѣлавшись соціалистомъ, я не могу не сознаться, что началъ сочувствовать нѣкоторымъ ихъ идеямъ и сталъ считать ихъ дѣло своимъ“, и далѣе... „я руководился, главнымъ образомъ, корыстными цѣлями и желаніемъ болѣе разнообразной жизни въ столицѣ, а также сочувствіемъ къ высказаннымъ Александромъ Михайловымъ идеямъ о развитіи и обогащеніи народа, къ идеямъ, которымъ будто бы служитъ онъ и его сподвижники“. Когда же онъ, Клѣточниковъ, узналъ изъ показаній Гольденберга объ истинныхъ цѣляхъ дѣятельности знакомыхъ ему соціалистовъ, то уже не могъ оставить сношеній съ ними и продолжалъ служить ихъ интересамъ, такъ какъ боялся, въ противномъ случаѣ, быть убитымъ.

Вдова полковника, Анна Кутузова подтвердила фактъ поступленія Клѣточникова на службу къ завѣдывавшему 3-й экспедиціей III Отдѣленія, Кириллову, по ея, Кутузовой, рекомендаціи.

Изъ показаній свидѣтелей, начальниковъ и сослуживцевъ Клѣточникова, по службѣ его въ бывшемъ III Отдѣленіи Собственной



Его Императорскаго Величества Канцеляріи, статскихъ совѣтниковъ Кириллова и Гусева, коллежскаго совѣтника Вольфа, коллежскаго ассесора Цвѣткова и титулярнаго совѣтника Чернышева, оказывается, что Клѣточниковъ въ продолженіе всей своей службы отличался особеннымъ усердіемъ и пользовался полнымъ довѣріемъ начальства. Черезъ его руки проходили всѣ секретныя свѣдѣнія о политическихъ розыскахъ, и онъ всегда имѣлъ возможность заранѣе знать о всѣхъ предположенныхъ въ этомъ отношеніи мѣропріятіяхъ. Въ мартѣ 1879 года, при производствѣ обыска у лицъ, проживавшихъ въ домѣ князя Мурузи, по Литейному проспекту, кв. № 54, обнаружилось, что объ этомъ обыскѣ хозяева квартиры были своевременно предупреждены. По поводу возникшаго вслѣдствіе этого подозрѣнія противъ служащихъ въ 3-й экспедиціи III Отдѣленія, коллежскому ассесору Цвѣткову было поручено произвести негласное дознаніе, по которому, однако же, виновный остался необнаруженнымъ.

По осмотру относящейся къ означенному дознанію переписки оказалось, и обвиняемымъ Клѣточниковымъ было признано, что составленная въ агентурномъ отдѣленіи при 3-й экспедиціи записка о лицахъ, у которыхъ предполагалось произвести обыскъ, между прочимъ, и о проживавшихъ въ кв. № 54, въ домѣ князя Мурузи, написана рукою Клѣточникова. По его объясненію онъ, составивъ упомянутую записку, сообщилъ о содержаніи ея Александру Михайлову, который и предупредилъ, кого слѣдовало.

29 января 1881 года, т. е. на другой день послѣ ареста Клѣточникова, въ квартиру его было доставлено по городской почтѣ письмо отъ 28 января, въ которомъ Клѣточниковъ приглашался въ 5 часовъ пополудни на Невскій проспектъ для свиданія съ анонимнымъ авторомъ письма. По сличеніи почерка этого письма съ почеркомъ казненнаго государственнаго преступника Желябова, знакомство и сношенія съ которымъ Клѣточниковымъ отрицаются, экспертъ пришелъ къ заключенію, что упомянутое письмо написано Желябовымъ.

XIV.

Принадлежность обвиняемыхъ къ преступному сообществу.—Свѣдѣнія о личности каждаго изъ нихъ.

Независимо отъ всѣхъ вышеприведенныхъ данныхъ, принадлежность обвиняемыхъ къ тайному сообществу,—поставившему себѣ задачею стремиться къ ниспроверженію въ ближайшемъ будущемъ, посредствомъ ряда насильственныхъ дѣйствій и насильственнаго переворота, существующаго въ Имперіи государственнаго и общественнаго строя,—доказывается еще нижеслѣдующими обстоятельствами, частью имѣющими общій характеръ и значеніе, а частью относящимися до каждаго изъ обвиняемыхъ въ отдѣльности.

1.

Изъ приложенныхъ къ дѣлу, въ качествѣ вещественныхъ доказательствъ, многочисленныхъ печатныхъ изданій преступнаго содержанія, которыя были составлены, напечатаны и выпущены въ обра-

щеніе тайнымъ сообществомъ, именующимъ себя „русскою соціально-революціонной партіей“, въ періодъ времени съ 1878 г. по мартъ 1881 года включительно, причемъ почти всѣ эти изданія найдены по обыскамъ у обвиняемыхъ и, главнымъ образомъ, въ обнаруженной 5-го мая 1881 г. конспиративной квартирѣ по Подольской улицѣ въ домѣ № 11/42, кв. № 31, гдѣ, повидимому, помѣщалась въ послѣднее время тайная типографія газеты „Народная Воля“,—оказывается, что до послѣдовавшаго лѣтомъ 1879 г. выдѣленія террористической фракціи изъ прежней организаціи революціонеровъ «народниковъ», органомъ тайной печати у этихъ послѣднихъ была газета „Земля и Воля“ и дополнявшій или замѣнившій ее „Листокъ Земли и Воли“. Кромѣ этихъ изданій, послѣ каждаго совершеннаго революціонерами преступнаго дѣянія террористическаго характера, появлялись печатныя прокламаціи, въ которыхъ заявлялось о совершеніи означенныхъ дѣяній отъ имени и въ интересахъ „соціально-революціонной партіи“. Такія прокламаціи появились, между прочимъ, и послѣ убійства генералъ-адъютанта Мезенцева и покушенія на цареубійство 2 апрѣля 1879 года Упомянутыя періодическія изданія и прокламаціи издавались за подписью „исполнительнаго комитета русской соціально революціонной партіи“—наименованіе, которое, какъ видно изъ показаній Гольденберга и другихъ обвиняемыхъ, присвоила себѣ городская группа членовъ „партіи“. Послѣ Липецкаго съѣзда произошло раздѣленіе „партіи“ и ея органа: „народники“, оставшіеся при прежнихъ своихъ взглядахъ и задачахъ, предприняли изданіе газеты подъ заглавіемъ „Черный Передѣлъ“; террористы же, выдѣлившіеся въ особую фракцію, основали изданіе „Народной Воли“ и, въ видѣ прибавленія къ ней, „Листка Народной Воли“. Съ осени 1879 и до февраля 1881 года, появилось пять №№ „Народной Воли“ и нѣсколько №№ „Листка“; вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдовательное совершеніе посягательствъ на жизнь въ Бозѣ почившаго Государя Императора 19-го ноября 1879 года, 5-го февраля 1880 года и злодѣянія 1-го марта 1881 г. сопровождались, подобно прежнему времени, появленіемъ воззваній отъ имени „исполнительнаго комитета“, въ составъ котораго вошли наиболѣе выдающіеся дѣятели преступнаго сообщества, принимавшіе болѣе или менѣе непосредственное участіе въ послѣдующихъ террористическихъ предпріятіяхъ. Въ № 3 „Народной Воли“, отъ 1-го января 1880 г., помѣщена, между прочимъ, „программа исполнительнаго комитета“, которая ставитъ ближайшею цѣлью „комитета“—отнятіе власти у существующаго правительства и передачу ея народу (п. А—В), для декретированія новаго государственнаго и общественнаго строя на соціалистическихъ началахъ (п. Г). Къ достиженію означенныхъ цѣлей предполагается стремиться посредствомъ: 1) дѣятельности пропагаторской и агитаціонной; 2) дѣятельности разрушительной и террористической, состоящей „въ уничтоженіи наиболѣе вредныхъ лицъ правительства“; 3) организаціи тайныхъ обществъ и сплоченія ихъ вокругъ одного центра; 4) пріобрѣтенія вліятельнаго положенія и связей въ администраціи, войскѣ, обществѣ и народѣ; 5) организаціи и совершенія переворота и 6) послѣдующей затѣмъ избирательной агитаціи (п. Д). При этомъ руководящимъ принципомъ дѣйствія „исполнительнаго комитета“ признается положеніе о томъ, что по

отношенію къ правительству, какъ къ врагу, цѣль оправдываетъ средства, т. е. всякое средство, ведущее къ цѣли, считается дозволительнымъ, а лица и общественныя группы, сознательно и дѣятельно помогающія правительству въ борьбѣ съ „соціально-революціонной партіей", „какъ вышедшія изъ нейтралитета, принимаются за врага" (п. Е). Въ такомъ же приблизительно смыслѣ составлена „программа рабочихъ, членовъ партіи народной воли", изданная въ концѣ 1880 г., и, какъ сказано въ ней, редакціей „Народной Воли". Тѣ же преступные взгляды въ примѣненіи къ пониманію простолюдиновъ проводятся и въ „Рабочей Газетѣ", которую члены „партіи" стали издавать съ декабря 1880 г., для распространенія въ рабочей средѣ. Далѣе въ вышеупомянутыхъ изданіяхъ тайной печати и, кромѣ того, въ изданной за-границей брошюрѣ обвиняемаго Морозова, подъ заглавіемъ „Террористическая борьба", доказывается необходимость направить всѣ усилія «соціально-революціонной» партіи на совершеніе систематическаго ряда террористическихъ дѣяній и, какъ высшаго выраженія такого образа дѣйствій, цареубійства. Наконецъ, въ появившихся, по поводу злодѣянія 1-го марта 1881 г., листкахъ отъ имени «партіи народной воли» подъ заглавіемъ 1) «Отъ исполнительнаго комитета», 1 марта 1881 г.; 2) «Отъ рабочихъ, членовъ партіи народной воли», отъ 2 марта 1881 г.; 3) «Честнымъ мірянамъ, православнымъ крестьянамъ и всему народу русскому объявленіе», отъ 2 марта 1881 г.; 4) «Исполнительный Комитетъ Императору Александру III», отъ 12 марта 1881 г., и 5) «отъ Исполнительнаго Комитета», отъ 4 апрѣля 1881 г., по поводу казни государственныхъ преступниковъ, осужденныхъ за злодѣяніе 1 марта,—заявляется, что злодѣяніе это совершено лицами, принадлежащими къ «партіи народной воли», для достиженія ближайшихъ цѣлей этого преступнаго сообщества и согласно съ общими постановленными имъ для себя задачами.

2.

По задержаніи въ С.-Петербургѣ, 28 ноября 1880 года, обвиняемаго Александра Дмитріева Михайлова, у него произведенъ былъ обыскъ, по которому въ его квартирѣ, по Орловскому переулку, въ д. № 2, найденъ былъ динамитъ въ двухъ жестянкахъ, разныя прокламаціи отъ «исполнительнаго комитета», въ значительномъ числѣ экземпляровъ, палка съ сокрытымъ въ ней кинжаломъ, мѣдный кастетъ, большое число фотографическихъ снимковъ 16 государственныхъ преступниковъ, осужденныхъ С.-Петербургскимъ Военно-Окружнымъ Судомъ, въ ноябрѣ 1880 г., и разныя замѣтки загадочнаго или условнаго содержанія.

По изслѣдованіи динамита, найденнаго у Михайлова въ количествѣ около пуда, экспертъ, генералъ-маіоръ Федоровъ, нашелъ, что динамитъ этотъ весьма неоднороденъ и, вѣроятно, не фабричнаго приготовленія.

Изъ показаній Александра Михайлова и другихъ данныхъ, собранныхъ при дознаніи, видно, что онъ дворянинъ Путивльскаго уѣзда, Курской губерніи, обучался въ Новгородъ-Сѣверской гимназіи, а затѣмъ держалъ окончательный экзаменъ при Немировской гимназіи

(Брацлавскаго уѣзда, Подольской губерніи); въ концѣ 1875 г. онъ, будучи уволенъ изъ технологическаго института по поводу безпорядковъ между студентами, отправился въ Кіевъ, гдѣ познакомился, по его словамъ, съ «радикалами» и съ этого времени сталъ заниматься революціонной пропагандой. Съ марта 1877 г. и до половины 1878 г. онъ прожилъ въ приволжскихъ губерніяхъ, не переставая распространять революціонныя идеи, преимущественно среди старообрядцевъ. Лѣтомъ 1878 г. и затѣмъ въ 1879 г. онъ велъ дѣятельные переговоры съ управляющимъ имѣніями казеннаго государственнаго преступника Лизогуба, дворяниномъ Дриго (осужденнымъ по дѣлу о 16 лицахъ), о мѣрахъ къ переводу имущества Лизогуба въ собственность лицъ, принадлежащихъ къ «соціально-революціонной партіи». Возвратившись въ С.-Петербургъ и по временамъ уѣзжая изъ него по дѣламъ «революціонной партіи», онъ занимался такъ называемою «конспиративною дѣятельностью» и принималъ участіе въ разныхъ проявленіяхъ революціоннаго движенія. Проживая въ теченіе 1880 года въ С.-Петербургѣ подъ именемъ и по подложному паспорту отставного поручика Поливанова, сначала въ гостинницѣ «Москва», затѣмъ по Троицкому переулку, въ домѣ Лихачева и, наконецъ, по Орловскому переулку, въ домѣ № 2, Михайловъ въ октябрѣ 1880 г. сталъ заказывать въ фотографіяхъ Таубе, Александровскаго и Кошулько многочисленные снимки государственныхъ преступниковъ, чѣмъ и обратилъ на себя вниманіе полиціи.

Обвиняемый, дворянинъ Черниговской губерніи, Николай Николаевъ Колодкевичъ, по окончаніи курса въ Черниговской гимназіи, поступилъ сначала въ Нѣжинскій лицей, а затѣмъ былъ студентомъ университетовъ Новороссійскаго и Св. Владиміра, изъ которыхъ послѣдній долженъ былъ оставить, вслѣдствіе привлеченія къ дознанію по обвиненію въ государственномъ преступленіи. Таковыя дознанія возбуждались противъ Колодкевича: въ 1875 г.—въ Черниговской губерніи; въ 1876 г.—за распространеніе революціонныхъ изданій въ гор. Харьковѣ; въ 1877 г.—за организацію тайнаго сообщества среди крестьянъ Чигиринскаго уѣзда, Кіевской губерніи; въ 1878 г.—за участіе въ освобожденіи изъ Харьковскаго тюремнаго замка арестанта Фомина и въ 1879 г.—за участіе въ революціонномъ кружкѣ, образовавшемся въ Харьковѣ; причемъ всѣ эти дознанія были пріостановлены въ отношеніи Колодкевича за нерозыскомъ его. По задержаніи Колодкевича, 26 января 1881 г., по обыску, произведенному въ его квартирѣ по Фонтанкѣ, въ д. № 47, гдѣ онъ проживалъ подъ именемъ и по подложному паспорту на имя Петрова, были найдены разныя изданія и рукописи преступнаго содержанія. Колодкевичъ призналъ себя принадлежащимъ къ революціонной партіи «народной воли».

Обвиняемый, дворянинъ Таврической губерніи, Михаилъ Николаевъ Тригони, по окончаніи въ 1874 г. курса юридическихъ наукъ въ Новороссійскомъ университетѣ съ званіемъ дѣйствительнаго студента, опредѣленныхъ занятій не имѣлъ и проживалъ то въ южныхъ губерніяхъ, то въ С.-Петербургѣ. Здѣсь въ 1879 г. онъ, по его объясненію, встрѣтился съ Желябовымъ и, при его посредствѣ, сошелся со многими лицами, принадлежащими къ «соціально-революціонной партіи народной воли», программу которой и онъ, Тригони, вполнѣ раздѣляетъ.

По обыску, произведенному въ квартирѣ Тригони 27 февраля 1881 г., между прочимъ, найдено: 1) 168 экземпляровъ № 5 «Народная Воля», отъ 5 февраля 1881 г., еще влажныхъ и, повидимому, только что отпечатанныхъ, съ приложенными къ нимъ отчетами о суммахъ, поступившихъ, какъ сказано въ заглавіи, на борьбу «за народное освобожденіе съ 1 по 20 января 1881 г.»; 2) анонимное рекомендательное письмо къ неизвѣстному лицу, предлагающее относиться къ Тригони съ полнымъ довѣріемъ, и 3) программы организаціи революціонныхъ кружковъ и дѣятельности таковыхъ же центральныхъ.

Привлекавшійся къ дознанію по настоящему дѣлу и нынѣ подлежащій высылкѣ въ административномъ порядкѣ въ Сибирь, турецкій подданный Моисей Поповъ показалъ, что въ 1879 г. онъ познакомился въ Одессѣ съ Колодкевичемъ, Фроленко и Тригони, изъ которыхъ послѣдніе двое снабжали его запрещенными изданіями для распространенія среди рабочихъ. Въ декабрѣ 1880 г. Поповъ, по просьбѣ Меркулова, пріѣзжавшаго въ Одессу изъ Кишинева, познакомилъ его съ Тригони, съ которымъ Меркуловъ и вступилъ въ какіе-то переговоры.

Обвиняемый, дворянинъ Курской губерніи, Путивльскаго уѣзда, Александръ Ивановъ Баранниковъ, по окончаніи курса въ Орловской Бахтина военной гимназіи, поступилъ въ 1-е военное Павловское училище, которое оставилъ въ 1876 г. Въ слѣдующемъ 1877 г., рѣшившись заняться революціонной пропагандой среди народа, онъ появился подъ именемъ Семена Яковлева въ с. Хрипуновѣ, Ардатовскаго уѣзда, Нижегородской губерніи, въ кузницѣ, открытой тамъ для цѣлей преступной пропаганды дворяниномъ Линевымъ, проживавшимъ подъ именемъ американскаго гражданина Филипса. При возникновеніи по этому поводу дознанія въ мѣстномъ губернскомъ жандармскомъ управленіи, Баранниковъ скрылся и продолжалъ жить «нелегально», на авъ съ весны 1879 г. именоваться Ипполитомъ Кошурниковымъ, и вступилъ подъ этимъ именемъ въ бракъ съ сестрой обвиняемой Оловенниковой, вдовой Марьей Ошаниной.

Обвиняемый, отставной флота лейтенантъ, Николай Евгеньевъ Сухановъ, сынъ лѣкаря, уроженецъ гор. Риги, сначала воспитывался въ частномъ пансіонѣ и реальномъ училищѣ, а затѣмъ поступилъ въ морское училище, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1872 г. съ производствомъ въ гардемарины. Произведенный въ 1873 г. въ мичманы, а въ 1879 г. въ лейтенанты, Сухановъ былъ слушателемъ миннаго офицерскаго класса, а затѣмъ состоялъ минныхъ офицеромъ на разныхъ судахъ Балтійскаго флота и Сибирской флотиліи; въ 1880 г. онъ былъ прикомандированъ къ гвардейскому экипажу для слушанія лекцій въ С.-Петербургскомъ университетѣ, а въ маѣ 1881 г. уволенъ отъ службы вслѣдствіе привлеченія къ настоящему дѣлу.

Обвиняемый, отставной прапорщикъ Кронштадтской крѣпостной артиллеріи, Фердинандъ Осиповъ Люстигъ, сынъ колониста Таврической губерніи, уроженецъ гор. Симферополя, по окончаніи курса въ Симферопольской гимназіи, поступилъ въ Технологическій институтъ, гдѣ курса не окончилъ, послѣ чего служилъ въ военной службѣ, въ Кронштадтской крѣпостной артиллеріи, откуда вышелъ въ отставку съ чиномъ прапорщика, и въ послѣднее время состоялъ кассиромъ

на фабрикѣ «Товарищества русско-американской паровой пекарни» въ С.-Петербургѣ.

Обвиняемый, отставной коллежскій регистраторъ, Николай Васильевъ Клѣточниковъ, какъ видно изъ собственныхъ его объясненій, уроженецъ гор. Пензы, по окончаніи курса въ Пензенской гимназіи сначала слушалъ лекціи въ Московскомъ университетѣ, въ качествѣ вольнослушателя, а затѣмъ поступилъ въ число студентовъ С.-Петербургскаго университета, который оставилъ по разстроенному здоровью, и уѣхалъ на родину въ гор. Пензу. Въ 1870 г., прибывъ въ Крымъ для лѣченія, онъ остался тамъ на службѣ и занималъ должности письмоводителя Ялтинскаго Уѣзднаго Предводителя Дворянства и секретаря Ялтинскаго Съѣзда Мировыхъ Судей. Въ 1873 г. Клѣточниковъ, получивъ небольшое наслѣдство отъ родителей, ѣздилъ заграницу, на Вѣнскую всемірную выставку Въ 1876 г., соскучившись, по его словамъ, въ гор. Ялтѣ, онъ перешелъ въ Симферополь на должность кассира мѣстнаго общества взаимнаго кредита, съ жалованьемъ 1000 руб. въ годъ. Въ сентябрѣ 1877 г., желая снова пожить столичною жизнью и окончить курсъ высшаго учебнаго заведенія, онъ переѣхалъ въ С.-Петербургъ и здѣсь поступилъ вольнослушателемъ въ Медико-Хирургическую Академію, но, отвыкнувъ отъ учебныхъ занятій, долженъ былъ оставить Академію и отправился въ Пензу къ роднымъ, откуда снова возвратился въ С.-Петербургъ въ октябрѣ 1878 г. для пріисканія себѣ мѣста, каковое и нашелъ, при вышеуказанныхъ обстоятельствахъ, въ агентурномъ отдѣленіи при 3-й экспедиціи нынѣ упраздненнаго III Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи.

Обвиняемый, сынъ фельдфебеля Михаилъ Федоровъ Фроленко, уроженецъ гор. Ставрополь-Кавказскаго, по окончаніи курса въ мѣстной гимназіи, поступилъ въ Петровскую Земледѣльческую Академію, но въ 1874 г. скрылся изъ Москвы, вслѣдствіе привлеченія его къ дознанію о тайномъ революціонномъ сообществѣ.

При разслѣдованіи прежней революціонной дѣятельности Фроленко, выяснилось—и самимъ обвиняемымъ не отрицается,—что въ январѣ 1878 г., во время содержанія въ Кіевскомъ тюремномъ замкѣ обвинявшихся въ государственныхъ преступленіяхъ—Дейча, Стефановича и Бохановскаго, Фроленко, подъ именемъ Екатеринодарскаго мѣщанина Сергѣя Тихонова, поступилъ въ означенный тюремный замокъ ключникомъ на мѣсто отставного фейерверкера Пономарева, котораго единомышленники Фроленко предварительно переманили съ должности ключника подъ вымышленнымъ предлогомъ,—доставленія ему должности приказчика на винокуренномъ заводѣ въ гор. Брацлавѣ. Подольской губерніи. Воспользовавшись положеніемъ ключника и успѣвъ своимъ усердіемъ къ службѣ пріобрѣсти довѣріе начальства, Фроленко 26 мая вывелъ арестантовъ Дейча, Стефановича и Бохановскаго изъ тюрьмы и вмѣстѣ съ ними скрылся.

17 марта 1881 г. Фроленко былъ арестованъ въ С.-Петербургѣ, въ домѣ № 83, по Лиговкѣ, черезъ нѣсколько часовъ по задержаніи проживавшаго въ томъ же домѣ казненнаго государственнаго преступника Кибальчича, въ квартиру котораго явился Фроленко. Назвавъ себя сначала мѣщаниномъ Капустинымъ и предъявивъ подложный па-

спортъ на это имя, обвиняемый отказался указать свою квартиру, которая и осталась необнаруженною.

Обвиняемый, сынъ почтальона, Григорій Прокофьевъ Исаевъ, уроженецъ гор. Могилева, въ 1875 г. былъ исключенъ изъ 5 класса мѣстной гимназіи за распространеніе запрещенныхъ изданій среди своихъ товарищей, съ правомъ поступленія въ другія учебныя заведенія. По окончаніи гимназическаго курса, Исаевъ поступилъ сначала въ С.-Петербургскій университетъ, а затѣмъ перешелъ въ Медико-Хирургическую Академію. Въ 1877 г., во время временнаго нахожденія его въ Горецкомъ уѣздѣ Могилевской губерніи, на него пало обвиненіе въ распространеніи преступной пропаганды, вслѣдствіе чего онъ подлежалъ привлеченію къ дознанію, но скрылся и оставался неразысканнымъ до самаго задержанія своего въ С.-Петербургѣ, 1-го апрѣля 1881 года.

Въ началѣ 1880 года Исаевъ, какъ уже было упомянуто выше, проживалъ въ С.-Петербургѣ, подъ именемъ Еремѣева, вмѣстѣ съ Якимовой и Лебедевой и занимался приготовленіемъ динамита. Съ февраля же 1881 года и по день ареста онъ проживалъ по Вознесенскому проспекту, въ домѣ № $^{25}/_{76}$ вмѣстѣ съ Вѣрой Филипповой, по подложному паспорту на имя губернскаго секретаря Кохановскаго. При задержаніи его на улицѣ, 1-го апрѣля, у него были, между прочимъ, найдены: рукопись подъ заглавіемъ «Подготовительная работа партіи», трактующая о средствахъ подготовленія въ Россіи всеобщаго возстанія, и рукописный же проектъ организаціи революціонныхъ кружковъ. Что касается до его квартиры, обнаруженной 3-го апрѣля и, повидимому, незадолго передъ тѣмъ оставленной скрывшеюся Вѣрою Филипповой, то въ квартирѣ этой оказались склянки, мѣдная трубка, ножницы для рѣзки листового желѣза и другія тому подобныя техническія принадлежности.

Обвиняемый, сынъ псаломщика, Иванъ Пантелеймоновъ Емельяновъ, уроженецъ Измаильскаго уѣзда, Бассарабской губерніи, представилъ относительно своего прошедшаго слѣдующее объясненіе: въ 9-ти-лѣтнемъ возрастѣ онъ былъ взятъ изъ дома своихъ весьма недостаточныхъ родителей и помѣщенъ къ своему дядѣ, служившему тогда при Императорскомъ Россійскомъ посольствѣ въ Константинополѣ. Здѣсь и впослѣдствіи при переѣздахъ съ мѣста на мѣсто вмѣстѣ съ своимъ родственникомъ, онъ, очутившись въ совершенно новой и чуждой ему обстановкѣ, среди людей высшаго круга, сталъ съ свойственною ему, по его словамъ, любознательностью и впечатлительностью присматриваться къ окружающему и, въ результатѣ этихъ наблюденій, уже 11—12 лѣтъ отъ роду, «совершенно самостоятельно напалъ на мысль и идею, которыя принято теперь называть соціализмомъ». Такого рода мысли въ немъ незамѣтно развивались и окрѣпли; по пріѣздѣ въ С.-Петербургъ, онъ проходилъ учебный курсъ сначала въ 1-мъ реальномъ училищѣ, а затѣмъ въ ремесленномъ училищѣ Цесаревича Николая. Принявшись за чтеніе, онъ убѣдился, что соціализмъ есть «плодъ не однихъ его размышленій». Слѣдя за періодической прессой, онъ съ особеннымъ вниманіемъ остановился на рядѣ политическихъ процессовъ и пришелъ къ заключенію, что его взгляды и убѣжденія въ значительной степени солидарны съ соціально-революціонными тенденціями, съ ко-

торыми онъ могъ еще ближе познакомиться изъ чтенія выходившей тогда «Земли и Воли». Далѣе, во время поѣздокъ по внутренней и южной Россіи, онъ былъ, по его объясненію, пораженъ политическимъ и экономическимъ положеніемъ русскаго крестьянина. Когда же, послѣ весьма успѣшнаго окончанія курса въ ремесленномъ училищѣ онъ, Емельяновъ, былъ посланъ на казенный счетъ за-границу, то увидѣлъ «превосходство экономическаго и культурнаго положенія западно-европейскаго крестьянина и рабочаго передъ положеніемъ русскаго простолюдина». За-границей обвиняемый слѣдилъ за процессомъ 16 лицъ въ С.-Петербургскомъ Военно-Окружномъ Судѣ и нашелъ, что программа «Народной Воли» согласна съ его убѣжденіями, почему, по возвращеніи въ Россію, онъ не счелъ себя въ правѣ остаться индифферентнымъ и вступилъ въ число членовъ «соціально-революціонной партіи».

Обвиняемые: сынъ дьякона, Петръ Васильевичъ Тычининъ и дворянка Орловской губерніи, Малоархангельскаго уѣзда, дочь губернскаго секретаря, Елизавета Николаевна Оловенникова состояли, какъ видно изъ дѣла, первый—студентомъ 3 курса Медико-Хирургической Академіи, а послѣдняя—слушательницей женскихъ врачебныхъ курсовъ при Покровской общинѣ.

По обыску, произведенному въ ночь на 25 января 1881 года, въ квартирѣ задержаннаго, подъ именемъ Агаческулова, обвиняемаго Григорія Михайлова Фриденсона (Казанская улица, домъ № 38), у него найдено два экземпляра № 4 «Народная Воля» за 1880 г., не бывшіе еще, судя по ихъ наружному виду, въ обращеніи, рукопись, представляющая, повидимому, революціонную программу, аттестатъ на имя чиновника Коморскаго.

Изъ дознанія о государственномъ преступникѣ Кибальчичѣ видно, что лѣтомъ 1880 г. онъ проживалъ по тому же паспорту на имя Агаческулова, по которому проживалъ Фриденсонъ при его задержаніи и который, по провѣркѣ, оказался подложнымъ.

Отрицая свое участіе въ преступныхъ дѣяніяхъ террористическаго характера, Фриденсонъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, призналъ какъ принадлежность свою къ партіи «народной воли», такъ и знакомство свое съ Желябовымъ, отъ котораго онъ получалъ газету «Народная Воля», необходимую ему для революціонной пропаганды среди С.-Петербургской молодежи, въ духѣ означенной партіи.

Изъ имѣющихся въ дѣлѣ свѣдѣній о Фриденсонѣ и собственныхъ его объясненій видно, что онъ, по происхожденію Бѣлостокскій купеческій сынъ, по окончаніи курса въ Бѣлостокскомъ реальномъ училищѣ былъ вольнослушателемъ въ Московскомъ техническомъ училищѣ, откуда уволенъ вслѣдствіе привлеченія его къ дознанію, возникшему въ Москвѣ по поводу убійства мѣщанина Рейнштейна; дознаніе это въ отношеніи Фриденсона было прекращено безъ всякихъ для него послѣдствій.

Обвиняемый, солдатскій сынъ, Василій Аполлоновъ Меркуловъ, оставшись, по его объясненію, съ дѣтства безъ всякаго призрѣнія и надзора, 9-ти лѣтъ отъ роду былъ отданъ матерью въ столярную мастерскую въ Одессѣ и, изучивъ столярное ремесло, сталъ добывать имъ себѣ средства къ жизни На 18 году онъ встрѣтился въ Одессѣ

съ Иваномъ Ивичевичемъ, убитымъ впослѣдствіи, въ февралѣ мѣсяцѣ 1879 г., въ гор. Кіевѣ при вооруженномъ сопротивленіи полиціи; черезъ него познакомился съ Желябовымъ и вошелъ въ кружокъ лицъ, занимавшихся революціонной пропагандой среди рабочихъ.

Изъ дѣла видно, что, по возвращеніи изъ Одессы, лѣтомъ 1880 года Меркуловъ проживалъ въ С.-Петербургѣ по подложному паспорту на имя мѣщанина Сергѣя Лапина, по которому впослѣдствіи проживалъ въ Петербургѣ государственный преступникъ, Тимофей Михайловъ.

При обыскѣ, произведенномъ у Меркулова, при задержаніи его въ Петербургѣ 27 февраля 1881 года подъ именемъ Яковенко, въ то время, когда онъ явился къ обвиняемому Тетеркѣ, у него, Меркулова, и затѣмъ въ квартирѣ его были найдены: экземпляры газеты «Народной Воли», разныя революціонныя воззванія, оттиски печатей разныхъ правительственныхъ учрежденій, нѣсколько такихъ же печатей, вырѣзанныхъ на грифельной доскѣ, столярный инструментъ и, такъ называемый, финскій матросскій ножъ, подобный тому, который былъ при государственномъ преступникѣ Рысаковѣ, во время совершенія злодѣянія 1 марта.

При обыскѣ у обвиняемаго Льва Соломонова Златопольскаго, арестованнаго въ г. Петербургѣ 29-го января 1881 года, въ квартирѣ Колодкевича, у него, Златопольскаго, были найдены разныя орудія и приспособленія для механическихъ работъ.

Не сознаваясь во взводимомъ на него преступленіи и отрицая всякое участіе свое въ революціонной дѣятельности, Златопольскій объяснилъ, что, занимаясь механикой и въ частности изобрѣтеніемъ аппарата для нефтяного отопленія, онъ нуждался въ денежныхъ средствахъ для осуществленія означеннаго предпріятія. Съ этою цѣлью онъ искалъ знакомства съ лицами, которыя могли бы оказать ему такого рода помощь и, познакомившись случайно съ Колодкевичемъ, разсчитывалъ получить отъ него содѣйствіе въ указанномъ отношеніи. По объясненію обвиняемаго, всѣ предметы, найденные при обыскѣ, составляютъ принадлежности устраиваемой имъ нефтяной печи.

Изъ имѣющихся въ дѣлѣ свѣдѣній о Златопольскомъ видно, что онъ сынъ Елисаветградскаго мѣщанина, воспитывался въ С.-Петербургскомъ технологическомъ институтѣ, изъ котораго вышелъ въ 1875 году, не окончивъ курса.

Въ 1876 г. онъ появился въ с. Щепцовѣ, Пошехонскаго уѣзда, Ярославской губерніи, у проживавшаго тамъ и привлекавшагося къ дознанію о государственномъ преступленіи Соломона Желѣзняка, а затѣмъ въ с. Мартьяновѣ, Вологодскаго уѣзда. Вслѣдствіе полученныхъ мѣстными властями свѣдѣній о томъ, что Златопольскій прибылъ въ вышеозначенную мѣстность для преступной пропаганды, по этому поводу было возбуждено дознаніе, при возникновеніи котораго обвиняемый скрылся,

Обвиняемый, Гомельскій мѣщанинъ, Айзикъ Борисовъ Арончикъ, по окончаніи Одесскаго реальнаго училища, поступилъ въ институтъ инженеровъ путей сообщенія, откуда вышелъ, не окончивъ курса въ 1879 году.

Изъ показанія Григорія Гольденберга, между прочимъ, видно, что когда на Липецкомъ съѣздѣ возникъ вопросъ о посылкѣ кого-либо въ гор. Повѣнецъ для освобожденія находившихся тамъ въ административной ссылкѣ Самарской и Воскресенской, и онъ, Гольденбергъ, предложилъ для этого свои услуги, то участники съѣзда, признавъ его присутствіе необходимымъ для болѣе серьезныхъ дѣлъ, рѣшили поручить освобожденіе Самарской и Воскресенской Арончику, съ которымъ Гольденбергъ познакомился въ Кіевѣ еще въ 1878 г.

По задержаніи Арончика въ С.-Петербургѣ 17 го марта 1881 г., по подложному паспорту Золотницкаго, у него былъ, между прочимъ, найденъ печатный листокъ подъ заглавіемъ «Отъ исполнительнаго комитета Императору Александру III», отъ 3-го марта 1881 года.

Осмотромъ надлежащихъ домовыхъ книгъ и показаніями свидѣтелей, Кузьмы Стуликова и Семена Михайлова удостовѣряется, что Арончикъ, подъ именемъ Золотницкаго, проживалъ съ 13 по 26 февраля 1881 г. въ гостинницѣ «Москва», на углу Невскаго и Владимірскаго проспектовъ, причемъ въ той же гостинницѣ въ одинъ день съ Арончикомъ поселился и въ одинъ день съ нимъ выбылъ Николай Саблинъ, проживавшій подъ именемъ Фесенко-Навроцкаго и застрѣлившійся 3-го марта въ конспиративной квартирѣ по Телѣжной улицѣ. Затѣмъ, съ 3-го марта и по день ареста Арончикъ проживалъ подъ тѣмъ же именемъ Золотницкаго по М. Итальянской улицѣ, въ д. № 32, кв. № 11, и значился прибывшимъ въ эту квартиру изъ Царскаго Села.

Обвиняемый, одесскій мѣщанинъ, Макаръ Васильевъ Тетерка, по ремеслу столяръ, не получившій никакого образованія, еще въ 1877 г. принималъ участіе въ происходившихъ въ Одессѣ противозаконныхъ сходкахъ рабочихъ; въ 1879 г. онъ проживалъ въ Кіевѣ, причемъ по обыску, произведенному 6 мая того же года у сожителей его по квартирѣ, Предтеченскаго и Красовскаго, найдены были пироксилинъ и разрывные снаряды. Здѣсь же, въ Кіевѣ, Тетерка встрѣтился съ Желябовымъ, который и побудилъ его принять непосредственное участіе въ революціонной дѣятельности.

Дознаніемъ по настоящему дѣлу обнаружено и обвиняемымъ Тетеркой не отвергается, что въ теченіе 1880 года и въ январѣ 1881 г. Тетерка проживалъ въ С.-Петербургѣ, послѣдовательно подъ фамиліями—Березина, Николаева и Веселовскаго. При этомъ, называясь Николаевымъ, съ сентября 1880 г. по январь 1881 годъ, онъ жилъ вмѣстѣ съ государственною преступницею, Гесею Гельфманъ по Троицкому переулку, въ д. № 27, въ нанятой имъ, по указанію Желябова, конспиративной квартирѣ, гдѣ помѣщалась типографія «Рабочей Газеты». Отсюда Гельфманъ переѣхала вмѣстѣ съ Саблинымъ, на конспиративную квартиру въ Телѣжной улицѣ, а Тетерка, пріобрѣтя лошадь и сани для занятія извознымъ промысломъ, поселился у мѣщанина Якова Михайлова, на Васильевскомъ Островѣ, д № 46.

Обвиняемый, прусскій подданный Мартынъ Рудольфовъ Лангансъ, уроженецъ гор. Херсона, по окончаніи курса въ Херсонской гимназіи, поступилъ въ С.-Петербургскій технологическій институтъ, изъ котораго, не окончивъ курса, вышелъ въ 1872 г., а въ 1874 году былъ привлеченъ къ дѣлу о преступной пропагандѣ въ Имперіи, но

по суду оправданъ. Въ 1879 г. онъ былъ задержанъ въ гор. Кіевѣ, подъ именемъ Петрова, въ квартирѣ, гдѣ по обыску были найдены разныя запрещенныя изданія; высланный послѣ этого за-границу, онъ, по его собственному объясненію, лѣтомъ 1880 г. вернулся въ Россію и съ тѣхъ поръ жилъ подъ разными фамиліями.

21 апрѣля 1881 г, Лангансъ былъ задержанъ въ Кіевѣ послѣ того, какъ, вмѣстѣ съ обвиняемой Якимовой, явился въ квартиру разыскиваемой по обвиненію въ государственномъ преступленіи мѣщанки Фейги Морейнисъ, причемъ назвался при арестѣ однодворцемъ Кишиневскаго уѣзда, Матвѣемъ Гужо.

10 Обвиняемый, Николай Александровъ Морозовъ, незаконнорожденный сынъ помѣщика Ярославской губерніи, воспитывался на счетъ своего отца во 2-й Московской гимназіи, изъ 6 го класса которой былъ уволенъ вслѣдствіе привлеченія его къ дѣлу о преступной пропагандѣ въ Имперіи, по каковому дѣлу былъ судимъ Особымъ Присутствіемъ Правительствующаго Сената въ числѣ 193 подсудимыхъ, и признанъ виновнымъ въ принадлежности къ противоправительственному тайному сообществу; но въ видѣ смягчающихъ его вину обстоятельствъ, ему, по Высочайшему соизволенію, было вмѣнено въ наказаніе содержаніе подъ стражею до суда. Въ ноябрѣ 1879 года Морозовъ проживалъ въ С.-Петербургѣ вмѣстѣ съ государственной преступницей, Ольгой Любатовичъ, бѣжавшей съ мѣста ссылки, подъ именемъ супруговъ Хитрово. Заподозрѣнные полиціей, они были, впредь до обнаруженія ихъ личности, подвергнуты домашнему аресту, но въ ночь на 26 ноября успѣли скрыться, причемъ, по объясненію Морозова, отправились за-границу.

Въ январѣ 1881 г. Морозовъ, подъ именемъ Лакіера, былъ задержанъ въ дер. Стошки, Сувалкской губерніи, куда незадолго передъ тѣмъ прибылъ изъ-за границы вмѣстѣ съ другими лицами, такъ же, какъ и Морозовъ, разыскивавшимися по обвиненію въ государственныхъ преступленіяхъ. По обыску въ помѣщеніи, гдѣ проживалъ Морозовъ, были найдены въ значительномъ количествѣ экземпляровъ заграничныя изданія противоправительственнаго содержанія, въ томъ числѣ и написанныя самимъ Морозовымъ—брошюра подъ заглавіемъ «Террористическая Борьба» и революціонныя стихотворенія.

9 Обвиняемая, дочь титулярнаго совѣтника (учителя народнаго училища), Людмила Дементьева Терентьева, уроженка Херсонской губерніи, воспитывалась на казенный счетъ въ Одесской Маріинской женской гимназіи и, по окончаніи въ 1878 г. курса, 16 лѣтъ отъ роду, по собственному ея объясненію, вступила въ «соціально-революціонную партію», отдѣльныя порученія членовъ которой она исполняла, еще обучаясь въ гимназіи. Признавая свою принадлежность къ террористической фракціи, обвиняемая заявила, что занятія ея—работа въ тайной типографіи, а средства къ жизни—революціонный фондъ.

Осмотрами надлежащихъ домовыхъ книгъ и показаніями свидѣтелей—Андрея Якимова, Елизаветы Фохтъ и Прокофія Яковлева, а также показаніями самой Терентьевой удостовѣрено, что она жила въ Петербургѣ: а) съ 11 апрѣля по 3 мая 1880 г.—по Малой Итальянской, д. № 33, подъ именемъ Евгеніи Климовичъ; б) оттуда пере-

ѣхала въ д. № 11, кв. 21, по Подольской улицѣ, гдѣ подъ тѣмъ же именемъ проживала вмѣстѣ съ Кибальчичемъ, который назывался Агаческуловымъ, и в) затѣмъ, съ 6 ноября 1880 г. до дня своего ареста, 2 мая 1881 г., Терентьева подъ именемъ Авдотьи Трифоновой, жила на углу Подольской ул. и Мал. Царскосельскаго проспекта, д. № 14/42, кв. 31, въ квартирѣ супруговъ Пришибиныхъ.

Послѣ того, какъ 2 мая 1881 г., Терентьева была арестована на улицѣ, подъ именемъ Маріи Кастецкой, 5 мая послѣдовало обнаруженіе вышеупомянутой квартиры, на углу Подольской ул., въ д. № 14/42, изъ которой хозяева ея, проживавшіе подъ именемъ верейскихъ мѣщанъ—Григорія и жены его Надежды Пришибиныхъ, успѣли скрыться и до настоящаго времени остались неразысканными. Квартира оказалась, такъ называемою, конспиративною и, повидимому, представляла собою помѣщеніе тайной типографіи «Народной Воли» и сборный пунктъ участниковъ преступнаго сообщества, послѣ злодѣянія 1 марта. Поводомъ къ обнаруженію означенной квартиры послужило то обстоятельство, что Прокофій Яковлевъ, дворникъ дома № 14/42 на углу Подольской улицы, вызванный въ секретное отдѣленіе при управленіи С.-Петербургскаго градоначальства, для предъявленія ему, въ числѣ другихъ дворниковъ, арестованной наканунѣ Кастецкой-Терентьевой, заподозрилъ въ ней сожительницу Пришибиныхъ, Трифонову, вслѣдствіе чего полицейскіе розыски и были направлены на упомянутую квартиру.

По осмотру квартиры Пришибиныхъ въ ней оказались: вся обстановка типографскихъ работъ, типографскія принадлежности въ полномъ составѣ, разныя изданія преступнаго содержанія въ значительномъ количествѣ экземпляровъ, носящія слѣды свѣжей отпечатки, и множество вещественныхъ доказательствъ преступной террористической дѣятельности, изъ числа которыхъ обращаютъ на себя особенное вниманіе: 1) девять стеклянныхъ банокъ, наполненныхъ чернымъ динамитомъ, количествомъ всего до 4 пудовъ 15 фунтовъ, совершенно сходнымъ съ тѣмъ, который былъ заложенъ въ минѣ, выведенной изъ лавки Кобозева; 2) готовый метательный снарядъ, устроенный по той же системѣ, какъ и снаряды, употребленные при злодѣяніи 1 марта; 3) граната заряженная порохомъ и картечью, съ проведеннымъ къ ней стопиномъ; 4) яды—опій, стрихнинъ и ціанистый кали; 5) два кинжала, четыреугольный стилетъ и 9, такъ называемыхъ, финскихъ матросскихъ ножей; 6) два револьвера, револьверные патроны и большое количество дроби; 7) бланки для письменныхъ видовъ и 8) разныя цифровыя письма и записки.

Изъ показанія свидѣтельницы, Маріи Миссюро, между прочимъ, видно, что Терентьева приходила къ Тригони, проживавшему, до своего ареста, въ содержимыхъ свидѣтельницею меблированныхъ комнатахъ въ домѣ № 66, по Невскому проспекту, и при этомъ принесла съ собой какой-то узелъ.

По заключенію экспертовъ, вышеупомянутыя, найденныя у обвиняемаго Исаева, записки о приготовленіи нитроглицерина и динамита писаны Терентьевою.

Обвиняемая, дочь коллежскаго совѣтника, Татьяна Иванова Лебедева, уроженка гор. Богородска, Московской губерніи, окончила

курсъ въ Московскомъ Николаевскомъ Институтѣ, гдѣ воспитывалась на казенный счетъ; была осуждена по дѣлу о преступной пропагандѣ въ Имперіи, но, въ виду смягчающихъ вину ея обстоятельствъ, ей съ Высочайшаго соизволенія, вмѣнено было въ наказаніе предварительное содержаніе подъ стражею. По объясненію Лебедевой, находясь въ Москвѣ въ мартѣ 1879 года и вращаясь среди революціонныхъ дѣятелей, она знала о замыслѣ ихъ совершить убійство сыскного агента Рейнштейна. Обвиняемая начала проживать нелегально со времени своего двухдневнаго содержанія подъ стражею, при розыскахъ, производившихся въ Петербургѣ въ августѣ 1878 года, послѣ убійства генералъ-адъютанта Мезенцева.

По осмотру подлежащихъ домовыхъ книгъ оказалось, что Лебедева, съ 17-го іюня 1881 г. и до дня ареста (3-го сентября), проживала въ С.-Петербургѣ на разныхъ квартирахъ подъ именемъ Лидіи Рощиной. При задержаніи же ея, у нея, кромѣ паспорта на имя Рощиной, оказался еще и другой видъ на жительство на имя Софьи Котоминой.

Обвиняемая, дочь священника, Анна Васильева Якимова, уроженка Уржумскаго уѣзда, Вятской губерніи, по окончаніи курса въ Вятскомъ епархіальномъ женскомъ училищѣ, была учительницей сельской школы въ селѣ Камышинцевѣ, Орловскаго уѣзда, Вятской губерніи, послѣ чего была привлечена, судима и оправдана по дѣлу о преступной пропагандѣ въ Имперіи.

21 марта 1881 года Якимова была задержана вмѣстѣ съ обвиняемымъ Лангансомъ въ г. Кіевѣ, при вышеуказанныхъ обстоятельствахъ, въ квартирѣ Фейги Морейнисъ.

На основаніи всего вышеизложеннаго:

I. Дворяне: Александръ Дмитріевъ Михайловъ, 25 лѣтъ; Николай Николаевъ Колодкевичъ, 31 года; Михаилъ Николаевъ Тригони, 30 лѣтъ; Александръ Ивановъ Баранниковъ, 23 лѣтъ; отставной флота лейтенантъ, Николай Евгеньевъ Сухановъ, 29 лѣтъ; отставной прапорщикъ, Фердинандъ Осиповъ Люстигъ, 27 лѣтъ; отставной коллежскій регистраторъ, Николай Васильевъ Клѣточниковъ, 34 лѣтъ; сынъ фельдфебеля, Михаилъ Ѳедоровъ Фроленко, 33 лѣтъ; сынъ почтальона, Григорій Прокофьевъ Исаевъ, 24 лѣтъ; сынъ псаломщика, Иванъ Пантелеймоновъ Емельяновъ, 20 лѣтъ; сынъ дьякона, Петръ Васильевъ Тычининъ, 26 лѣтъ; купеческій сынъ, Григорій Михайловъ Фриденсонъ, 26 лѣтъ; солдатскій сынъ, Василій Аполлоновъ Меркуловъ, 21 года; мѣщане: Левъ Соломоновъ Златопольскій, 33 лѣтъ; Айзикъ Борисовъ Арончикъ, 22 лѣтъ; Макаръ Васильевъ Тетерка, 28 лѣтъ; Николай Александровъ Морозовъ, 26 лѣтъ; прусскій подданный, Мартынъ Рудольфовъ Лангансъ, 29 лѣтъ; дворянка Елизавета Николаева Оловенникова, 23 лѣтъ; дочь титулярнаго совѣтника, Людмила Дементьева Терентьева, 20 лѣтъ; дочь коллежскаго совѣтника, Татьяна Иванова Лебедева, 29 лѣтъ, и дочь священника Анна Васильева Якимова, 26 лѣтъ, обвиняются въ томъ, что вступили въ тайное сообщество, именующее себя «русской соціально-революціонной партіею», имѣющее цѣлью ниспровергнуть, посредствомъ насильственнаго переворота, существующій въ Имперіи государственный и общественный строй, причемъ преступная дѣятельность этого сообщества проявилась въ рядѣ

посягательствъ на жизнь Священной Особы въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра Николаевича, въ убійствахъ и покушеніяхъ на убійство должностныхъ лицъ и вооруженныхъ сопротивленіяхъ властямъ.

II. Изъ числа вышепоименованныхъ лицъ, нижеслѣдующія обвиняются въ томъ, что, дѣйствуя для достиженія вышеуказанной преступной цѣли упомянутаго сообщества:

1) Михайловъ—въ мартѣ 1879 года въ С.-Петербургѣ участвовалъ съ другими лицами въ соглашеніи посягнуть на жизнь въ Бозѣ почившаго Государя Императора и въ обсужденіи плана означеннаго злодѣянія, во исполненіе какового плана, 2 апрѣля 1879 года, послѣдовало, завѣдомо для Михайлова, покушеніе на цареубійство, совершенное нынѣ казненнымъ государственнымъ преступникомъ Соловьевымъ.

2) Фроленко, Лебедева, Колодкевичъ и Меркуловъ—въ октябрѣ и ноябрѣ 1879 года, намѣреваясь, съ цѣлью посягательства на жизнь въ Бозѣ почившаго Государя Императора, заложить мину на 14-й верстѣ Одесской желѣзной дороги для взрыва динамитомъ поѣзда, въ которомъ имѣлъ слѣдовать Его Императорское Величество, сдѣлали всѣ необходимыя къ тому приготовленія.

3) Якимова, Тетерка и Исаевъ—въ ноябрѣ 1879 года, близъ города Александровска, Екатеринославской губерніи, съ тою же преступной цѣлью, вмѣстѣ съ другими лицами, заложили подъ полотномъ Лозово-Севастопольской желѣзной дороги мину, для взорванія динамитомъ поѣзда, въ которомъ имѣлъ слѣдовать въ Бозѣ почившій Государь Императоръ; послѣ чего, 18-го того же ноября, при проходѣ означеннаго поѣзда, соучастниками ихъ была сомкнута проведенная къ минѣ гальваническая цѣпь, причемъ, однако же, по обстоятельствамъ, отъ нихъ не зависѣвшимъ, взрыва не послѣдовало.

4) Михайловъ, Арончикъ, Исаевъ, Баранниковъ и Морозовъ—съ тою же преступною цѣлью, принимали, вмѣстѣ съ другими лицами, участіе въ устройствѣ подкопа и мины, для взорванія динамитомъ полотна Московско-Курской желѣзной дороги, близъ города Москвы, при слѣдованіи императорскаго поѣзда, во время какового слѣдованія, 19 ноября 1879 года, и былъ произведенъ предположенный взрывъ, не причинившій, однако же, по обстоятельствамъ, отъ обвиняемыхъ не зависѣвшимъ, никакого вреда лицамъ, находившимся въ упомянутомъ поѣздѣ.

5) Исаевъ—съ тою же преступною цѣлью изготовилъ мину, которою, завѣдомо для него, 5-го февраля 1880 года, былъ произведенъ взрывъ въ Зимнемъ Дворцѣ, гдѣ въ то время пребывалъ въ Бозѣ почившій Государь Императоръ, каковой взрывъ не достигъ, однако же, по обстоятельствамъ, не зависѣвшимъ отъ обвиняемаго, вышеуказанной цѣли.

6) Исаевъ, Якимова, Златопольскій и Меркуловъ—для той же преступной цѣли, весной 1880 года въ гор. Одессѣ, умысливъ, вмѣстѣ съ другими лицами, произвести взрывъ при слѣдованіи въ Бозѣ почившаго Государя Императора по Итальянской улицѣ, сдѣлали всѣ необходимыя къ этому приготовленія.

7) Исаевъ, Михайловъ, Баранниковъ, Тетерка и Меркуловъ—для той же преступной цѣли, лѣтомъ 1880 года въ гор. С.-Петербургѣ, заложили подъ каменнымъ мостомъ, въ Екатерининскомъ каналѣ мину, для производства динамитомъ взрыва при слѣдованіи въ Бозѣ почившаго Государя Императора чрезъ означенный мостъ.

8) Исаевъ, Колодкевичъ, Баранниковъ, Фроленко, Тригони, Сухановъ, Емельяновъ, Меркуловъ, Лангансъ, Тычининъ, Якимова и Оловенникова—согласившись между собою и съ другими лицами посягнуть на жизнь въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра Николаевича, во исполненіе такового умысла, во 2-й половинѣ 1880 и въ 1-й половинѣ 1881 года: а) учредили постоянное наблюденіе за проѣздами Его Императорскаго Величества по улицамъ города С.-Петербурга, послѣ чего: б) изъ подвальной лавки въ домѣ графа Менгдена, по Малой Садовой, былъ проведенъ подкопъ подъ означенную улицу, съ устроенною въ немъ миною, для производства взрыва при слѣдованіи Его Величества, и в) 1 марта 1881 года при проѣздѣ въ Бозѣ почившаго Государя Императора по набережной Екатерининскаго канала, были брошены два метательныхъ взрывчатыхъ снаряда, изъ которыхъ взрывъ второго причинилъ Государю Императору тяжкія поврежденія, повлекшія за собой кончину Его Императорскаго Величества, причемъ изъ поименованныхъ обвиняемыхъ:

Тычининъ и Оловенникова участвовали, подъ руководствомъ нынѣ казненной государственной преступницы, Софьи Перовской, въ вышеупомянутомъ наблюденіи за проѣздами Его Величества;

Якимова, подъ именемъ Кобозевой, была хозяйкой сырной лавки, изъ которой былъ проведенъ вышеозначенный подкопъ подъ улицу Малую Садовую;

Меркуловъ—служилъ въ этой лавкѣ въ качествѣ приказчика, а также переносилъ въ нее разныя приспособленія для проведенія подкопа и устройства мины;

Колодкевичъ, Баранниковъ, Тригони, Фроленко, Сухановъ и Лангансъ работали при проведеніи означеннаго подкопа, а Сухановъ, кромѣ того, изготовилъ зарядъ для взрыва устроенной въ томъ подкопѣ мины;

Лебедева участвовала въ снаряженіи упомянутаго заряда;

Сухановъ и Исаевъ участвовали въ изготовленіи вышеупомянутыхъ метательныхъ снарядовъ, послужившихъ орудіями цареубійства и, наконецъ,

Емельяновъ, вооруженный однимъ изъ такихъ метательныхъ снарядовъ, находился на Екатерининскомъ каналѣ, на мѣстѣ совершенія этого злодѣянія, для принятія въ немъ непосредственнаго участія.

Означенныя преступленія предусмотрѣны ст. 241, 242, 243 и 249 улож. о наказ. угол. и испр. изд. 1866 года.

III. Сверхъ перечисленныхъ обвиненій, нижепоименованныя лица обвиняются еще въ томъ, что, для способствованія достиженію вышеуказанной преступной цѣли тайнаго общества, именующаго себя «русской соціально-революціонной партіей»:

1) Баранниковъ—по предварительному соглашенію съ другими лицами, участвовалъ 4 августа 1878 года въ лишеніи жизни Шефа

Жандармовъ, генералъ-адъютанта Мезенцева, причемъ, находясь на мѣстѣ совершенія этого преступленія, произвелъ изъ револьвера выстрѣлъ въ сопровождавшаго покойнаго генерала Мезенцева отставного подполковника Макарова;

2) Терентьева—для доставленія названному преступному сообществу денежныхъ средствъ, въ іюнѣ 1879 года, въ городѣ Херсонѣ принимала участіе, вмѣстѣ съ другими лицами, въ тайномъ похищеніи изъ Херсонскаго губернскаго казначейства казенныхъ денегъ на сумму болѣе полутора милліона рублей, причемъ, для совершенія означенной кражи, были произведены проломъ каменной стѣны, подкопъ подъ зданіе казначейства и взломъ запоровъ у сундуковъ, въ которыхъ хранились деньги, и, наконецъ,

3) Фроленко, Лебедева, Фриденсонъ и Меркуловъ—для той же указанной въ предыдущемъ пунктѣ цѣли, умысливъ, вмѣстѣ съ другими лицами, похитить казенныя деньги изъ Кишиневскаго губернскаго казначейства, въ декабрѣ 1880 и въ январѣ 1881 г. начали проводить подкопъ подъ зданіе означеннаго казначейства, но намѣренія своего, по независѣвшимъ отъ нихъ обстоятельствамъ, не успѣли привести въ исполненіе.

Означенныя преступленія предусмотрѣны ст. 9, 13, 1454 и 1647 улож. о нак. угол. и испр. изд. 1866 года.

По вышеозначеннымъ обвиненіямъ, согласно Высочайшему повелѣнію, послѣдовавшему въ 9-й день декабря 1881 г., и на основаніи ст. 1032 и 1052 уст. угол. суд. 2-й ч XV т. Св. Зак. изд. 1876 года, по продолж. 1879 года, поименованные выше: Александръ Михайловъ, Николай Колодкевичъ, Михаилъ Тригони, Александръ Баранниковъ, Николай Сухановъ, Фердинандъ Люстигъ, Николай Клѣточниковъ, Михаилъ Фроленко, Григорій Исаевъ, Иванъ Емельяновъ, Петръ Тычининъ, Григорій Фриденсонъ, Василій Меркуловъ, Левъ Златопольскій, Айзикъ Арончикъ, Макаръ Тетерка, Николай Морозовъ, Мартынъ Лангансъ, Елизавета Оловенникова, Людмила Терентьева, Татьяна Лебедева и Анна Якимова предаются суду Особаго Присутствія Правительствующаго Сената, съ участіемъ сословныхъ представителей.

Составленъ декабря 30-го дня 1881 года, въ городѣ С.-Петербургѣ.

Подлинный подписалъ: Исполняющій обязанности Прокурора при Особомъ Присутствіи Правительствующаго Сената для сужденія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ Н. Муравьевъ.

II.

Замѣтки о процессѣ двадцати *).

Вводятъ подсудимыхъ, каждаго между двумя жандармами. Кромѣ того, въ залѣ ихъ ожидаетъ еще внушительный караулъ, полиція, жандармы, даже казаки! Недостаетъ только артиллеріи! Стражи больше, чѣмъ публики. Такъ и кажется, что она приготовлена для какихъ-то страшныхъ силачей—разбойниковъ, которые, того и гляди, растерзаютъ гг. сенаторовъ. Что касается публики, то она вся состоитъ изъ чиновниковъ М. В. Д. и военныхъ. Изъ судебнаго вѣдомства никого. Члены и даже предсѣдатели судовъ настолько заражены крамолой, что ихъ нежелательно вовсе видѣть въ залѣ. Нечего и говорить объ адвокатахъ; они, какъ люди независимые, не получающіе жалованья отъ начальства, а работающіе по личному найму, настолько пропитаны зловредными идеями, что о допущеніи ихъ въ засѣданіе не можетъ быть и рѣчи. Положимъ, по закону имъ болѣе другихъ слѣдовало бы быть, чтобы знакомиться съ судебными порядками, но, вѣдь, по времени и закону перемѣна бываетъ. Ходъ на хоры Муравьевъ собственноручно заперъ, положилъ ключъ къ себѣ въ карманъ и поставилъ тутъ же городового, но, впрочемъ, не забылъ спрятать на хоры, за колонну, свою супругу. Она, вѣроятно, какъ жена прокурора, лицо оффиціальное и можетъ присутствовать въ засѣданіи, происходящемъ при закрытыхъ дверяхъ. Разсаживаютъ подсудимыхъ въ два ряда. Въ 1-мъ—7 человѣкъ, ближе всѣхъ къ судьямъ—услужливый предатель Меркуловъ. Говорятъ, когда онъ былъ взятъ, то ему обѣщали прощеніе, если онъ выдастъ своихъ. Онъ на это согласился и ходилъ по улицамъ, незамѣтно сопровождаемый шпіонами. Встрѣчаясь съ тѣми, кого могъ выдать, онъ только раскланивался съ ними, и отъ него каждый разъ отдѣлялся шпіонъ, который и слѣдилъ за послѣднимъ. По размѣщеніи подсудимые встаютъ и объявляютъ, что имѣютъ сдѣлать заявленіе суду. «Послѣ!»—кричитъ Дрейеръ: «теперь не время!»—«Мы относительно самого суда»,—заявляютъ подсудимые. «Никакихъ заявленій относительно суда»,—кричитъ Дрейеръ. *Этотъ Дрейеръ тотъ самый, который предсѣдательствовалъ въ Москвѣ на процессѣ Нечаева и въ заключительномъ словѣ къ присяжнымъ произнесъ обвинительную рѣчь.* Михайловъ, во избѣжаніе шума, хочетъ сдѣлать заявленіе одинъ отъ имени всѣхъ. *Предсѣдатель.*—Вы не уполномоченный, не имѣете права заявлять отъ имени всѣхъ! *Михайловъ.*—Я отъ себя желаю заявить. *Предсѣдатель.*—И отъ себя нельзя. Еще разъ повторяю, никакихъ заявленій. Подсудимые протестуютъ противъ такого обращенія. Стража бряцаетъ оружіемъ, съ напряженнымъ вниманіемъ ожидая отъ предсѣдателя знака, чтобы ринуться въ аттаку противъ злодѣевъ, горя благороднымъ желаніемъ сразиться съ непріятелемъ. Наконецъ, все нѣсколько успокоилось; подсудимые, едва сдерживая негодованіе, рѣшили выказать болѣе самообладанія, чѣмъ самъ без-

*) Изъ приложенія къ 8—9 № *„Народной Воли“*.

пристрастный судъ, и прекратили перепалку. По опросѣ ихъ о званіи и проч., началось чтеніе обвинительнаго акта. Оно прошло бы совершенно спокойно, но тутъ предсѣдатель опять сталъ безобразничать. Подсудимые, которымъ содержаніе акта давно ужъ хорошо извѣстно, долго не видавшись другъ съ другомъ, стали очень тихо разговаривать между собою и передавать далеко сидящимъ записки. Все это нисколько не могло помѣшать чтенію, такъ какъ шума почти не было. Но тутъ предсѣдатель сталъ кричать, и такъ какъ подсудимые все не переставали, то чтеніе все время прерывалось криками предсѣдателя, поминутно сыпались такіе возгласы: «Молчать! Не умѣете себя держать! Вы не дома!» Угрозамъ удалить изъ залы не было конца. Баранниковъ получилъ нагоняй даже за то, что, сидя далеко отъ защитника, сдѣлалъ знакъ, чтобы онъ передалъ ему обвинительный актъ.—«Подсудимый!»—закричалъ предсѣдатель: «никакихъ знаковъ дѣлать я не позволю! Если это еще разъ повторится, то вы будете удалены изъ залы!» Итакъ, значитъ, относиться со вниманіемъ къ чтенію акта (что гораздо удобнѣе, если онъ предъ глазами) тоже нельзя. Наконецъ, кончилось чтеніе злополучнаго акта. Перерывъ. Подсудимыхъ уводятъ въ тюрьму, и послѣ перерыва вводятъ по одиночкѣ или группами для предложенія вопроса о виновности. Опредѣленіе объ этомъ предсѣдатель не позаботился объявить въ засѣданіи. Вообще нарушеніе формъ судопроизводства на каждомъ шагу. Такъ, прежде всего, предсѣдатель не объявилъ, что засѣданіе происходитъ при закрытыхъ дверяхъ. Затѣмъ, на всякую просьбу Муравьева предсѣдатель, даже для виду не посовѣтовавшись съ членами, предупредительно отвѣчаетъ: «Особое присутствіе находитъ вполнѣ возможнымъ согласиться на просьбу прокурора». Но это все еще пустяки. Нарушеніе закона доведено было до поразительной наглости въ первый день вечеромъ. Дѣло было такъ: когда, послѣ чтенія акта, подсудимыхъ стали вводить по одиночкѣ, то защитники тѣхъ изъ нихъ, которые оставались пока въ тюрьмѣ, извѣщали ихъ и, по всей вѣроятности, разсказывали, что происходило на судѣ въ ихъ отсутствіе. Вдругъ во время одного перерыва состоялось распоряженіе предсѣдателя, запрещающее защитникамъ видаться съ ихъ кліентами во время судебнаго слѣдствія. По открытіи засѣданія защитники заявляютъ объ этомъ предсѣдателю Тотъ вооружается судебными уставами и провозглашаетъ: «Да, я сдѣлалъ это распоряженіе (прибавимъ, не объявленное въ засѣданіи), основываясь на 569 ст. уст. уг. судопр.» Чтобы лучше видѣть всю логику предсѣдателя, выписываемъ эту статью дословно: «Вмѣстѣ съ распоряженіемъ о допущеніи защитниковъ къ исполненію ихъ обязанностей, предсѣдатель суда разрѣшаетъ имъ объясняться наединѣ съ подсудимыми, содержащимися подъ стражей». «Такъ какъ эта статья помѣщена въ главѣ, говорящей о приготовительныхъ къ суду распоряженіяхъ», говоритъ далѣе предсѣдатель: «то тѣмъ самымъ она допускаетъ свиданіе защитника съ подсудимыми во время только таковыхъ распоряженій и отнюдь не во время судебнаго слѣдствія. Наша практика толковала до сихъ поръ эту статью такъ, что она допускаетъ свиданіе и во время судебнаго слѣдствія. Но Особ. Присут., въ данномъ случаѣ, нашло необходимымъ толковать ее именно такъ, какъ я толковалъ выше.

Если же гг. защитники желаютъ знать мотивы, вызвавшіе мое распоряженіе, то вотъ они: я руководствовался желаніемъ поддержать честь адвокатуры, такъ какъ до свѣдѣнія моего дошло, что нѣкоторые гг. защитники (имена я не называю) позволили себѣ, во время свиданій съ подсудимыми, сообщать имъ то, что происходитъ въ ихъ отсутствіе».

Герардъ.—Что касается поддержанія чести адвокатуры, то мы просили бы позволенія намъ самимъ заботиться объ этомъ. Что же касается до того, что мы сообщаемъ подсудимымъ, то прежде всего я позволю себѣ выразить удивленіе, какимъ образомъ г. первоприс. стало извѣстно содержаніе нашихъ разговоровъ съ подсудимыми, происходившихъ съ глазу на глазъ. *Предсѣдатель.*—Это все равно, откуда я узналъ. Этого могло и не быть. Я только говорю, что это нежелательно. *Герардъ.*— Затѣмъ, я позволю себѣ обратить вниманіе г. первоприсутствующаго на то, что законъ обязываетъ самого г. предсѣдателя суда сообщать подсудимому все, что происходило въ его отсутствіе. Тѣмъ болѣе эта обязанность лежитъ на защитникѣ, и если мы это дѣлали, то только исполняли законъ. *Предсѣдатель* что-то сталъ бормотать въ отвѣтъ на это, но невозможно было уловить ни одной мысли (вѣрнѣе, мысли и не было). Въ заключеніе онъ сказалъ: «Во всякомъ случаѣ распоряженіе, основанное на 569 ст. Уст. Уг. Судопр., остается въ силѣ». *Спасовичъ.*—Въ такомъ случаѣ я просилъ бы позволенія видѣться съ моимъ кліентомъ по поводу вещественныхъ доказательствъ, иначе я не буду въ состояніи поставить, какъ должно, свою защиту. *Предсѣдатель.*—Я вамъ разрѣшаю.

Затѣмъ еще нѣсколько защитниковъ высказали мотивированныя требованія свиданій. Предсѣдатель ихъ удовлетворилъ, такъ что распоряженіе стало падать само собою. На другой день распоряженіе было отмѣнено, такъ какъ наканунѣ большинство защитниковъ дѣлали намеки на то, что они откажутся отъ защиты въ виду такихъ стѣсненій ея. Муравьевъ при этомъ слиберальничалъ, что онъ противъ всякихъ стѣсненій защиты. Муравьевъ вообще царитъ. Предсѣдатель передъ нимъ—какъ почтительная дочка передъ строгой маменькой, наблюдающей за поведеніемъ и успѣхами ея въ свѣтѣ. Самъ Набоковъ*) сидитъ очень близко къ нему и смотритъ на него, какъ на божество, обѣщающее разразить крамольниковъ; онъ своей позой и благоговѣйными взглядами на Муравьева очень напоминаетъ бабу, которая наняла въ мировомъ судѣ «аблаката» и все время съ надеждой и упованіемъ смотритъ на его ротъ, вполнѣ увѣренная, что изъ него посыплются неопровержимые доводы въ ея пользу. Набоковъ, вообще, внимательно слѣдитъ за ходомъ дѣла и волнуется,—онъ очень боится скандала, и вотъ почему: всякій разъ, какъ возникалъ политическій процессъ, передъ царемъ старались восторжествовать одно передъ другимъ два мнѣнія—одни доказывали, что слѣдуетъ судить военнымъ судомъ, потому что онъ скорый и строгій, и скандала никакого не будетъ; Набоковъ же старался поддержать «достоинство» гражданскаго суда, доказывая, что онъ упечетъ еще строже, чѣмъ военный, а скандала на немъ скорѣе не будетъ, такъ какъ военные люди своею рѣзкостью болѣе способны раздражить подсуди-

*) Министръ Юстиціи.

мыхъ. Вотъ почему онъ на каждомъ процессѣ боится, чтобы чего не произошло. На процессѣ по дѣлу 1 марта во время рѣчи Желябова, онъ подбѣжалъ сзади къ предсѣдателю и сталъ ему что-то нашептывать. Выходило просто неприлично. Но, однако, довольно объ этомъ; перейдемъ къ подсудимымъ. Начинаются вопросы о виновности. Для полноты впечатлѣнія, производимаго отвѣтами подсудимыхъ, мнѣ надо сказать нѣсколько словъ объ ихъ внѣшности. Одѣты они всѣ прилично, Баранниковъ даже изысканно. Держатъ себя съ достоинствомъ и тактомъ (изъ подсудимыхъ только Меркуловъ отличается отвратительною наглостью и развязностью); отвѣчаютъ о себѣ откровенно, о другихъ отказываются говорить (разумѣется, исключая Меркулова, который выдаетъ всѣхъ, кого можетъ и не можетъ). Самое выразительное лицо у Колодкевича. Ему, очевидно, трудно сдерживать негодованіе, но сила воли преодолѣваетъ: онъ сдержанъ, спокоенъ. Самообладаніе въ немъ замѣчательное. Затѣмъ обращаетъ на себя вниманіе Баранниковъ: слова его дышатъ такой правдивостью, что кажется дерзостью усомниться въ нихъ. Онъ просто объясняетъ свою роль, говоритъ, что дѣлалъ, чего не дѣлалъ, и все это такъ убѣдительно, что только изолгавшійся человѣкъ могъ бы потребовать доказательствъ. Но, разумѣется, на судѣ ему приходится все доказывать. На вопросы же, могущіе служить противъ другихъ, онъ прямо отказывается отвѣчать. Что касается Михайлова, то это основательный теоретикъ: все у него выходитъ такъ логично, что просто подавляетъ противника или человѣка предубѣжденнаго; замѣчателенъ отвѣтъ его на вопросъ о виновности. Въ немъ онъ выяснялъ причины, приведшія ихъ къ террору. Мысли его, собственно говоря, ничего новаго не представляли, но все было такъ обосновано, такъ логично вытекало одно изъ другого, выводы дѣлались такъ строго, что даже всякій предубѣжденный человѣкъ какъ-то невольно чувствовалъ всю ихъ неизбѣжность, неотразимость. Даже самъ Дрейеръ до того былъ ошеломленъ, что не только не прерывалъ Михайлова, но, напротивъ, утвердительно кивалъ головой. Только въ концѣ рѣчи предсѣдатель остановилъ его, а именно, когда онъ сталъ говорить о частностяхъ, приведшихъ ихъ къ цареубійству. Изъ такихъ частностей Михайловъ успѣлъ упомянуть о двухъ: 1) «Приговоръ по дѣлу 193», сказалъ онъ, «былъ довольно мягокъ, многихъ даже оправдали. Но по Высочайшему повелѣнію оправданные ссылались административно, а для остальныхъ приговоръ былъ усиленъ 2) Когда мы затѣмъ стали преслѣдовать должностныхъ лицъ, то увидѣли, что убійство ихъ не оказывало существеннаго вліянія на перемѣну политики, а лица, на которыхъ дѣлались неудачныя покушенія, возвышались по службѣ опять по Высочайшему повелѣнію»... Тутъ предсѣдатель остановилъ его. Что касается до отвѣтовъ другихъ, то я особенно остановлюсь на Сухановѣ и Клѣточниковѣ. Въ Сухановѣ сразу виденъ честный, добрый, прямодушный морякъ. «Я никогда бы не сталъ террористомъ», сказалъ онъ, «если бы самыя условія русской жизни не вынудили меня къ этому. Прежде всего ненормальное положеніе народа, доведеннаго тяжкими поборами до самаго ужаснаго состоянія, фактическая недоступность для него какого бы то ни было образованія, безправіе слабыхъ привело меня къ той мысли,

что такъ жить далѣе невозможно, что такой порядокъ вещей непремѣнно долженъ быть измѣненъ. Я-то лично не могу пожаловаться на судьбу, мнѣ по службѣ везло, и, будь я карьеристъ, я остался бы вполнѣ доволенъ существующимъ. Но на каждомъ шагу я видѣлъ, что порядочный человѣкъ не можетъ только спокойно служить, хотя бы и безъ взятокъ, и не обращать вниманія на злоупотребленія другихъ. Когда я служилъ во флотѣ, то однажды начальство обратило мое вниманіе на мелкія воровства подчиненныхъ мнѣ матросовъ и требовало строгаго преслѣдованія. Горько мнѣ было выслушивать подобныя приказанія и тяжело ихъ исполнять. Дѣйствительные воры, беззастѣнчиво расхищавшіе громадныя суммы и до того свыкшіеся съ этимъ, что считали себя вполнѣ честными людьми, оставались вполнѣ безнаказанными и пользовались почетомъ, а мелкій воришка, укравшій на какой-нибудь грошъ, и то по нуждѣ, сейчасъ же получалъ возмездіе. Мысль эта производила на меня удручающее впечатлѣніе. Во время моихъ поѣздокъ по Сибири видѣлъ я, кого у насъ наказываютъ; особенно поразили меня административно-ссыльные. Я видѣлъ этихъ оборванныхъ голодныхъ и холодныхъ, тяжело переносящихъ отсутствіе всякой умственной дѣятельности людей. Каждый разъ я спрашивалъ себя: за что? Разбойники это, воры, казнокрады, убійцы? Нѣтъ, все это большею частью участники разныхъ студенческихъ исторій, люди, не умѣвшіе дѣлать карьеру, люди, въ которыхъ бились стремленія къ лучшему!.. Пробовалъ я бороться съ злоупотребленіями, но только заслужилъ репутацію безпокойнаго человѣка. Это ужъ окончательно убило во мнѣ вѣру въ легальный путь, гг. судьи! Я чувствовалъ, что дышать нечѣмъ, что воздуху нѣтъ! Я сталъ искать выхода изъ такого положенія, сталъ искать пути къ борьбѣ и, отыскавши его, весь отдался ему».

Вотъ въ блѣдныхъ чертахъ рѣчь Суханова. Въ ней вылилась вся душа честнаго человѣка, искренняго патріота. Нельзя было безъ волненія слышать эти слова, вылившіяся прямо изъ сердца. Камень—и тотъ не выдержалъ бы. Самъ Дрейеръ прослезился. Островскій, видимо, былъ смущенъ. Одинъ Муравьевъ остался неуязвимымъ: онъ все время смѣялся.

Скажу теперь о Клѣточниковѣ. Онъ съ виду производитъ впечатлѣніе самаго обыкновеннаго мелкаго чиновника, говоритъ онъ тихо, едва слышно, потому что находится въ послѣднихъ градусахъ чахотки. Предсѣдатель обращается съ нимъ мягче, чѣмъ съ другими. О причинахъ, побудившихъ его совершить преступленіе, онъ разсказалъ такъ: «До 30 лѣтъ я жилъ въ глухой провинціи, среди чиновниковъ, занимавшихся дрязгами, попойками, вообще ведшихъ самую пустую, безсодержательную жизнь. Среди такой жизни я чувствовалъ какую-то неудовлетворенность, мнѣ хотѣлось чего-то лучшаго. Наконецъ, я попалъ въ Петербургъ, но и здѣсь нравственный уровень общества не былъ выше. Я сталъ искать причины такого нравственнаго упадка и нашелъ, что есть одно отвратительное учрежденіе, которое развращаетъ общество, которое заглушаетъ всѣ лучшія стороны человѣческой натуры и вызываетъ къ жизни всѣ ея пошлыя, темныя черты. Такимъ учрежденіемъ было III Отдѣленіе. Тогда, гг. судьи, я рѣшился проникнуть въ это отвратительное учрежденіе,

чтобы парализовать его дѣятельность. Наконецъ, мнѣ удалось поступить туда на службу». *Предсѣдатель* (съ ироніей).—Кому же вы служили? Этому отвратительному учрежденію (Набоковъ въ волненіи встаетъ). . т. е., по вашимъ словамъ, отвратительному, или кому-нибудь другому? *Клѣточниковъ.*—Я служилъ обществу. *Предсѣдатель* (съ ироніей).—Какому-же такому обществу? Тайному или явному? *Клѣточниковъ.*—Я служилъ русскому обществу, всей благомыслящей Россіи. *Предсѣдатель.*—Вы получали жалованье въ III Отдѣленіи? *Клѣточниковъ.*—Да, получалъ, *Предсѣдатель* (съ ироніей).—И вы находили возможнымъ брать деньги изъ этого отвратительнаго учрежденія, какъ вы его называете? *Клѣточниковъ.*—Если бы я не бралъ, то это показалось бы страннымъ, и я навлекъ бы на себя подозрѣніе. Итакъ, я очутился въ III Отдѣленіи, среди шпіоновъ. Вы не можете себѣ представить, что это за люди! Они готовы за деньги отца родного продать, выдумать на человѣка какую угодно небылицу, лишь бы написать доносъ и получить награду. Меня просто поразило громадное число ложныхъ доносовъ. Я возьму громадный процентъ, если скажу, что изъ ста доносовъ одинъ оказывается вѣрнымъ. А, между тѣмъ, почти всѣ эти доносы влекли за собой аресты, а потомъ и ссылку. Такъ, напримѣръ, однажды былъ сдѣланъ доносъ на двухъ студентокъ, живущихъ въ домѣ Мурузи. Хозяйка квартирная была предупреждена, и когда пришли съ обыскомъ, то она прямо сказала, что она уже предупреждена и не понимаетъ, зачѣмъ къ ней пришли. У студентокъ былъ произведенъ тщательный обыскъ, и, хотя ничего не нашли, обѣ онѣ были высланы. Такихъ случаевъ была масса. Я возненавидѣлъ это отвратительное учрежденіе и сталъ подрывать его дѣятельность: предупреждалъ, кого только могъ, объ обыскѣ, а потомъ, когда познакомился съ революціонерами, то передавалъ имъ самыя подробныя свѣдѣнія. *Предсѣдатель.*—Сколько вамъ платили за это? *Клѣточниковъ.*—Нисколько. *Предсѣдатель.*—На дознаніи вы показали, что брали отъ революціонеровъ деньги. *Клѣточниковъ.*—На дознаніи я находился совсѣмъ въ исключительныхъ условіяхъ, не такихъ, въ какихъ обыкновенно находятся обвиняемые, хотя бы и въ политическихъ преступленіяхъ. Я находился подъ тяжелымъ давленіемъ. Я былъ весь въ рукахъ своего начальства, всемогущаго, озлобленнаго за то, что я такъ жестоко его обманулъ. Въ такомъ положеніи можно было и не то наговорить, на самомъ же дѣлѣ я дѣйствовалъ, глубоко убѣжденный въ томъ, что все общество, вся благомыслящая Россія будутъ мнѣ благодарны за то, что я подрывалъ дѣятельность III Отдѣленія. Я былъ увѣренъ, что само правительство будетъ мнѣ благодарно впослѣдствіи и, кажется, я не ошибся, потому что само правительство сознало, наконецъ, вредъ этого отвратительнаго учрежденія и упразднило его. *Предсѣдатель.*—Ну, положимъ, вы не можете сказать, что оно сознало.

Затѣмъ на слѣдствіи о Клѣточниковѣ стали провѣрять то, что онъ говорилъ. Между прочимъ, свидѣтелями вызваны бывшій управляющій экспедиціи III Отдѣленія Кирилловъ и жена жандармскаго полковника Кутузова. Кириллова спросили о фактѣ, бывшемъ въ домѣ Мурузи. Тотъ подтвердилъ, что студентки были высланы. *Пред-*

сѣдатель.—Хотя и ничего не нашли? *Кириллов*ъ.—Да, но доносъ былъ такъ важенъ, что никакъ нельзя было оставить его безъ послѣдствій. Но зато потомъ, когда возникъ вопросъ о возвращеніи лицъ административно-ссыльныхъ, онѣ, въ числѣ первыхъ, были возвращены. Полковница Кутузова показала, что Клѣточниковъ жилъ у нея въ комнатѣ, и что она рекомендовала его Кириллову.

Прибавлю еще нѣсколько словъ для характеристики суда. Исаевъ, между прочимъ, сказалъ, что его у градоначальника били. Прокуроръ смѣется. Предсѣдатель отвѣчаетъ Исаеву, что до этого суду дѣла нѣтъ.—Тетерка, на вопросъ о его занятіяхъ, сказалъ, что онъ былъ рабочій. *Предсѣдатель.* Какой же работой ты занимался?—*Тетерка.* Всякой работой, какой придется. *Предсѣдатель.* А убивать можешь?.. Затѣмъ предсѣдатель сталъ разспрашивать его о террорѣ. Тетерка, разумѣется, не могъ дать дѣльныхъ отвѣтовъ, потому что онъ человѣкъ совсѣмъ не интеллигентный. - Якимова, разсказывая о своей дѣятельности, между прочимъ, сказала, что тогда-то она поѣхала къ родителямъ. *Предсѣдатель* (съ удивленіемъ). Къ родителямъ? зачѣмъ? *Якимова.*—Какъ зачѣмъ? Чтобы повидаться. *Предсѣдатель* (съ ироніей).—Повидаться? И вы сохранили къ нимъ чувства?..

Объясненія Александра Михайлова.

Предъ объясненіями по дѣлу 2-го апрѣля, Михайловъ заявилъ, что защищаться не намѣренъ, такъ какъ судъ лишенъ гласности, а приметъ участіе въ судебномъ слѣдствіи лишь для того, чтобы по мѣрѣ силъ способствовать возстановленію исторической истины. Прежде объясненія, потребовалъ прочтенія уличающихъ оговоровъ Гольденберга и другихъ уже осужденныхъ въ процессѣ 16-ти лицъ. Ему сначала отказали, предложивъ изложить, какъ было дѣло, довольствуясь выдержками изъ показаній, приведенныхъ въ обвинительномъ актѣ. Но Михайловъ дать объясненія отказался, прибавивъ, что извлеченія каждый дѣлаетъ съ своей точки зрѣнія и сообразно съ своими интересами. Такъ какъ передъ этимъ Терентьева совсѣмъ отказалась давать показанія въ отсутствіе товарищей, и Михайловъ склоненъ былъ къ тому же, то судьи, поговоривъ между собою, уступили и прочли для него одного всѣ показанія, относящіяся къ дѣлу 2-го апрѣля. Михайловъ не отказался участвовать по группамъ въ судебномъ слѣдствіи по слѣдующимъ причинамъ: во-1 хъ, Баранниковъ раньше, по дѣлу 4-го августа, тоже одинъ давалъ объясненія, во 2-хъ, судебное слѣдствіе по группамъ начато было совершенно неожиданно, и не было никакой возможности регулировать общаго поведенія. По прочтеніи Михайлову показаній, онъ спросилъ судъ, не было ли сдѣлано относительно веденія судебнаго слѣдствія какихъ-либо постановленій, и получивъ отрицательный отвѣтъ: «не было никакихъ» (судъ имѣетъ право, по закону, дѣлить на группы), началъ свой разсказъ о Соловьевскомъ дѣлѣ. Сущность состояла въ слѣдующемъ. Въ февралѣ мѣсяцѣ 1879 г. онъ встрѣтился съ Соловьевымъ, возвратившимся изъ народа съ самыми радужными воспоминаніями о немъ и съ жаждой

принести для него великую жертву. Онъ задумалъ цареубійство. До 79 г. соціаль-революціонная партія стремилась проводить свои идеи въ народѣ и уклонялась отъ всякой борьбы съ правительствомъ даже и тогда, когда встрѣчала его на своемъ пути, какъ врага. Но постепенно репрессаліи правительства обостряли враждебность отношенія къ нему партіи и довели, наконецъ, до рѣшительныхъ столкновеній. Особенно въ этомъ отношеніи повліяла погибель 70 человѣкъ въ тюрьмахъ, во время дознанія по дѣлу 193, по которому было арестовано болѣе 700 человѣкъ, а потомъ отмѣнено ходатайство суда по этому же дѣлу для 12 человѣкъ. Главнымъ виновникомъ считался Мезенцевъ, за что онъ и погибъ. Послѣ него дѣятельность Дрентельна, выразившаяся въ самыхъ широкихъ погромахъ, высылкахъ, преслѣдованіяхъ молодежи и т. д., обрушившихся на тѣ сферы, откуда партія черпаетъ новыя силы, побудила послѣднюю помѣряться съ новымъ шефомъ.

Такъ завязалась борьба съ правительствомъ, которая, въ силу централизованности правительственной машины и единаго санкціонирующаго начала—неограниченной власти царя - неминуемо привела къ столкновенію съ этимъ началомъ. Такъ, въ 79 г. революціонная мысль единицъ уже работала въ этомъ направленіи, и однимъ изъ такихъ былъ Соловьевъ—натура чрезвычайно глубокая, ищущая великаго дѣла, дѣла, которое за разъ подвинуло бы значительно впередъ къ счастью судьбу народа. Онъ видѣлъ возможность такого шага впередъ въ цареубійствѣ. По пріѣздѣ, не найдя въ С.-Петербургѣ никого изъ своихъ близкихъ знакомыхъ, кромѣ меня, и зная, что я близко стою къ органу партіи „Земля и Воля“, онъ открылъ мнѣ свою душу. Я въ то время не составилъ еще себѣ положительнаго мнѣнія по этому вопросу, но и моя мысль уже работала въ этомъ направленіи. Поэтому я не сталъ его разубѣждать, имѣя въ виду, кромѣ того, что разъ составившееся его рѣшеніе поколебать невозможно. Мало того, я считалъ себя обязаннымъ помочь ему, если это будетъ нужно. Черезъ нѣсколько дней послѣ откровенной бесѣды Александръ Константиновичъ*) попросилъ достать ему яду, я обѣщалъ это сдѣлать, но многочисленныя занятія помѣшали мнѣ исполнить его просьбу. Своего намѣренія совершить покушеніе Соловьевъ въ то время не пріурочивалъ къ опредѣленному моменту, а потому, будучи свободенъ, помогалъ мнѣ въ нѣкоторыхъ дѣлахъ. Такъ прошло болѣе мѣсяца: совершилось удачное крапоткинское дѣло**) и неудачное покушеніе на Дрентельна, и страсти враждебныхъ лагерей достигли наибольшаго напряженія. Въ срединѣ марта пріѣхалъ въ С.-Петербургъ Гольденбергъ, нашелъ меня и Зунделевича***) и сообщилъ намъ о своемъ намѣреніи также идти на единоборство съ Александромъ II. Я видѣлъ, что Гольденбергъ сильно ажитированъ своимъ успѣхомъ въ Харьковѣ, но, что, несмотря на это, онъ нуждается въ нѣкоторомъ давленіи, одобреніи со стороны товарищей. Узнавъ

*) Соловьевъ. В. Б.

**) Т. е. убійство харьковскаго губернатора кн. Крапоткина. В. Б.

***) Зунделевичъ въ это время уже былъ осужденъ за участіе въ соловьевскомъ покушеніи и др. дѣла въ безсрочныя каторжныя работы (по процессу 16-ти 1880 г.). В. Б.

отъ него о цѣли пріѣзда, я не сталъ распространяться съ нимъ о подробностяхъ и при первомъ же случаѣ сообщилъ о немъ Соловьеву Соловьевъ пожелалъ съ нимъ видѣться и говорить. Бесѣда должна была быть, сообразно съ важностью дѣла, въ высшей степени интимна, а они одинъ другого не знали. Поэтому я, Зунделевичъ и Квятковскій*) сочли своимъ долгомъ быть посредниками между ними, своею близостью къ обоимъ придать встрѣчѣ характеръ задушевности и, вмѣстѣ съ тѣмъ, высказать наши мнѣнія, которыя были далеко небезынтересны тому и другому. И, дѣйствительно, вскорѣ состоялось нѣсколько сходокъ въ трактирахъ. Разговоры на нихъ были оживленные, теоретически вопросъ обсуждался всѣми нами; но мы—посредники—старались избѣгать давленія на тѣхъ, для кого это было вопросомъ жизни и смерти. Мы трое въ то время еще не были приготовлены къ самопожертвованію и чувствовали это. Сознаніе такого нашего положенія между двумя обрекавшими себя отнимало у насъ всякую нравственную возможность принять участіе въ выборѣ того или другого. Мы предоставили вполнѣ избраніе ихъ свободному соглашенію. Я не могу не сознаться, однако, что нѣсколько не довѣрялъ рѣшимости Гольденберга и глубинѣ его мотивовъ. Александру Константиновичу же я безотчетно вѣрилъ и считалъ, что только такой человѣкъ можетъ возложить на свои плечи подобный подвигъ. Выяснены были совмѣстно свойства и условія, необходимыя для исполнителя. Поставлено было на видъ, что необходимо избѣгать возможности дать поводъ правительству обрушиться своими репрессіями на какое-либо сословіе или національность. Обыкновенно правительство послѣ такихъ событій ищетъ солидарности между виновникомъ и средой, изъ которой онъ вышелъ. Съ еврея и поляка перенесли бы обвиненіе на національную вражду; и на голову цѣлыхъ милліоновъ упали бы новыя тяжести.

Соловьевъ особенно принялъ къ сердцу это соображеніе. Оно побудило его покончить безповоротнымъ рѣшеніемъ, навсегда памятными словами: „Нѣтъ, только я удовлетворяю всѣмъ условіямъ. Мнѣ необходимо идти. Это мое дѣло. Александръ II мой, и я его никому не уступлю". И Гольденбергъ и мы не сказали ни слова; Гольденбергъ, очевидно, почувствовалъ силу нравственнаго превосходства и уступилъ безъ спора; онъ только просилъ, чтобы Соловьевъ взялъ его, какъ помощника. Но условія единоборства, при которыхъ возможно было дѣйствовать только моментально, и всякое лишнее лицо могло возбудить подозрѣніе, побудили Александра Константиновича отвергнуть это предложеніе. Время, мѣсто и способъ совершенія покушенія помогли Соловьеву обойтись безъ всякой серьезной нашей помощи.

По дѣлу 19 ноября Михайловъ, признавъ свое участіе, далъ объясненія, мало разнящіяся отъ показаній Гольденберга и другихъ, но указалъ признаки субъективности и забывчивости перваго. Такъ, Гольденбергъ говоритъ, что онъ привезъ полтора пуда динамита изъ Харькова въ Москву, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ этого не было: въ Москву былъ доставленъ динамитъ изъ С.-Петербурга. Да-

*) Квятковскій былъ повѣшенъ въ 1880 году. В. Б.

лѣе, Гольденбергъ утверждаетъ, что предполагали провести кромѣ перпендикулярной галлереи еще параллельную рельсамъ подъ полотномъ дороги. Это, очевидно, его собственное предположеніе, такъ какъ проведеніе такой галлереи было немыслимо: при 20 саженяхъ длины первой галлереи, во вторую, расположенную подъ прямымъ угломъ къ первой, не могъ бы свободно проникать воздухъ, даже при существованіи вентиляціи. Такое обстоятельство легко предвидѣть заранѣе всякому, сколько-нибудь знакомому съ техникой работы. Михайловъ заявилъ, что онъ принялъ участіе въ этомъ дѣлѣ по распоряженію Исполнительнаго Комитета, какъ о томъ сказано въ актѣ.

17 февраля.—О мостовомъ предпріятіи Михайловъ сдѣлалъ объясненіе въ такомъ смыслѣ, что непосредственнаго участія въ закладкѣ мины и техническихъ работахъ не принималъ. Далѣе опровергалъ показанія Меркулова допросомъ Тетерки и другихъ товарищей и сопоставленіемъ противорѣчивыхъ объясненій самого Меркулова. Въ концѣ слѣдствія по этому дѣлу, когда первоприсутствующій хотѣлъ уже удалить подсудимыхъ, Михайловъ заявилъ, что онъ опровергалъ Меркулова, не желая приписывать себѣ чужого риску и чужихъ усилій, но считаетъ долгомъ объявить, что о приготовленіи покушенія онъ зналъ. Не смотря на такое заявленіе, судъ по этому дѣлу его оправдалъ.

Судебное слѣдствіе о сообществѣ началось съ Михайлова, такъ что его объясненія невольно дали тонъ остальнымъ подсудимымъ. Михайловъ полагаетъ, что очертилъ вѣрно съ программой цѣли, задачи и средства партіи и организаціи «Народной Воли». Вообще, онъ говорилъ, руководясь предварительно намѣченнымъ планомъ.

О сообществѣ онъ сказалъ приблизительно слѣдующее.

Я членъ партіи и организаціи «Н. В.». Формулу, въ которую заключилъ г. обвинитель нашу партію, считаю невѣрной, что и постараюсь доказать своими объясненіями.

Къ лѣту 79 г. многіе отдѣльные члены русской соц.-революціонной партіи, подъ вліяніемъ условій русской жизни и репрессивнаго давленія правительства, приведены были къ мысли о необходимости нѣкоторыхъ измѣненій въ программахъ, до того времени руководившихъ практической дѣятельностью партіи. Вліяніе дѣйствительности было такъ характерно и однообразно, что скоро стала чувствоваться потребность объединенія выдвигаемаго жизнью новаго направленія. Единомысліе отдѣльныхъ членовъ различныхъ кружковъ, разбросанныхъ по всей Россіи, вслѣдствіе ихъ постояннаго общенія между собою, тотчасъ же обнаружилось и привело въ іюнѣ 97 г. многихъ изъ нихъ въ Липецкъ, гдѣ и состоялся такимъ образомъ съѣздъ извѣстнаго числа членовъ соціально-революціонной партіи. Его нельзя считать общимъ съѣздомъ всей партіи, какъ-то дѣлаетъ обвинительный актъ. Результаты его были также не тѣ, которые приводитъ обвинитель, основываясь на показаніяхъ Гольденберга. На засѣданіяхъ липецкаго съѣзда, продолжавшихся отъ 17 до 21 іюня, была выработана, во первыхъ, программа новаго направленія; во-вторыхъ, были установлены принципы и средства дѣятельности; въ-третьихъ, самый фактъ съѣзда санкціонировалъ первый моментъ существованія партіи «Н. В.»

и выдѣленіе ея изъ соц.-рев. партіи. Программа, начертанная здѣсь, опредѣляла слѣдующее: общая цѣль была поставлена—народоправленіе, переходъ верховной власти въ руки народа. Задача партіи—способствовать переходу и упроченію верховной власти въ рукахъ народа. Что касается средствъ, то всѣ собравшіеся единодушно высказались за предпочтительность мирной идейной борьбы; но тщетно напрягали они свои умственныя силы, чтобы найти при существующемъ строѣ какую-либо возможность легальной дѣятельности, направленной къ вышеозначенной цѣли. Такихъ путей не оказалось. Тогда, въ силу неизбѣжной необходимости, избранъ былъ революціонный путь, намѣчены революціонныя средства. Рѣшено было начать борьбу съ правительствомъ, отрицающимъ идею народоправленія безусловно и всецѣло. Борьба должна была вестись силами партіи «Н. В.» и ея организаціи, при желательномъ содѣйствіи народа и общества. Въ главныя средства включено было и цареубійство, но не какъ личная месть тому или другому императору, а непремѣнно въ связи съ другими главными средствами. Другія главныя средства опредѣлены слѣдующія: (перечислены по пунктамъ всѣ средства прогр. И. К.); революціонный путь постановлено было оставить, какъ только откроется возможность приблизиться къ цѣли посредствомъ свободной проповѣди, свободныхъ собраній, свободной печати. Практически вопросъ о цареубійствѣ, какъ то утверждаетъ Гольденбергъ, на липецкомъ съѣздѣ не обсуждался, а также не было общихъ разговоровъ о ближайшихъ предпріятіяхъ противъ Александра II. Гольденбергъ придалъ совершенно невѣрную окраску всему съѣзду. Онъ выдвигаетъ на первый планъ цареубійство. На обсужденіи практическихъ средствъ, ведущихъ къ нему, по его показаніямъ, сосредоточивалось все вниманіе собравшихся. Причина этой характеристики опять же постоянный субъективизмъ этого умершаго свидѣтеля, усиленный въ данномъ случаѣ еще тѣмъ впечатлѣніемъ, какое произвела на него неудача 2 апрѣля и смерть Соловьева. Онъ былъ поглощенъ мыслью о необходимости послѣдовательнаго повторенія покушеній, для него не было другихъ цѣлей, другихъ средствъ. Вообще, надо имѣть въ виду, что мы всѣ смотрѣли на Гольденберга, какъ на преданнаго дѣлу человѣка и хорошаго исполнителя, но считали его недостаточно образованнымъ и подготовленнымъ для обсужденія общихъ программныхъ вопросовъ. Попалъ онъ на съѣздъ случайно, по ошибкѣ, столь возможной при первыхъ шагахъ выдѣляющейся партіи.

Какъ доказательство, могу привести слѣдующій фактъ. Послѣ липецкаго съѣзда, какъ вамъ извѣстно, черезъ нѣсколько дней въ Воронежѣ было общее собраніе членовъ общества «Земля и Воля». Организаціонныя правила этого Общества дали возможность землевольцамъ, присутствовавшимъ въ Липецкѣ, провести многихъ изъ бывшихъ съ ними тамъ въ члены Общества и на воронежскій съѣздъ, гдѣ также долженъ былъ обсуждаться дальнѣйшій путь дѣятельности Общества. Былъ проведенъ Желябовъ, Ширяевъ*) и др., но по отношенію къ Гольденбергу не считали нужнымъ этого сдѣлать и такимъ

*) Приговоренъ къ смерти въ 1880 г., затѣмъ былъ заточенъ въ Алексѣевскій равелинъ Петропавловской крѣпости, гдѣ и скончался. В. Б.

образомъ спасли десятки людей отъ его оговоровъ. Переданный Гольденбергомъ такъ подробно организаціонный проектъ есть отчасти его собственныя соображенія, а съ другой стороны—соображенія кого-либо изъ бывшихъ на съѣздѣ, высказанныя ему въ частныхъ, личныхъ съ нимъ объясненіяхъ. На самомъ же дѣлѣ организація «Н. В.» была результатомъ дѣятельности конца 79 и начала 80 годовъ. Объ Исполнительномъ Комитетѣ же, руководителѣ и центрѣ организаціи «Народной Воли», я не могу ничего сказать, кромѣ того, что это учрежденіе *неуловимое, недосягаемое.*

Первоприсутствующій. «Значитъ, вы отрицаете то, что вы были избраны въ распорядительную комиссію?»

Михайловъ. «Безусловно отрицаю и утверждаю, что я только агентъ И. К. Такимъ образомъ, послѣдствіемъ липецкаго съѣзда было выдѣленіе изъ соціально-революціонной партіи—какъ совокупности всѣхъ соціалистическихъ группъ—«Народной Воли», съ опредѣленной практической программой.

Понятіе о соціально-революціонной партіи невозможно смѣшивать, какъ то дѣлаетъ г. прокуроръ въ своей формулѣ сообщества, съ партіей, а, тѣмъ болѣе, съ организаціей «Н. В.». На соціально-революціонную партію ни въ какомъ случаѣ не могутъ падать правительственныя обвиненія въ стремленіи ея къ цареубійству, такъ какъ оно допускается, какъ средство, партіей «Народной Воли», въ которую, долженъ, впрочемъ, замѣтить, вошла большая часть соціально-революціонной партіи Поэтому ко всей соціально-революціонной партіи въ широкомъ смыслѣ нѣтъ никакихъ основаній примѣнять 241 и 242 ст. ул. о нак. Кромѣ того, необходимо различать понятіе о партіи отъ понятія объ организаціи. Партія—это неопредѣленная группа людей единомыслящихъ, не связанныхъ между собою никакими взаимными обязательствами. Организація же, кромѣ непремѣннаго условія единомыслія, предполагаетъ уже извѣстную замкнутость, тѣсную сплоченность и полную обязательность отношеній. Партія заключаетъ въ себѣ организацію, но послѣдняя опредѣленно ограничена въ себѣ самой.

Партія—это солидарность мысли, организація—солидарность дѣйствія. Я утверждаю, что формулу сообщества, приведенную въ обвинительномъ актѣ, и соотвѣтствующія ей статьи о смертной казни можно примѣнить только къ тѣмъ, по отношенію къ которымъ будетъ доказана или ими самими признана принадлежность къ организаціи «Народной Воли». Вотъ все, что я могу сказать, вамъ, гг. судьи, о партіи и организаціи, къ которой принадлежу съ 18 февраля. Я считаю нужнымъ возстановить истину относительно послѣдствій задержанія меня 28 ноября 1880 г. и дознанія по этому поводу. Обвинительный актъ говоритъ, что уже это дознаніе обнаружило приготовленіе къ новому покушенію, выразившемуся потомъ въ дѣлѣ 1-го марта. Это совершенно невѣрно. Ни обыскъ ни мои показанія не дали такихъ указаній. Правда, у меня былъ найденъ динамитъ, но динамитъ организація имѣетъ постоянно, какъ одно изъ орудій оборонительной и наступательной борьбы, точно такъ же, какъ револьверы и другое оружіе. Притомъ же динамитъ найденъ у меня въ свободной формѣ, въ банкахъ, а не въ какихъ-либо нуж-

ныхъ техническихъ приспособленіяхъ. Что же касается моихъ показаній, то какъ теперь передъ вами, такъ и при дознаніи,—я давалъ объясненія о себѣ лично и о партіи вообще, личность же товарищей и организаціонныя тайны я обходилъ глубокимъ молчаніемъ. Между прочимъ, замѣчу, что товарищъ прокурора Добржинскій въ личныхъ бесѣдахъ со мною очень интересовался вопросомъ, приготовляетъ ли партія что-либо противъ Александра II и въ какихъ формахъ. Но я могъ удовлетворить его любопытству ужъ въ слишкомъ общемъ смыслѣ. Я ему отвѣтилъ, что погибель отдѣльныхъ лицъ не можетъ измѣнить направленія партіи. Только новыя условія государственной и общественной жизни создадутъ и новое направленіе ея. А пріемы и способы борьбы неисчерпаемы въ той же мѣрѣ, какъ и безгранична изобрѣтательность человѣческаго ума».

Далѣе, на вопросъ первоприсутствующаго о сношеніяхъ съ Дриго*) Михайловъ разсказалъ слѣдующее:

«Дмитрій Андреевичъ Лизогубъ**) былъ членомъ общества «Земля и Воля», въ которомъ съ конца 76 года до лѣта 79 года дѣйствовалъ и я. Лизогубъ имѣлъ большое состояніе, простиравшееся до 150 тысячъ. Оно состояло изъ различныхъ цѣнностей: земли, лѣсовъ, крѣпостныхъ на братьевъ актовъ, векселей и другихъ бумагъ. Свободныхъ же денегъ у Лизогуба почти не было. Будучи принятъ въ члены дѣйствующаго революціоннаго общества и желая лично участвовать въ различныхъ предпріятіяхъ, онъ, чтобы освободиться отъ связывающаго его состоянія, совершилъ рядъ операцій, долженствующихъ все перевести на наличныя деньги, но такое большое и разнообразное состояніе сразу ликвидировать было невозможно. Самый короткій срокъ, необходимый для этого, растягивался на 4 года, отъ 78 до 81 г. включительно. Первый годъ поступленія чистыхъ суммъ имѣли быть небольшія, приблизительно тысячъ 20, но съ каждымъ годомъ они увеличивались, и въ послѣдній 81 г. должно было получиться 50 тысячъ. Но судьба погубила Лизогуба. Въ сентябрѣ 78 г. онъ былъ арестованъ въ Одессѣ. На него палъ оговоръ Веледницкаго, состоявшій въ томъ, что Лизогубъ даетъ деньги на революціонныя предпріятія и, кромѣ того, взялъ отъ Веледницкаго вексель въ 3 тысячи, который послѣдній обѣщался пожертвовать на дѣло соціально-революціонной партіи. Находясь въ заключеніи, Лизогубъ далъ полную довѣренность преданному ему человѣку, знающему вмѣстѣ съ тѣмъ положеніе хозяйственныхъ дѣлъ Лизогуба, съ тѣмъ, чтобы повѣренный поспѣшилъ ликвидировать его состояніе. Этотъ повѣренный былъ Дриго. Весной 79 г., когда надо было спѣшить приведеніемъ къ концу, или, по крайней мѣрѣ, обезпеченіемъ денежныхъ операцій, я встрѣтился съ Дриго, какъ рекомендованный самимъ Лизогубомъ и Зунделевичемъ представитель общества «Земля и Воля». Я видѣлъ, что онъ совершенно игнорируетъ наши интересы, и его самого мало безпокоитъ положеніе Лизогуба, тогда уже грозившее серьезными послѣдствіями. Онъ на словахъ старался меня успокоить, говоря, что все, сообразно завѣту Лизогуба, будетъ сдѣлано черезъ нѣсколько

*)Осужденъ по процессу 16-ти 1880 г. В. Б.
**) Повѣшенъ въ Одессѣ въ 1879 г. В. Б.

мѣсяцевъ. Дѣлъ же и мѣропріятій его я не видѣлъ, и онъ ихъ старался скрыть. Я его посѣтилъ въ продолженіе мая и іюня нѣсколько разъ, но никакого движенія операцій не замѣчалъ и денегъ отъ него не могъ добиться, кромѣ ничтожныхъ сотенъ. А между тѣмъ, свѣдѣнія, собранныя мною въ Черниговской губерніи отъ постороннихъ лицъ, разоблачали, то, что онъ тщательно скрывалъ. Я узналъ, что Дриго вошелъ въ стачку съ старшимъ братомъ Лизогуба, враждебно къ послѣднему настроеннымъ, и обращаетъ вмѣстѣ съ нимъ состояніе Дмитрія Андреевича въ личную ихъ собственность. Такъ, Дриго купилъ на свое имя у старшаго брата имѣніе Довжикъ, стоимостью въ 40 тысячъ, не заплативъ ни копейки, но уничтоживъ многіе акты Дмитрія Лизогуба на брата. Я немедленно отправился въ Одессу, снесся съ заключеннымъ Лизогубомъ и получилъ отъ него письмо къ Дриго, уполномачивающее меня получить все состояніе. Въ письмѣ Лизогубъ настойчиво требовалъ отъ Дриго передачи мнѣ всѣхъ денежныхъ суммъ и, кромѣ того, обязывалъ его неуклонно дѣйствовать по моимъ указаніямъ. «Въ противномъ случаѣ,—писалъ онъ,— я сочту васъ вѣроломно злоупотребившимъ моей дружбой и присвоившимъ чужую собственность, на которую вы не имѣли никакого права». Съ этимъ письмомъ я отправился въ послѣдній разъ къ Дриго, но на этотъ разъ онъ понялъ, что для его собственнаго обезпеченія ему нужно отдѣлаться отъ меня. Съ послѣднимъ моимъ къ нему пріѣздомъ совпала (20 іюня 79 г.) какая-то не вполнѣ разъясненная исторія. На слѣдующій день моего пріѣзда въ Черниговъ, послѣ того, какъ я побывалъ въ городской квартирѣ Дриго и не засталъ его тамъ, онъ былъ арестованъ въ своемъ новомъ имѣніи Довжикѣ, привезенъ въ городъ и сейчасъ же выпущенъ. Съ нѣкоторыми предосторожностями я успѣлъ съ нимъ увидаться, передать ему на словахъ содержаніе письма Лизогуба, а онъ мнѣ разсказалъ, что поводомъ къ его аресту послужила телеграмма Тотлебена*) о выясненіи отношеній Лизогуба къ повѣренному Дриго. При этой встрѣчѣ на улицѣ мы не могли долго бесѣдовать, а потому онъ назначилъ мнѣ вечеромъ придти къ его одному знакомому, что я и исполнилъ. Мнѣ пришлось ждать его тамъ долго. Наконецъ, явился Дриго, взволнованный, и объявилъ, что къ нему пріѣзжалъ полицеймейстеръ и, войдя въ комнату, прямо обратился къ нему съ вопросомъ: «Кто у Васъ былъ сейчасъ?» На что онъ отвѣтилъ: «Никто!» Передавъ мнѣ этотъ случай, Дриго прибавилъ, что вопросъ относился, очевидно, ко мнѣ, и что я долженъ уѣхать. Я согласился, но попросилъ Дриго предварительно придти вечеромъ на площадь противъ почтовой станціи, гдѣ я остановился, для окончательныхъ объясненій. Назначеніе этого свиданія спасло меня отъ предательства: въ то время, когда я, подъ покровомъ прекрасной лѣтней ночи, незамѣтно для постороннихъ, гулялъ на пустынной загородной площади, мое вниманіе было привлечено неожиданнымъ пріѣздомъ на станцію многочисленной полицейской своры. Черезъ нѣсколько минутъ все скрылось въ зданіи, и экипажи были спрятаны въ отдаленіи, въ сумракѣ ночи. Это быстро пронесшееся видѣніе открыло мнѣ глаза: я видѣлъ, что я пре-

*) Одесскій генералъ-губернаторъ того времени. В. Б.

данъ и обнаруженъ. Оставшись среди ночи безъ квартиры и знакомыхъ, въ мало извѣстномъ мнѣ городѣ, я успѣлъ разыскать одного еврея-извозчика и выѣхалъ къ ближайшей станціи желѣзной дороги. Предательство Дриго на этотъ разъ не удалось. Онъ пошелъ дальше. Онъ заключилъ, какъ я узналъ впослѣдствіи, съ III Отдѣленіемъ условіе, по которому онъ обязался способствовать разысканію извѣстныхъ ему соціалистовъ, а III Отдѣленіе обѣщало оставить ему состояніе Лизогуба. Дриго старательно выполнялъ свое обязательство, какъ агентъ III Отдѣленія, но III Отдѣленіе измѣнило ему такъ же вѣроломно, какъ онъ измѣнилъ Лизогубу, и отдало его, по минованіи въ немъ надобности, въ руки военнаго суда, продержавъ предварительно болѣе полугода подъ арестомъ».

Отъ защитительной рѣчи Михайловъ воздержался и ограничился заявленіемъ Особому Присутствію, гдѣ объясняетъ мотивы, дѣлающіе, по его мнѣнію, безполезною всякую защиту. Вотъ это заявленіе:

„Мы —члены партіи и организаціи „Народной Воли“. Дѣятельность нашу вы, гг. судьи, призваны разсмотрѣть. Борьба сдѣлала насъ личными врагами Государя Императора. Воля Государя, воля оскорбленнаго сына, вручила своимъ довѣреннымъ слугамъ, вамъ, гг. сенаторы, мечъ Немезиды. Гдѣ же залогъ безпристрастнаго правосудія? Гдѣ посредникъ, къ которому мы могли бы аппелировать? Гдѣ общество, гдѣ гласность, которая могла бы выяснить отношенія враждующихъ? Ихъ нѣтъ, и двери закрыты!! И мы съ вами, гг. судьи, наединѣ!! Какъ бы почтительно я ни относился къ вамъ, гг. сенаторы, но передъ судомъ Особаго Присутствія я чувствую себя плѣнникомъ, связаннымъ по рукамъ и ногамъ“.

III.

Ходъ процесса*).

Послѣ прочтенія обвинительнаго акта по возобновленіи засѣданія, по распоряженію первоприсутствующаго, введенъ одинъ подсудимый *Баранниковъ* (онъ средняго роста, брюнетъ, съ черными глазами, такою же небольшою окладистою бородою; говоритъ очень спокойно, хладнокровно разсказываетъ) и на вопросъ первоприсутствующаго разсказываетъ объ убійствѣ генерала Мезенцева:

«Признаю себя виновнымъ въ участіи въ этомъ убійствѣ. Я, между прочимъ, выстрѣлилъ по направленію полковника Макарова, но не съ цѣлью попасть въ него, а только для того, чтобы этимъ выстрѣломъ произвести смущеніе и дать возможность убійцѣ и себѣ самому скрыться отъ преслѣдованія.

«Я долженъ сказать, что кучеромъ, правившимъ лошадью, на которой мы уѣхали, былъ не Адріанъ Михайловъ, осужденный за это, а другое лицо. Причинъ, побудившихъ убить Мезенцева, было много; онѣ изложены въ прокламаціи, изданной послѣ этого убійства.

*) Изъ іюньской книжки „Былого“.

Между ними помню слѣдующія: 1) крайне суровое, жестокое обращеніе съ заключенными въ крѣпости; 2) весьма усилившіяся административныя высылки: людей совершенно незаконно высылали, хотя они ничего, ни съ какой точки зрѣнія, преступнаго не сдѣлали; 3) приговоръ по дѣлу 193 лицъ былъ, по личной инiціативѣ Мезенцева, измѣненъ; напримѣръ, поселеніе замѣнено каторжными работами, людей оправданныхъ высылали административнымъ порядкомъ. Были еще и другія причины. Кто собственно задумалъ преступленіе, не считаю возможнымъ сказать. Самъ я лично Мезенцева вовсе не зналъ, никогда съ нимъ не сталкивался и всего раза два видѣлъ его».

Стороны, въ виду сознанія подсудимаго Баранникова, отказываются отъ допроса свидѣтелей по этому дѣлу. Первоприсутствующій дѣлаетъ распоряженіе объ удаленіи подсудимаго Баранникова и приводѣ подсудимаго Михайлова.

Михайловъ (средняго роста, худощавый блондинъ, съ большой окладистой мягкой бородой и усами, выраженіе пріятное, интеллигентное; говоритъ тихо, нѣсколько запинается) на вопросъ первоприсутствующаго объ участіи въ преступленіи 2-го апрѣля, проситъ позволенія прежде отвѣта посовѣтовался со своимъ защитникомъ; первоприсутствующій разрѣшаетъ ему. Михайловъ тихо разговариваетъ съ защитникомъ Кедринымъ. «Да, я признаю, что принималъ участіе въ переговорахъ и покушеніи 2 апрѣля. Но прежде чѣмъ разсказывать болѣе подробно о своемъ участіи въ этомъ дѣлѣ, я бы просилъ, чтобы были прочтены показанія людей, оговорившихъ*) меня въ этомъ дѣлѣ: т. е. Гольденберга, Кобылянскаго, Квятковскаго и др.; тогда уже мнѣ гораздо удобнѣе будетъ дать и свое показаніе».

Особое Присутствіе постановило прочесть часть показанія Гольденберга относительно покушенія 2 апрѣля, а также показанія Кобылянскаго, Квятковскаго, Зунделевича. По прочтеніи ихъ Михайловъ объясняетъ свое участіе въ переговорахъ о покушеніи, которое въ сущности въ немногомъ отличается отъ только что прочитанныхъ..... «Я чувствую себя стѣсненнымъ въ защитѣ уже однимъ тѣмъ, что судъ происходитъ при особыхъ совсѣмъ условіяхъ, каковы, напримѣръ, отсутствіе гласности суда, особый составъ суда и т. п. . . .

Партія встрѣтила весьма сильное противодѣйствіе со стороны правительства своему стремленію къ народу и даже вообще стремленію къ саморазвитію, напримѣръ, хотя бы въ университетѣ, въ студенческихъ кружкахъ. . . Я самъ видѣлъ и знаю, какъ у людей, ни въ чемъ неповинныхъ, производили обыски, учреждали за ними надзоръ, наконецъ, высылали ихъ административнымъ порядкомъ, Богъ знаетъ куда».

Первоприсутствующій: «Эти люди были невинны, конечно, только съ Вашей точки зрѣнія; вообще же, вѣроятно, они были, такъ или иначе, замѣшаны, вредны для правительства».

Михайловъ: «Нѣтъ; весьма многихъ изъ нихъ я лично очень хорошо зналъ; они ровно ни въ чемъ не были виноваты; они не принадлежали ни къ какой партіи; они зачастую даже не раздѣляли на-

*) Это выраженіе относится, конечно, только къ одному Гольденбергу.

шихъ убѣжденій, и между тѣмъ ихъ высылали. Такъ вотъ потому, что правительство стало на путь такого жестокаго и несправедливаго преслѣдованія всѣхъ, партія невольно вынуждена была дѣйствовать противъ правительства; первоначально же партія старалась уклониться отъ столкновенія съ нимъ... Вообще, жестокости и крайнія утѣсненія со стороны правительства привели партію къ сознанію необходимости встрѣчи съ нимъ... Ко времени покушенія 2 апрѣля я самъ собственно не вполнѣ еще былъ убѣжденъ въ полезности и необходимости цареубійства... Я признаю пользу отъ покушенія, чѣмъ бы оно ни кончилось—удачею или нѣтъ. Хуже того, какъ было, быть не могло;—такъ мы думали. Послѣдствія, однако, не оправдали этого послѣдняго заключенія»...

Михайловъ говорилъ въ продолженіи 1 час. 5 м.

Первоприсутствующій дѣлаетъ распоряженіе объ удаленіи Михайлова и о приводѣ Терентьевой.

Терентьева (небольшого роста, блондинка, моложавая, неправильныя черты лица) на вопросъ первоприсутствующаго о своемъ участіи въ кражѣ изъ Херсонскаго губернскаго казначейства сказала: «Я безъ своихъ товарищей въ судебномъ засѣданіи принимать участія не буду».

Первоприсутствующій: «Вы не желаете отвѣчать на наши вопросы?»

Терентьева: «Не желаю!» (садится).

Первоприсутствующій обращается къ прокурору съ вопросомъ о томъ, что онъ находитъ нужнымъ прочитать и, вообще, какія слѣдственныя дѣйствія произвести для доказательства виновности подсудимой Терентьевой, въ виду ея нежеланія давать объясненія. Прокуроръ проситъ прочитать показанія неявившихся свидѣтелей, осужденныхъ уже государственныхъ преступниковъ, участвовавшихъ въ кражѣ изъ Херсонскаго казначейства—Якова Погорѣлова и Татьяны Морозовой.

Начинается чтеніе показаній.

Терентьева: «Г. предсѣдатель, я не желала бы оставаться здѣсь. Нельзя ли мнѣ удалиться?»

Первоприсутствующій: «Если вамъ не угодно оставаться здѣсь, вы можете уйти».

Терентьева уходитъ. Чтеніе продолжается.

Прокуроръ: «Показанія, которыя я просилъ прочесть, очень длинны, между тѣмъ, далеко не всѣ мѣста изъ нихъ существенны для обвиненія; въ виду этого, я просилъ бы позволенія указать на тѣ именно мѣста, которыя для меня важны,—тогда чтеніе значительно сократилось бы».

Первоприсутствующій совѣтуется съ членами Присутствія.

Особое Присутствіе находитъ, что такъ какъ у подсудимой Терентьевой нѣтъ защитника, то оно само должно заботиться объ охраненіи ея интересовъ и потому не считаетъ возможнымъ удовлетворить желаніе прокурора о прочтеніи только нѣкоторыхъ мѣстъ показаній и постановляетъ прочесть ихъ всѣ цѣликомъ.

Чтеніе показанія длится до $5^3/_4$ ч. Перерывъ объявленъ на $1^1/_2$ ч.

Засѣданіе возобновлено въ 7 ч. 40 м.

Продолжаютъ чтеніе показанія Погорѣлова о Херсонской кражѣ. Приэтомъ прочитано и показаніе самой Терентьевой, данное ею при дознаніи, написанное на показаніяхъ Погорѣлова, при предъявленіи ихъ ей. Прочитаны 2 показанія Морозовой о томъ же. Болѣе ничѣмъ прокуроръ не пожелалъ дополнять слѣдствія по этому дѣлу.

Первоприсутствующій дѣлаетъ распоряженіе о приводѣ подсудимыхъ Меркулова, Фроленко, Колодкевича, Лебедевой.

Присяжный повѣренный *Кишинскій*: «Я хотѣлъ бы сдѣлать небольшое заявленіе. Во время этого перерыва я отправился въ тюрьму къ подсудимому Баранникову, и меня не пустили къ нему, говоря, что свиданія съ подсудимымъ, по распоряженію г. первоприсутствующаго, прекращены. Вѣроятно, здѣсь произошло какое-нибудь недоразумѣніе, которое слѣдовало бы выяснить: врядъ ли вы, г-нъ первоприсутствующій, дѣйствительно сдѣлали подобное распоряженіе, такъ какъ и законъ, и практика суда дозволяютъ намъ видѣться съ подсудимыми».

Первоприсутствующій: «Я, дѣйствительно, сдѣлалъ подобное распоряженіе. Въ объясненіе я считаю нужнымъ сказать, что стою здѣсь совершенно на законной почвѣ: о правѣ свиданія защитника съ подсудимыми упоминаетъ только ст. 569 уст. угол. суд., а эта статья помѣщена въ томъ отдѣлѣ устава, гдѣ говорится о приготовительныхъ къ суду распоряженіяхъ предсѣдателя; такъ какъ затѣмъ эта статья нигдѣ не повторена, то, на мой взглядъ, она и относится только ко времени до судебнаго слѣдствія, а когда началось судебное слѣдствіе, то она теряетъ силу. Положимъ, практика судебная до сего времени толковала иначе эту статью и распространяла ея дѣйствіе и на дальнѣйшее время, но это, конечно, не можетъ быть обязательно для меня. Вызвано же мое распоряженіе слухомъ, дошедшимъ до меня, о томъ, что присяжные повѣренные при своихъ свиданіяхъ съ подсудимыми сообщаютъ имъ о томъ, что происходитъ на судѣ въ ихъ отсутствіе. Находя подобныя дѣйствія неблаговидными, я, для сохраненія чести сословія присяжныхъ повѣренныхъ, и притомъ стоя, какъ я уже сказалъ, на законной почвѣ, и сдѣлалъ указанное распоряженіе».

Присяжный повѣренный *Герардъ*, который поднялся уже во время послѣднихъ словъ первоприсутствующаго: «Я, г. первоприсутствующій, также всю жизнь свою забочусь о сохраненіи чести нашего сословія; она мнѣ, конечно, гораздо ближе, чѣмъ Вамъ, поэтому я и позволю себѣ сказать нѣсколько словъ. Меня крайне удивляетъ прежде всего, какимъ образомъ до г. первоприсутствующаго могли дойти сколько-нибудь основательные слухи о томъ, что говорятъ присяжные повѣренные съ подсудимыми; вѣдь свиданія эти происходятъ наединѣ, такъ что никто не можетъ слышать, о чемъ говорятъ».

Первоприсутствующій: «Я вовсе не хочу входить въ обсужденіе того, насколько основательны дошедшіе до меня слухи, я знаю только, что они дошли».

Герардъ: «Этого мало. Если бы даже слухи, дошедшіе до г. первоприсутствующаго, и были вполнѣ основательны, то я хотѣлъ бы

узнать, что такое неблаговидное, преступное сдѣлали присяжные повѣренные, если даже они и сообщали подсудимымъ о томъ, что происходило въ ихъ отсутствіе на судѣ. Вамъ, безъ сомнѣнія, г. первоприсутствующій, извѣстна статья уст. уг. суд., которая прямо обязываетъ Васъ, какъ предсѣдателя суда, сообщать подсудимымъ все, что происходило безъ нихъ на судѣ. Если Вы, г. первоприсутствующій, обязаны дѣлать это, то какая же тутъ вина, если присяжные повѣренные дѣлаютъ это?»

Первоприсутствующій: «Я не хочу вступать въ обсужденіе и этого вопроса. Распоряженіе это сдѣлано, оно и должно оставаться въ силѣ».

Герардъ: «Позвольте узнать, надолго ли пріостановлены наши свиданія».

Первоприсутствующій. «Навсегда! Они прекращены совсѣмъ! Вы можете разговаривать съ подсудимыми во время самаго засѣданія».

Присяжный повѣренный *Спасовичъ*: «Въ виду сдѣланнаго распоряженія, я ходатайствую передъ Особымъ Присутствіемъ о разрѣшеніи мнѣ хотя одного еще свиданія съ подсудимымъ, котораго я защищаю, именно послѣ того, какъ намъ будутъ предъявлены вещественныя доказательства, взятыя у подсудимаго. До сихъ поръ мы еще ихъ не видали, и я не могъ поэтому и переговорить о нихъ съ подсудимымъ, а между тѣмъ это представляется для меня весьма важнымъ».

Первоприсутствующій: «Объ этомъ Вы будете имѣть время заявить послѣ, при предъявленіи вещественныхъ доказательствъ».

Послѣ этого приступлено къ продолженію судебнаго слѣдствія.

Меркуловъ (небольшого роста, худощавый шатенъ, круглое лицо съ только-что пробивающимися усами и бородой; говоритъ очень быстро, такъ что трудно понять, и другіе подсудимые просятъ нѣсколько разъ первоприсутствующаго останавливать его, чтобы онъ говорилъ разборчивѣе) на вопросъ первоприсутствующаго объ участіи въ приготовленіяхъ къ взрыву на Одесской желѣзной дорогѣ разсказываетъ съ самаго начала своего участія въ дѣлахъ партіи, о знакомствѣ съ Желябовымъ, о томъ, какъ тотъ подговорилъ его на цареубійство при помощи метательныхъ снарядовъ: «Колодкевичъ объяснилъ мнѣ, что Фроленко поступилъ сторожемъ на Одесской желѣзной дорогѣ вмѣстѣ съ какою то женщиной, которая оказалась Лебедевой... Я долженъ былъ отвезти въ будку необходимую мебель, и въ это время со мной отправилась туда и Лебедева, такъ какъ она сама не знала дороги въ будку; кромѣ того, я еще нѣсколько разъ бывалъ въ будкѣ, носилъ туда хлѣбъ, рыбу и т. п. Затѣмъ, впослѣдствіи уже, Колодкевичъ же сказалъ мнѣ, что надо изъ будки взять динамитъ, я отправился и унесъ его; динамита было немного больше пуда».

Колодкевичъ (весьма солиденъ, высокаго роста, очень худощавъ, продолговатое лицо, черные волосы, такая же большая борода, черные глаза и темные очки, самъ блѣдный) на вопросъ первоприсутствующаго: «Да, я принималъ участіе въ предполагаемомъ взрывѣ»...

Фроленко (болѣе средняго роста, худощавъ, но крѣпкій, русый съ небольшой, довольно жидкой бородкой и усами, острый носъ, небольшіе подвижные глаза; говоритъ спокойно, не много) на вопросъ первоприсутствующаго говоритъ: «Да, я жилъ на Одесской жел. дорогѣ. Рѣшеніе произвести взрывъ въ этомъ мѣстѣ было принято уже раньше, но гдѣ именно—не могу сказать. Я занялъ мѣсто сторожа съ цѣлью взорвать поѣздъ, но приготовленій никакихъ еще тамъ не было сдѣлано; сначала потому, что было неудобно приступить къ работѣ, такъ какъ я жилъ не одинъ, а съ другими сторожами, а потомъ потому, что узналъ, что государь вовсе въ томъ мѣстѣ не поѣдетъ»...

Лебедева (небольшого роста, съ черными волосами, круглое лицо, симпатичная, далеко разставленные глаза, очень маленькія руки; говоритъ совершенно спокойно, серьезно) на вопросъ первоприсутствующаго: «Я взяла изъ Харькова динамитъ и батарею и поѣхала съ ними въ Одессу. Узнавши, что Фроленко уже поселился сторожемъ въ будкѣ желѣзной дороги, я поѣхала тоже туда; при распредѣленіи обязанностей на мою долю приходилось, между прочимъ, замкнуть токъ батареи при проходѣ поѣзда»...

Меркуловъ на вопросъ защитника Лебедевой сообщилъ, что онъ также при своихъ пріѣздахъ въ будку никакихъ приготовленій къ предполагавшемуся взрыву не видалъ.

Первоприсутствующій распорядился увести подсудимыхъ и вмѣсто нихъ ввести подсудимыхъ: *Якимову*, *Исаева* и *Тетерку*.

Якимова (небольшого роста, блондинка, неправильныя черты лица, довольно полная, одна прядь волосъ спускается на одну сторону лица почти до самаго глаза; говоритъ спокойно, по временамъ улыбается) на вопросъ первоприсутствующаго объ ея участіи въ покушеніи на Лозово-Севастопольской ж. д. подъ г. Александровскомъ: «Да, я принимала участіе въ этомъ покушеніи, но болѣе подробныхъ, чѣмъ при дознаніи, объясненій по этому поводу давать не желаю. Я признаю то, что сказано объ этомъ въ обвинительномъ актѣ»...

Тетерка (средняго роста, худощавый, лицо сморщенное, съ жидкой бородой и усами, всклокоченные волосы; одѣтъ въ тулупъ; разсказываетъ спокойно, стараясь выражаться болѣе изысканнымъ, сравнительно съ простонароднымъ, языкомъ) на вопросъ первоприсутствующаго: «Да, я признаю свое участіе въ этомъ дѣлѣ». Далѣе на вопросъ первоприсутствующаго разсказываетъ, какъ было дѣло, и кто принималъ въ немъ участіе.

Исаевъ (средняго роста, плотный, блондинъ, круглое лицо, небольшая бородка и усы, наружность симпатичная, говоритъ быстро и смѣло) на вопросъ первоприсутствующаго: «Я признаю себя виновнымъ въ томъ, что я показалъ на предварительномъ слѣдствіи, и болѣе ничего говорить не желаю».

Первоприсутствующій распорядился увести подсудимыхъ и вмѣсто нихъ ввести Михайлова, Арончика, Исаева, Баранникова и Морозова.

Михайловъ: «Я прошу разрѣшить мнѣ видѣться попрежнему съ моимъ защитникомъ, иначе я буду весьма стѣсненъ въ своей защитѣ».

Первоприсутствующій: «Этотъ вопросъ уже обсуждался здѣсь. Я не разрѣшаю этого».

На вопросъ первоприсутствующаго о своемъ участіи въ подкопѣ на Московско Курской ж. д. и покушеніи 19 ноября Михайловъ разсказываетъ согласно съ тѣмъ, что показалъ при дознаніи. Затѣмъ проситъ прочесть относящееся сюда показаніе Гольденберга.

Баранниковъ на вопросъ первоприсутствующаго: «Да, я принималъ участіе въ приготовленіи къ этому покушенію». Загѣмъ разсказываетъ о производствѣ дѣла... «Но кто были участники— сказать не могу»...

Исаевъ: «Я также признаю свое участіе».

Морозовъ (больше средняго роста, очень худощавый, темно-русый, продолговатое лицо, мелкія черты лица, большая шелковистая борода и усы, въ очкахъ, очень симпатиченъ; говоритъ тихо, медленно) на вопросъ первоприсутствующаго: «Нѣтъ, я не признаю своего участія въ этомъ покушеніи»...

Арончикъ (средняго роста, плотный, шатенъ, остриженъ коротко подъ гребенку, широкое лицо, темная, довольно большая борода, нѣтъ еврейскаго типа) на вопросъ первоприсутствующаго: «Нѣтъ, я не признаю себя виновнымъ въ этомъ покушеніи». Далѣе старается выяснить свое alibi.

Переходятъ къ допросу свидѣтелей, которые приводятся къ присягѣ.

Свидѣтельница *Никифорова*—неувѣрена въ личности Арончика.

Свидѣтель *Моисѣевъ*, библіотекарь въ г. Орлѣ, подтверждаетъ разсказъ Арончика о порядкахъ въ тамошней библіотекѣ.

Свидѣтель *Кудрявцевъ*, швейцаръ въ Славянскихъ номерахъ въ Москвѣ, отзывается запамятованіемъ.

Свидѣтель *Макаровъ*, служащій тамъ же,—тоже.

Свидѣтель *Ивановъ*, дворникъ д. Барышева, не призналъ точно Арончика за жившаго у нихъ Силантьева. По его мнѣнію, на этого послѣдняго скорѣй похожъ подсудимый Михайловъ.

Свидѣтель *Тарасовъ*, содержатель номеровъ въ Орлѣ, совершенно подтверждаетъ всѣ показанія Арончика объ его номерахъ.

Свидѣтельница *Фролова*, квартирная хозяйка, показываетъ, что Хитрово (Морозовъ) все время съ 4 сентября по 25 ноября 79 года безвыѣздно жилъ у нея въ Петербургѣ, и что она не могла бы не знать, если бы онъ уѣзжалъ куда-нибудь.

Исаевъ, на вопросъ первоприсутствующаго, въ отмѣну показанія, даннаго при дознаніи, говоритъ, что онъ не помнитъ хорошо, можетъ быть, это былъ и не Морозовъ, кого онъ видѣлъ въ Москвѣ; при дознаніи же онъ назвалъ Морозова, только основываясь на показаніи Гольденберга, которому прежде вѣрилъ, теперь же больше не вѣритъ.

Читается показаніе Гольденберга относительно покушенія 19 ноября.

Михайловъ: «Я желаю дать объясненіе относительно показанія Гольденберга». Далѣе указываетъ различныя неточности въ этомъ показаніи. Между прочимъ, отрицаетъ, чтобы Морозовъ пріѣзжалъ

въ Москву и принималъ какое бы то ни было участіе въ тамошнемъ покушеніи.

Присяжный повѣренный *Рихтеръ* дѣлаетъ заявленіе Особому Присутствію, обращая его вниманіе на то мѣсто показаній Гольденберга, гдѣ говорится о Морозовѣ, а также и на показаніе свидѣтельницы Фроловой.

Баранниковъ: «Морозовъ не принималъ участія въ этомъ покушеніи. Его тамъ вовсе не было». Далѣе указываетъ еще на нѣкоторыя неточности показанія Гольденберга.

Присяжный повѣренный *Буймистровъ* дѣлаетъ заявленіе суду, обращая вниманіе на показаніе свидѣтеля о мѣстѣ пребыванія Арончика во время совершенія покушенія.

Присяжный повѣренный *Кедринъ*: «Я хочу сдѣлать небольшое заявленіе по поводу состоявшагося распоряженія о недопущеніи защиты къ подсудимому. Я прошу Особое Присутствіе разрѣшить мнѣ одно послѣднее свиданіе съ слѣдующею цѣлью: при такихъ условіяхъ я не считаю возможнымъ продолжать оставаться защитникомъ; я считаю своимъ долгомъ совсѣмъ отказаться отъ защиты. Но, конечно, я не могу этого сдѣлать, не предупредивши первоначально самого подсудимаго, и вотъ для этого-то я и прошу разрѣшить мнѣ это свиданіе».

Присяжный повѣренный *Кишинскій*: «Я вполнѣ присоединяюсь къ этому заявленію и прошу разрѣшить и мнѣ свиданіе также съ этою цѣлью». Прочіе присяжные повѣренные, повидимому, хотѣли также присоединиться. Очевидно, въ виду этого первоприсутствующій заявилъ: «Я отмѣняю свое распоряженіе и предоставляю вамъ видѣться съ подсудимыми, но надѣюсь, что вы не употребите во зло этого разрѣшенія и будете помнить присягу, которую вы приносили при поступленіи въ сословіе присяжныхъ повѣренныхъ».

Подсудимыхъ въ это время уже увели.

Засѣданіе закрыто въ 11½ ч. ночи.

10-е февраля. Засѣданіе открыто въ 11¼ ч. дня.

Первоприсутствующій приказываетъ ввести подсудимаго Исаева.

На вопросы первоприсутствующаго объ участіи его въ преступленіи 5 февраля (взрывъ въ Зимнемъ Дворцѣ) Исаевъ разсказываетъ дѣло подробно: «Приготовленіемъ динамита я, дѣйствительно, занимался по порученію Исполнительнаго Комитета, но для чего именно нуженъ былъ тогда динамитъ—не зналъ: мнѣ этого не говорили; точно также не зналъ, что именно моя мина находилась въ Зимнемъ Дворцѣ... Самъ я о взрывѣ этомъ узналъ уже изъ газетъ... Жилъ я, дѣйствительно, на Б. Подъяческой съ двумя женщинами, но кто эти женщины—сказать не желаю».

Первоприсутствующій распорядился привести, кромѣ Исаева, подсудимыхъ Якимову, Меркулова и Златопольскаго.

Съ согласія сторонъ первоприсутствующій освободилъ свидѣтеля и эксперта кн. Гедройца и Ивановскаго.

Прочитано заявленіе подсудимаго Михайлова, заключающее просьбу о томъ, чтобы ему разрѣшено было присутствовать при судебномъ слѣдствіи по дѣлу 1-го марта. Особое Присутствіе постановило имѣть это заявленіе въ виду.

На вопросъ первоприсутствующаго о своемъ участіи въ подкопѣ на Итальянской ул въ г. Одессѣ Меркуловъ подробно разсказываетъ все дѣло.

На тотъ же вопросъ Исаевъ также признаетъ свое участіе и дополняетъ разсказъ Меркулова.

Якимова на тотъ же вопросъ: «Да, я была тамъ и принимала участіе».

Златопольскій (средняго роста, худощавое лицо, желтое, съ рябинами, худое, русый, довольно длинные волосы и борода, въ выраженіи нѣсколько еврейскій типъ) на вопросъ первоприсутствующаго: «Нѣтъ, я не признаю своего участія въ этомъ преступленіи. Дѣло въ томъ, что я вовсе не тотъ, за кого меня принимаютъ. Быть можетъ, здѣсь играетъ роль случайное сходство. Былъ, дѣйствительно, механикъ Левъ, но это не я».

Исаевъ на вопросъ первоприсутствующаго: «Дѣйствительно, приходилъ какой-то человѣкъ, имѣющій нѣкоторое сходство съ этимъ, но чтобы это былъ навѣрно Златопольскій, я сказать не могу. Кромѣ того, онъ вообще мало принималъ участія въ работахъ».

Меркуловъ на вопросъ первоприсутствующаго: «Я хорошо зналъ Златопольскаго, я видѣлъ его по крайней мѣрѣ 20—30 разъ, а то и больше Это положительно то самое лицо».

Переходятъ къ допросу свидѣтелей.

Свидѣтель *Лехштейнъ*: «Я не могу хорошо признать человѣка, приходившаго заказывать нарѣзки на трубахъ,—не помню точно».

Исаевъ: «Нарѣзывать трубы заказывалъ Саблинъ».

Свидѣтель *Залѣсскій* указалъ на Златопольскаго, какъ на человѣка, котораго онъ видѣлъ въ Кишиневѣ въ концѣ ноября и декабрѣ 80 г. и который назывался Львомъ.

Златопольскій: «Въ Кишиневѣ я не былъ, но что я—Левъ, это вѣрно, и не понимаю, зачѣмъ нужно это доказывать: меня, дѣйствительно, такъ зовутъ».

Свидѣтель *Малаховскій*, служитель больницы въ Одессѣ, разсказываетъ о пребываніи Исаева въ больницѣ съ оторванными пальцами.

Златопольскій: «Къ сожалѣнію, у меня нѣтъ достаточныхъ данныхъ, чтобы опровергнуть оговоры Меркулова. Я могъ бы сдѣлать указаніе на настоящаго механика Льва, но такъ какъ онъ самъ не сознается, то я также не считаю себя въ правѣ сдѣлать это».

Первоприсутствующій распоряжается удаленіемъ этихъ подсудимыхъ и приводомъ подсудимыхъ Меркулова, Исаева, Тетерки, Михайлова и Баранникова.

На вопросъ первоприсутствующаго объ участіи его въ приготовленіяхъ къ цареубійству лѣтомъ 80 г. въ Петербургѣ Меркуловъ признаетъ свое участіе и разсказываетъ подробно обо всемъ дѣлѣ.

Исаевъ на тотъ же вопросъ: «У меня въ это время была ранена рука; я былъ въ Одессѣ. Я, если бы и хотѣлъ, не могъ бы участвовать въ этомъ дѣлѣ».

Меркуловъ: «Объ Исаевѣ и его участіи въ этомъ дѣлѣ я ничего не знаю».

Тетерка на тотъ же вопросъ: «Да, я признаю свое участіе». Дальше разсказываетъ болѣе подробно.

Михайловъ на тотъ же вопросъ: «Я не принималъ участія въ этомъ предпріятіи».

Баранниковъ на тотъ же вопросъ: «Да, я принималъ участіе, но не совсѣмъ такъ, какъ разсказываетъ Меркуловъ. Я зналъ о замышлявшемся покушеніи, выѣзжалъ вмѣстѣ на взморье, гдѣ обсуждалось окончательно это дѣло; въ закладкѣ же мины не участвовалъ. Когда потомъ старались вынуть динамитъ обратно, я участвовалъ».

Меркуловъ: «Кромѣ мины подъ Каменнымъ мостомъ, это предпріятіе должно было быть обставлено еще и металыщиками, которые съ заготовленными снарядами должны были находиться возлѣ моста, на случай неудачи главнаго взрыва подъ мостомъ. Такихъ металыщиковъ сколько я помню, должно было быть четыре, и Михайлову предназначалось завѣдываніе ими и размѣщеніе ихъ на назначенныхъ постахъ. У него самого снарядъ долженъ былъ быть вдѣланъ въ высокую шляпу такъ, чтобы онъ взорвался, когда Михайловъ при проѣздѣ Государя бросилъ бы вверхъ шляпу».

Прокуроръ проситъ занести это показаніе Меркулова въ протоколъ, какъ содержащее новыя данныя.

Меркуловъ: «Прежде я давалъ болѣе сдержанныя показанія, не желая особенно оговаривать себя самого и другихъ; въ настоящее время я больше не хочу выгораживать ни себя ни другихъ, которые побудили меня на преступленіе. Я нахожу, что всѣ, кто участвовалъ, должны равно и платиться и никого не хочу выдѣлять. Передъ этимъ приготовленіемъ въ разныхъ мѣстахъ устраивались сходки, на которыхъ присутствовали различныя лица, и гдѣ обсуждали подробности предполагавшагося. Кромѣ того, всѣми путями старались привлечь рабочихъ и простолюдиновъ къ участію въ предпріятіяхъ партіи; съ этою цѣлью для нихъ устраивали пирушки, угощали водкой, давали денегъ, приглашали женщинъ и т. п.».

Баранниковъ и *Михайловъ* вскакиваютъ.

Михайловъ: «Я попросилъ бы Васъ, г. первоприсутствующій, выяснить послѣднее, указанное Меркуловымъ, обстоятельство, т. е. когда, гдѣ и какіе рабочіе привлекались къ участью въ партіи водкой и другими подобными средствами».

Меркуловъ: «Я могу указать на себя, Тетерку, Окладскаго. Насъ старались привлечь къ партіи, но въ то же время намъ не довѣряли; къ организаціи, собственно, мы не принадлежали и ничего о ней не знали».

Тетерка: «Это неправда, что сказалъ Меркуловъ, что будто насъ привлекали къ партіи водкой, пирушками и т. п. Ничего этого не было. Я при своей дѣятельности руководствовался не деньгами, не пирушками, а просто злобой ко всему, меня окружавшему. Людямъ, благодаря которымъ я попалъ въ партію, я, несмотря на грозящую мнѣ отвѣтственность, всегда буду благодаренъ».

Михайловъ на вопросъ защитника Меркулова: «Съ Меркуловымъ я вообще былъ мало знакомъ, встрѣчался съ нимъ только на улицѣ. Сходокъ же въ это время никакихъ не было».

Тетерка: «Я также ни о какихъ сходкахъ въ это время не знаю. Я изъ участниковъ этого предпріятія зналъ только Желябова и Пѣснякова и съ ними только и имѣлъ дѣло».

Приводятъ свидѣтеля лейтенанта Смирнова.

Свидѣтель *Смирновъ* разсказываетъ о минахъ, найденныхъ подъ Каменнымъ мостомъ: «Отыскать ихъ было весьма трудно, такъ какъ ихъ снесло теченіемъ довольно далеко и занесло иломъ. Приготовлены онѣ были очень тщательно, такъ что, хотя мы ихъ нашли спустя весьма долгое время, но онѣ сохранились еще хорошо, и динамитъ въ нихъ только въ немногихъ мѣстахъ нѣсколько подмокъ».

Присяжный повѣренный *Соколовъ* проситъ разрѣшенія предложить свидѣтелю *Смирнову* нѣсколько вопросовъ о подсудимомъ Сухановѣ.

Свидѣтель *Смирновъ* на вопросы защитника Суханова и прокурора: «Я не могу сказать, чтобы хорошо зналъ Суханова, но мы съ нимъ встрѣчались въ обществѣ и были знакомы; насколько я его зналъ, онъ былъ хорошимъ человѣкомъ; служба его шла, пожалуй, не совсѣмъ удачно, хотя офицеръ онъ былъ очень работящій, свѣдущій и усердный. На Амурѣ съ нимъ была какая-то исторія, онъ былъ даже отданъ подъ судъ, но оправданъ; кажется, за то, что сдѣлалъ что-то не по формѣ; впрочемъ, я хорошо этого не знаю».

Перерывъ на 2¼ ч.

Засѣданіе возобновлено въ 3 ч. 2 м.

Первоприсутствующій сдѣлалъ распоряженіе о приводѣ подсудимыхъ Меркулова, Фроленко, Лебедевой и Фриденсона.

(Дѣло о подкопѣ подъ Кишиневское казначейство).

Присяжный повѣренный Спасовичъ проситъ допустить къ присутствованію во время слѣдствія по предстоящему дѣлу и подсудимаго Тригони, который по обвинительному акту является какъ бы къ нему прикосновеннымъ. Особое Присутствіе не находитъ этого нужнымъ, предлагая впослѣдствіи выяснить его участіе въ этомъ дѣлѣ.

На вопросъ первоприсутствующаго объ участіи его въ покушеніи на кражу изъ Кишиневскаго губернскаго казначейства Меркуловъ разсказываетъ подробно, какъ онъ вмѣстѣ съ супругами Мироненко (Фроленко и Лебедевой) жилъ на квартирѣ близъ казначейства; и какъ они начали подкопъ; яму вырыли въ 3—4 аршина глубиною и отъ нея начали уже галлерею аршина 1½ длиною. Фриденсонъ былъ здѣсь очень недолго и, уѣхавши, не давалъ о себѣ никакихъ вѣстей, хотя поѣхалъ по порученію Фроленко искать другого казначейства, гдѣ удобнѣе было бы сдѣлать подкопъ, такъ какъ здѣсь все обваливалось.. Около 20 февраля пришли извѣстія изъ Петербурга, что подкопа дѣлать не нужно.

Фроленко на тотъ же вопросъ первоприсутствующаго: «Я, дѣйствительно, жилъ въ Кишиневѣ съ цѣлью сдѣлать подкопъ, но подробности я сообщу послѣ, когда будетъ производиться слѣдствіе объ организаціи партіи и принадлежности къ ней».

Лебедева: «Я также признаю свое участіе въ этомъ предпріятіи, но въ виду того, что главный виновникъ отложилъ свои объясненія, я поступлю такъ же».

Фриденсонъ (небольшого роста, толстое лицо, черные волосы и довольно длинная борода, еврейскій типъ; держитъ себя свободно): «Нѣтъ, я не признаю себя виновнымъ. Я не принималъ никакого участія въ этомъ покушеніи и даже не зналъ о немъ. Въ Кишиневѣ я былъ совершенно случайно и пробылъ тамъ всего однѣ сутки».

По просьбѣ защитника Лебедевой читается протоколъ осмотра мѣстности подкопа и квартиры Мироненко. По просьбѣ прокурора читается выписка изъ книги для пріѣзжающихъ въ Швейцарской гостиницѣ въ Кишиневѣ, гдѣ значится, что въ этой гостиницѣ останавливался Коморскій (Фриденсонъ).

Фриденсонъ: «Живя въ Москвѣ, я находился подъ надзоромъ полиціи—это меня сильно безпокоило. Всѣ сколько-нибудь выдающіяся политическія событія, какъ взрывъ 19 нояб., 5 февр. и даже гораздо менѣе важныя, всѣ вели къ непріятностямъ для меня; это-то, въ концѣ концовъ, и заставило меня жить подъ чужимъ именемъ, и этимъ объясняется, что въ Кишиневѣ я останавливался подъ именемъ Коморскаго».

Первоприсутствующій распоряжается увести подсудимыхъ и привести на ихъ мѣсто подсудимыхъ Исаева, Колодкевича, Баранникова Фроленко, Тригони, Суханова, Емельянова, Меркулова, Ланганса, Якимовой, Лебедевой, а также и Михайлова, согласно его просьбѣ.

(Дѣло 1-го марта 1881 г.).

Емельяновъ (очень моложавый, темнорусый, лицо блѣдное, безъ усовъ и бороды, средняго роста, худощавый, говоритъ громко, отдѣляя каждое слово) на вопросъ первоприсутствующаго объ участіи его въ злодѣяніи 1-го марта: «Я отрицаю фактъ своего участія въ этомъ преступленіи».

Сухановъ (больше средняго роста, очень худой, продолговатое лицо, мертвенно-блѣднаго, зеленоватаго цвѣта, совершенно свѣтлые желтоватые волосы, длинные и жидкіе; борода жидкая, маленькая, усы тоже, pince-nez, говоритъ тихо, но спокойно): «Я, дѣйствительно, работалъ въ подкопѣ на Малой Садовой; работалъ тамъ два раза въ февралѣ. Кромѣ того, я же снаряжалъ и самую мину, заложенную тамъ, и собиралъ метательные снаряды. Гдѣ я занимался этимъ—указать не желаю. При собираніи снарядовъ присутствовалъ Кибальчичъ. Когда я бывалъ въ подкопѣ, видалъ тамъ Кобозева, другихъ участниковъ не знаю».

Исаевъ: «Да, я признаю обстоятельства, изложенныя въ обвинительномъ актѣ, и больше къ нимъ ничего добавлять не желаю».

Якимова: «Да, я признаю, что по порученію Исполнительнаго Комитета, я, подъ именемъ Кобозевой, поселилась въ лавкѣ на Малой Садовой, чтобы вести подкопъ подъ улицу... Назвать другихъ участниковъ я не желаю; работа продолжалась мѣсяца 2... Послѣ 1-го марта я выѣхала, такъ какъ продолжать подкопъ не предстояло надобности, также по приказанію Исполнительнаго Комитета».

Меркуловъ: «Да, я признаю, что принималъ участіе въ этомъ преступленіи»... Дальше разсказываетъ сначала о переговорахъ съ Тригони въ Одессѣ по Кишиневскому дѣлу, затѣмъ о пріѣздѣ въ Петербургъ и поступленіи своемъ въ лавку Кобозева за молодца; за неумѣнье рѣзать сыръ, мнѣ отказали... Нѣсколько разъ работалъ въ

подкопѣ съ Сухановымъ, Лангансомъ, Фроленко... Тригони видѣлъ работающимъ. Тамъ же видѣлъ Исаева и Колодкевича». Дальше разсказываетъ о поѣздкѣ въ Парголово для пробы метательныхъ снарядовъ.

Тригони (небольшого роста, худощавъ, но съ очень широкими плечами, черный; острый, выдающійся носъ, не густая, но довольно большая борода и усы): «Въ подкопѣ я самъ никогда не работалъ, но зналъ случайно отъ Желябова о готовящемся; въ лавку Кобозева заходилъ одинъ разъ, чтобы узнать адресъ Желябова».

Лебедева: «Признаю себя виновной въ томъ, что знала о готовящемся преступленіи, и на квартирѣ Перовской занималась набиваніемъ динамитомъ цилиндра для мины на Малой Садовой. Въ подкопѣ сама не была».

Колодкевичъ: «Показанія г-на Гольденберга о Липецкомъ съѣздѣ и объ Исполнительномъ Комитетѣ совершенно невѣрны... Я получилъ приглашеніе ходить вмѣстѣ съ Баранниковымъ въ лавку Кобозева въ опредѣленные дни, вести тамъ подкопъ; это было мною исполнено; въ другіе дни ходили, вѣроятно, другія лица—это было совсѣмъ не мое дѣло, я даже и не узналъ, кто это; я только исполнялъ порученіе Исполнительнаго Комитета... Въ Липецкѣ вовсе не было избрано никакого Исполнительнаго Комитета, не было также вовсе постановлено рѣшенія и о систематическомъ преслѣдованіи цареубійства, не было вовсе никакого соглашенія. Всѣ всегда дѣйствовали по порученію Исполнительнаго Комитета. Здѣсь, напримѣръ, есть лица, которыхъ я въ первый разъ вижу и фамилій которыхъ даже не слыхалъ».

Баранниковъ: «Да, я принималъ участіе въ работѣ въ лавкѣ Кобозева. Относительно условій, при которыхъ я работалъ, я вполнѣ подтверждаю показаніе Колодкевича».

Лангансъ (болѣе средняго роста, худой, продолговатое худое лицо, острый носъ, очень длинные рыжеватые волосы, большая рыжеватая же борода, говоритъ тихо, имѣетъ видъ нѣмецкаго поэта, напоминаетъ также изображеніе І. Х.; его лицо вообще трудно забыть, разъ видѣвши): «Нѣтъ, я не признаю себя виновнымъ въ какомъ бы то ни было участіи въ этомъ преступленіи. Въ 79 г. я былъ административно высланъ за границу; былъ я сначала въ Германіи, затѣмъ въ Румыніи, но такъ какъ я родился и воспитывался въ Россіи, то тамъ, за границей, я чувствовалъ себя совершенно чужимъ и не могъ даже достать себѣ никакихъ занятій, а средствъ между тѣмъ у меня не было. Въ виду этого, не желая жить на средства эмигрантовъ, я рѣшилъ вернуться въ Россію съ тѣмъ, чтобы жить здѣсь литературнымъ трудомъ, къ которому я всего чувствовалъ склонность. Я избѣгалъ Петербурга, гдѣ полиція была осторожна, хотѣлъ поселиться въ Москвѣ, но не имѣлъ тамъ ни знакомыхъ, ни рекомендаціи и потому пріѣхалъ около середины августа 80 г. въ Петербургъ, гдѣ имѣлъ адресъ одного знакомаго студента; проживъ около мѣсяца въ Петербургѣ, я черезъ этого студента познакомился еще кое съ кѣмъ, досталъ себѣ паспортъ, а затѣмъ и рекомендацію въ Москву и съ этимъ и поѣхалъ туда. Здѣсь я по этой рекомендаціи добылъ себѣ урокъ у одного очень хорошаго почтеннаго семей-

ства. Черезъ мѣсяцъ занятій семейство это пригласило меня переселиться къ нему ради дешевизны и удобства, но я отказался сначала, сказавши имъ всю правду, т. е. что я живу подъ чужимъ именемъ, что я нелегальный человѣкъ, и что принятіе меня въ домъ сопряжено съ извѣстнымъ рискомъ. Однако это ихъ не остановило, а напротивъ, въ виду именно этого, они еще настойчивѣе уговаривали меня принять ихъ приглашеніе, говоря, что для меня безопаснѣе жить у нихъ, чѣмъ на отдѣльной квартирѣ. Я переѣхалъ къ нимъ, занимался съ дѣтьми, и, кромѣ этого, занимался литературой. Въ Москвѣ, однажды, встрѣтился я съ Якимовой и предложилъ ей познакомиться съ этимъ семействомъ, гдѣ намъ возможно будетъ съ нею встрѣчаться. Такимъ образомъ, я проживалъ все время въ Москвѣ. Здоровье мое всегда было весьма слабое, я страдалъ грудью, у меня бывало кровохарканье. Въ февралѣ 81 г. я по совѣту докторовъ собрался ѣхать на югъ для возстановленія здоровья. Я отправился въ Кіевъ—черезъ Харьковъ. Въ Кіевѣ у меня вышли всѣ деньги, но у меня были тамъ знакомые, черезъ которыхъ я разсчитывалъ достать и денегъ и работы. Въ день моего ареста я встрѣтился тамъ съ Якимовой, и такъ какъ она, повидимому, была сильно утомлена, предложилъ ей зайти къ моей знакомой Фанни Морейнисъ, гдѣ и былъ арестованъ».

Исаевъ на вопросъ первоприсутствующаго: «Я этого Ланганса вовсе не знаю. Знакомства съ нимъ не признаю».

Фроленко на вопросъ первоприсутствующаго: «Хотя я и показалъ раньше, что встрѣчалъ Ланганса въ подкопѣ, но назвалъ видѣнную мною тамъ личность Лангансомъ только со словъ Меркулова, этого же Ланганса я не знаю и тамъ не видалъ».

Меркуловъ самъ признаетъ не совсѣмъ вѣрнымъ свое прежнее показаніе: «Емельяновъ былъ мнѣ извѣстенъ подъ именемъ Сугубнаго».

Присяжные повѣренные *Спасовичъ*, *Соколовъ*, *Александровъ* предлагаютъ Меркулову вопросы относительно подсудимыхъ, которыхъ защищаютъ.

Сухановъ на вопросъ защиты Лебедевой: «Лебедеву я не знаю и вмѣстѣ съ нею не работалъ».

Перерывъ въ 5 часовъ.

Засѣданіе возобновлено въ 7 ч. 25 м.

Первоприсутствующій дѣлаетъ распоряженіе о приводѣ всѣхъ подсудимыхъ.

Первоприсутствующій (приблизительно такъ): «Подсудимый Михайловъ! Вы обвиняетесь въ принадлежности къ тайному сообществу, имѣющему цѣлью ниспроверженіе существующаго государственнаго строя, для каковой цѣли сообщество прибѣгало къ агитаціи среди рабочихъ, убійствамъ должностныхъ лицъ, заговорамъ и, наконецъ, неоднократнымъ покушеніямъ на цареубійство, закончившимся смертью нынѣ въ Бозѣ почившаго государя императора Александра II. Признаете ли вы себя виновнымъ въ этомъ преступленіи?»

Михайловъ: «Вопросъ, предложенный Вами, г. первоприсутствующій, не соотвѣтствуетъ дѣйствительному характеру сообщества. Я—членъ не сообщества, но партіи Народной Воли и агентъ 3-й степени

Исполнительнаго Комитета, который руководитъ организаціей Народной Воли».

Первоприсутствующій: «Въ законѣ нѣтъ для такого общества, къ какому вы принадлежали, названія «партія»; въ законѣ есть для этого терминъ «сообщество», и его я буду употреблять».

Михайловъ (для объясненій его выводятъ на середину залы; при немъ становятся два жандарма и жандармскій офицеръ): „Я считаю нужнымъ изложить исторію возникновенія партіи. Партіей я называю группу людей, исповѣдующихъ извѣстные взгляды и убѣжденія: сообщество же—понятіе болѣе тѣсное. Въ сообществѣ всѣ стремятся при помощи всѣмъ извѣстныхъ средствъ, достигнуть извѣстныхъ цѣлей, всѣ являются дѣйствующими членами. Въ партіи же не всѣ дѣйствуютъ. Есть люди только исповѣдующіе извѣстныя убѣжденія, есть дѣятельные члены, есть руководящіе извѣстные органы. Партія Народной Воли есть только часть болѣе обширной партіи, группы людей, именующихся соціально-революціонной партіей. Группа Народной Воли выдѣлилась около лѣта 1879 г. Выдѣленіе это произошло отчасти въ связи съ Липецкимъ съѣздомъ, хотя и произошло оно совершенно естественно, благодаря тѣмъ условіямъ, при которыхъ партіи приходилось дѣйствовать. Лѣтомъ 1879 г., въ связи съ покушеніемъ Соловьева, подъ вліяніемъ и другихъ болѣе или менѣе рѣзкихъ событій и малой плодотворности при данныхъ условіяхъ дѣятельности въ самомъ народѣ, многіе члены партіи стали признавать необходимою борьбу непосредственно съ правительствомъ уже по иниціативѣ партіи; раньше этого предполагали и хотѣли подготовить къ этому и затѣмъ двинуть на это народъ; теперь признали подобную задачу невыполнимою. Такая мысль высказывалась во многихъ кружкахъ, и вотъ ко времени Липецкаго съѣзда многіе члены партіи рѣшили собраться и обсудить этотъ вопросъ. Въ 79 г., приблизительно около 17—21 іюня, и состоялся съѣздъ въ Липецкѣ. Съѣздъ имѣлъ характеръ собранія людей болѣе или менѣе единомышленныхъ, но вовсе не представлялъ собою съѣзда всѣхъ соціалистовъ. Здѣсь прежде всего рѣшено было добиться народоправленія, необходимаго для прогресса, счастья, благоденствія для Россіи, и партія должна была способствовать этому переходу власти изъ рукъ теперешняго правительства въ руки народа. Когда рѣшили такимъ образомъ на счетъ необходимости такого перехода власти, естественно затѣмъ возникъ вопросъ о средствахъ, къ которымъ для этого должна была прибѣгнуть партія. Прежде всего, конечно, мы обратились къ разсмотрѣнію того, нѣтъ ли какихъ-либо мирныхъ, законныхъ средствъ, которыми бы могли воспользоваться, и, по всестороннемъ разсмотрѣніи этого вопроса, намъ пришлось отвѣтить на него отрицательно; такихъ средствъ не оказалось. Тогда только уже былъ признанъ необходимымъ путь революціонный до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, не станетъ возможнымъ и путь легальный, путь убѣжденія, т. е. до тѣхъ поръ, пока мы не добьемся нѣсколько большей свободы; рѣшено было дѣйствовать силами партіи и организаціи при помощи всего общества и возможномъ посредствѣ и содѣйствіи народа. Средствами признаны были: пропаганда партійныхъ идей, агитація среди рабочихъ и народа, разрушительная террористическая дѣятельность, удаленіе болѣе вредныхъ

для народа людей, организація тайныхъ обществъ вокругъ одного центра, усиленіе связей въ обществѣ, войскѣ, народѣ, организація и совершеніе переворота при достиженіи обществомъ извѣстной силы; далѣе уже предполагалось начать агитацію соціалистическую, т. е путемъ убѣжденія провести какъ можно болѣе соціальныхъ реформъ. Среди другихъ средствъ стояло цареубійство, но не на почвѣ личной мести за кого-нибудь или за что-нибудь, а только какъ одно изъ многихъ другихъ средствъ. Послѣдовательный рядъ покушеній на жизнь покойнаго имератора показываетъ только, что партія въ данное время окружающими условіями была приведена къ признанію этого средства наиболѣе пригоднымъ, наиболѣе дѣйствительнымъ для даннаго времени. Такимъ образомъ, на Липецкомъ съѣздѣ, собственно, было рѣшено только выдѣленіе партіи Народной Воли, такъ какъ другіе члены и организаціи не признавали необходимымъ то, что таковымъ казалось намъ. Неправильно г. прокуроръ называетъ насъ соціально-революціонною партіей,—то, въ чемъ мы обвиняемся, можно ставить въ вину только партіи Народной Воли, а никакъ не всей соціально-революціонной партіи, хотя, правда, большая ея часть и принадлежитъ сюда.

Кромѣ такого выдѣленія партіи, никакихъ, собственно, практическихъ рѣшеній на этомъ съѣздѣ принято не было, напримѣръ, объ учрежденіи Исполнительнаго Комитета, систематическомъ преслѣдованіи цареубійства и т. п.; все это Гольденбергъ выдумалъ самъ. Насколько я знаю, Гольденбергъ игралъ въ партіи роль исполнительнаго агента и потому не могъ даже сообщить всѣхъ подробностей организаціи, какъ ему самому неизвѣстныхъ. Самъ я лично присутствовалъ на съѣздѣ подъ фамиліей Безхмѣнова, но никакъ не могу признать, чтобы я былъ членомъ Распорядительнаго Комитета.

Воспитывался я въ Новгородъ-Сѣверской гимназіи; по окончаніи курса поступилъ въ Технологическій Институтъ, но пробылъ тамъ только мѣсяца 3—4. Въ институтѣ въ это время были введены стѣснительныя правила, стали запрещать студентамъ то, что прежде было дозволено, лишать ихъ нѣкоторыхъ, прежде принадлежавшихъ имъ, правъ, все это вынудило безпорядки и волненія среди студентовъ, въ которыхъ я лично, впрочемъ, принималъ мало участія; затѣмъ всѣхъ болѣе или менѣе прикосновенныхъ исключили изъ института на 6 лѣтъ, и вскорѣ послѣ того я былъ высланъ административнымъ порядкомъ на родину. Отсюда я чрезъ нѣсколько времени подалъ прошеніе, кажется, Министру Внутреннихъ Дѣлъ, и мнѣ разрѣшено было вернуться въ Петербургъ. Послѣднее время я сталъ заниматься изученіемъ общественныхъ наукъ, познакомился съ различными соціальными теоріями. По возвращеніи въ Петербургъ я еще болѣе сталъ заниматься этими предметами и ближе познакомился съ ними. Я хотѣлъ теперь поступить въ Горный Институтъ и выдержалъ туда экзаменъ, но по неимѣнію вакансій не былъ принятъ. Въ это время познакомился съ партіей и скоро близко сошелся съ ней, въ то время еще съ партіей Земли и Воли.

(На вопросъ первоприсутствующаго): „Лизогубъ былъ тоже членомъ партіи Земли и Воли. Онъ былъ очень богатый человѣкъ, у него было около 120 тысячъ. Сначала онъ мало помогалъ партіи.

Я не думаю даже, чтобы какое-нибудь предпріятіе партіи было совершено на его деньги, напр., убійство Мезенцева. Тѣмъ не менѣе онъ былъ арестованъ и затѣмъ, на мой взглядъ, совершенно невинно казненъ. Передъ тѣмъ онъ передалъ полную довѣренность на веденіе своихъ дѣлъ Дриго, своему управляющему, которому вообще довѣрялъ; но Дриго не имѣлъ къ партіи никакого отношенія и обманулъ довѣріе Лизогуба, такъ какъ сталъ просто переводить его деньги на свое имя. По приказанію Лизогуба, Дриго долженъ былъ передавать деньги различнымъ членамъ партіи въ томъ числѣ и мнѣ; меня съ нимъ познакомилъ Зунделевичъ, Дриго неохотно исполнялъ мои требованія, но все же долженъ былъ подчиняться ради Лизогуба. Требованія же мои состояли въ томъ, чтобы Дриго, въ виду близкаго суда надъ Лизогубомъ и вѣроятнаго его осужденія, ликвидировалъ бы возможно скорѣе всѣ его дѣла, перевелъ бы его имущество въ деньги и передалъ намъ; таково было желаніе Лизогуба. Дриго обѣщалъ, но всячески затягивалъ дѣла, и въ то же время я узналъ, что онъ больше хлопочетъ о переводѣ денегъ и имѣнія на себя, чѣмъ объ интересахъ партіи. Тогда я написалъ объ этомъ Лизогубу, гдѣ жаловался на Дриго. Въ отвѣтъ на эту жалобу я получилъ письмо отъ Лизогуба, въ которомъ онъ поручалъ Дриго непремѣнно въ возможно скоромъ времени передать мнѣ всѣ его деньги, въ противномъ случаѣ заявилъ, что будетъ считать Дриго мошенникомъ и отниметъ у него довѣренность. Предъявить это письмо Дриго я уже не могъ, такъ какъ онъ по подозрѣнію въ сношеніяхъ съ партіей былъ въ это время уже арестованъ. Во время ареста Дриго отказался отъ всякой принадлежности къ партіи, просилъ избавить его отъ приходящихъ къ нему членовъ партіи, указалъ на нѣсколькихъ лицъ,. между прочимъ далъ и мой адресъ и сообщилъ, гдѣ и какъ можно меня найти; но я, вообще человѣкъ довольно осторожный, по нѣкоторымъ признакамъ догадался объ этомъ и успѣлъ скрыться. Во всякомъ случаѣ, денегъ отъ Дриго я такимъ образомъ не получилъ. Впослѣдствіи я слышалъ, что онъ вступилъ въ соглашеніе съ III-мъ Отдѣленіемъ, и ему, между прочимъ, за указанія о соціалистахъ и выдачу ихъ была обѣщана часть имѣній Лизогуба»...

(На вопросъ первоприсутствующаго): «Въ Петербургѣ я жилъ въ послѣднее время подъ фамиліей Поливанова. При арестѣ у меня, дѣйствительно, между прочимъ былъ найденъ и динамитъ. Я не знаю, почему въ обвинительномъ актѣ сказано, что съ моимъ арестомъ получились указанія на вновь готовящееся преступленіе? Димамитъ, револьверы и кинжалы находили и находятъ всегда у всѣхъ почти членовъ партіи. Мнѣ непонятно, какимъ образомъ мой арестъ могъ возбудить мысль о новомъ замыслѣ. Правда, прокурору Добржинскому я говорилъ на его вопросы о дальнѣйшихъ планахъ партіи, что, вѣроятно, дѣло и дальше пойдетъ тѣмъ же путемъ, какъ шло, такъ какъ условія жизни, вызвавшія движеніе, не измѣнились. Видъ Поливанова, найденный при мнѣ, подложный» (6 ч. 22 м.).

Фроленко на тотъ же вопросъ первоприсутствующаго о принадлежности къ тайному сообществу: «Я также принадлежу къ партіи Народной Воли и состою агентомъ 3-й степени Исполнительнаго Комитета. Въ 79 г. я, подобно многимъ другимъ, рѣшился способство-

вать передачѣ власти въ руки самого народа. Признавая для достиженія этой цѣли необходимымъ прежде всего организацію сильной партіи, я передалъ себя вполнѣ въ распоряженіе Исполнительнаго Комитета; съ этихъ поръ Комитетъ могъ уже поручать мнѣ какія угодно дѣла, назначать, куда ему представлялось нужнымъ,—я считалъ долгомъ подчиняться и не могъ даже спрашивать, зачѣмъ меня назначаютъ и къ чему должна привести моя работа. Въ Липецкѣ, какъ это совершенно вѣрно сообщалъ Михайловъ, не было никакого настоящаго съѣзда соціалистовъ, туда просто собрались люди болѣе или менѣе единомышленные для принципіальныхъ разговоровъ. Показанія Гольденберга объ этомъ съѣздѣ невѣрны; впрочемъ, и вообще показанія Гольденберга весьма неточны.

Когда я жилъ въ Одессѣ, то тамъ получилъ приказаніе Исполнительнаго Комитета поступить на Одесскую желѣзную дорогу въ качествѣ сторожа, что я и исполнилъ. Сначала я жилъ тамъ одинъ, затѣмъ Комитетъ же прислалъ ко мнѣ Лебедеву. Никакихъ приготовленій къ взрыву поѣзда ни до ея пріѣзда, ни послѣ сдѣлано еще не было, такъ какъ сначала я жилъ не одинъ, а въ общей казармѣ съ другими рабочими, да къ тому же еще не было извѣстно, поѣдетъ ли Государь по этой линіи или нѣтъ. Наконецъ, въ ноябрѣ Комитетъ велѣлъ мнѣ уѣхать оттуда, и я тогда оставилъ мѣсто сторожа. Никакого предварительнаго сговора между мною и Лебедевой не было, равно какъ и послѣ мы не уславливались въ предстоящей намъ работѣ, такъ что я думалъ даже, что я самъ долженъ буду замкнуть токъ гальванической батареи при проходѣ поѣзда, и только здѣсь уже отъ Лебедевой услыхалъ я, что это будто бы было ея дѣло.

Въ Кишиневъ я поѣхалъ также по порученію Исполнительнаго Комитета. По дорогѣ я заѣхалъ къ Лебедевой, которая должна была жить со мною, и съ нею вмѣстѣ пріѣхалъ въ Кишиневъ. Здѣсь намъ были указаны двѣ квартиры, болѣе или менѣе подходящія для предполагаемой цѣли, и выборъ между ними былъ уже предоставленъ мнѣ. Остановившись на одной изъ нихъ, я прежде всего изслѣдовалъ грунтъ и, найдя его крайне неудобнымъ, донесъ объ этомъ Комитету и затѣмъ ждалъ его распоряженія. Выѣхалъ изъ Кишинева также по приказанію Исполнительнаго Комитета. По тому же приказанію я затѣмъ, пріѣхавши въ Петербургъ, принималъ участіе въ дѣлѣ 1-го марта, работая въ подкопѣ на Малой Садовой».

(На вопросъ первоприсутствующаго): «Объ освобожденіи Дейча, Стефановича, Бохановскаго я не могу сказать ничего новаго; все это вѣрно изложено въ обвинительномъ актѣ. Я, дѣйствительно, поступилъ туда сторожемъ и затѣмъ, прослуживши нѣсколько времени и добившись извѣстнаго довѣрія, освободилъ ихъ. Я слышалъ, что будто-бы смотритель тюрьмы подозрѣвался въ содѣйствіи мнѣ, и даже это имѣло для него нѣкоторыя непріятныя послѣдствія. Я считаю своимъ долгомъ заявить, что это неправда, смотритель тутъ ровно не при чемъ, и его совершенно невинно подозрѣваютъ; вообще среди тюремной администраціи у меня не было помощниковъ.

Арестованъ я былъ подъ именемъ Капустина».

Колодкевичъ: «Я принадлежу къ партіи Народной Воли и состою агентомъ 3-й степени Исполнительнаго Комитета. Я не буду

подробно разсказывать теперь о задачахъ и организаціи партіи, такъ какъ объ этомъ уже говорилъ Михайловъ, и къ его объясненіямъ я вполнѣ присоединяюсь.

Воспитывался я въ Черниговской гимназіи и по окончаніи тамъ курса поступилъ въ Нѣжинскій лицей, но пробылъ здѣсь недолго и перешелъ въ Новороссійскій Университетъ со спеціальною цѣлью заняться химіей. Этому предмету я посвятилъ 2 года своего пребыванія въ Одессѣ, а затѣмъ перешелъ на медицинскій факультетъ въ Кіевскій Университетъ. Здѣсь я дошелъ до 4-го курса, когда былъ уволенъ изъ Университета за привлеченіе меня къ дознанію по одному политическому дѣлу. Послѣ этого я привлекался къ дознанію дѣйствительно довольно много разъ, но, такъ какъ сидѣть въ тюрьмѣ мнѣ вовсе не казалось любопытнымъ, то я всякій разъ успѣвалъ скрыться. Впрочемъ, и въ тюрьмѣ мнѣ также приходилось побывать. Послѣднее время съ ноября 80 г. я проживалъ въ Петербургѣ по паспорту Петрова и принималъ участіе по порученію Исполнительнаго Комитета въ преступленіи 1-го марта, о чемъ я уже говорилъ. Въ обвинительномъ актѣ сказано, что при моемъ задержаніи у меня найдены разныя революціонныя изданія, я не знаю, можно ли называть разными изданіями тѣ 2 книжки и 1 рукопись, которыя были у меня взяты, но что онѣ, дѣйствительно, были отобраны у меня,—это я признаю».

Морозовъ: «Я считаю террористическій способъ дѣйствій цѣлесообразнымъ для достиженія свободы слова, печати и публичныхъ собраній, но я не признаю себя принадлежащимъ къ какому-нибудь таѣному сообществу. Объ Липецкомъ съѣздѣ я не хотѣлъ бы говорить, такъ какъ мои товарищи уже разъяснили этотъ вопросъ. Показанія Гольденберга обо мнѣ вообще несправедливы, и я никогда не былъ членомъ Исполнительнаго Комитета. Жилъ я, дѣйствительно, подъ чужой фамиліей, потому что зналъ, что меня хотя и освободили послѣ процесса 193-хъ, къ которому я привлекался, но, тѣмъ не менѣе, хотѣли выслать административнымъ порядкомъ.

Родился я въ Ярославской губерніи и воспитывался во 2-й Московской гимназіи, изъ которой былъ уволенъ вслѣдствіе привлеченія къ дознанію. Въ обвинительномъ актѣ сказано, что при мнѣ при задержаніи было найдено много брошюръ и сочиненій революціоннаго характера; я считаю нужнымъ замѣтить, что онѣ найдены въ одномъ общемъ помѣщеніи съ моимъ товарищемъ, съ которымъ я былъ вмѣстѣ задержанъ, такъ что нельзя приписывать ихъ всѣ мнѣ. При мнѣ, собственно, найдены только по одному или по два экземпляра «Террористическая борьба» и книжки стихотвореній; сочиненія эти, дѣйствительно, написаны мною и напечатаны первое въ Лондонѣ*), второе въ Женевѣ. «Террористическая борьба» написана мною за границею, и я ни съ кѣмъ изъ моихъ товарищей не совѣщался и не разговаривалъ, когда ее писалъ, и потому она можетъ быть вмѣнена въ вину только лично мнѣ.

Въ Петербургѣ я жилъ подъ фамиліей Хитрово съ своей женой Ольгой Любатовичъ».

*) Брошюра «Террористическая борьба» была помѣчена Лондономъ, но напечатана была въ Женевѣ.

(На вопросъ первоприсутствующаго). «Да; мнѣ хорошо было извѣстно, что Ольга Любатовичъ государственная преступница, бѣжавшая съ мѣста ссылки».

Якимова: «Я принадлежу къ партіи Народной Воли и состою агентомъ 3-й степени Исполнительнаго Комитета*). Въ качествѣ такого агента я получала отъ Комитета различныя порученія, которыя и исполняла, но иногда даже не знала, къ чему должно привести то или другое предпріятіе. Ранѣе я привлекалась къ процессу 193-хъ, а передъ тѣмъ просидѣла 2 года 8 мѣсяцевъ въ тюрьмѣ, затѣмъ была оправдана и выпущена на свободу, но зная, по примѣру многихъ другихъ, что это не спасло бы меня отъ административной высылки, я съ этихъ поръ стала жить уже нелегально. Въ это время посѣтила разъ моихъ родныхъ, вскорѣ послѣ того какъ была выпущена послѣ процесса 193-хъ, но, разумѣется, никто изъ моихъ родныхъ не имѣлъ никакого понятія о томъ, чѣмъ я занимаюсь».

Фриденсонъ: «Я не отрицаю своей солидарности съ идеями, высказываемыми членами партіи, но не признаю себя принадлежащимъ къ партіи. Съ партіей я знакомъ только по ея литературѣ. Я самъ довольно много изучалъ политическія и экономическія науки, и въ это же время мнѣ случалось читать произведенія партіи. Правда, съ нѣкоторыми членами партіи я и лично былъ нѣсколько знакомъ, встрѣчался съ ними. Сочиненіями и личными знакомствами я въ значительной мѣрѣ обязанъ Рейнштейну, который снабжалъ меня изданіями и знакомилъ съ различными людьми».

Далѣе Фриденсонъ разсказываетъ о своемъ знакомствѣ съ Рейнштейномъ, и затѣмъ о своихъ убѣжденіяхъ; говоритъ онъ хорошо, гладко. Читается его программа организаціи, найденная у него въ квартирѣ и названная почему-то прокуроромъ «революціонною».

Баранниковъ: «Обо всемъ, что касается организаціи, задачъ и стремленій партіи, къ которой я принадлежу, я не считаю нужнымъ говорить, такъ какъ объ этомъ достаточно уже говорили Михайловъ, Фроленко и Колодкевичъ, и я совершенно согласенъ съ ними; отъ себя я прибавлю весьма немного.

На Липецкомъ съѣздѣ я былъ подъ фамиліей Кошурникова. Воспитывался я въ Орловской гимназіи. По окончаніи курса хотѣлъ поступить въ университетъ, но, по желанію родителей, былъ опредѣленъ въ Павловское Военное Училище. Здѣсь я не могъ долго оставаться и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ бѣжалъ, оставивши записку директору, гдѣ сообщилъ, что я лишаю себя жизни; то же просилъ сообщить и матери. Я пріѣхалъ въ Ростовъ и долго пробылъ здѣсь, на югѣ, вращаясь постоянно между артелями рабочихъ съ цѣлью пріобрѣсти недостающія мнѣ необходимыя спеціальныя свѣдѣнія для работы и агитаціи среди народа; между прочимъ поступилъ я въ кузницу къ одному кузнецу, настоящему простолюдину-кузнецу и у него прожилъ весьма долго, и здѣсь же изучилъ кузнечное дѣло. Въ мартѣ 77 г. я получилъ приглашеніе поступить въ члены партіи Земли и Воли, которое и принялъ. Вскорѣ послѣ этого я отправился въ Ардатовскій уѣздъ Нижегородской губерніи и поступилъ работни-

*) По уставу партіи члены Исп. Ком. публично могли выступать только какъ агенты 3-й степени.

комъ на одну ферму, но здѣсь скоро замѣтилъ, что за мной слѣдятъ съ цѣлью арестовать, и скрылся. Здѣсь же я познакомился съ Квятковскимъ, находившимся въ такихъ же условіяхъ, и вмѣстѣ съ нимъ отправился въ Нижній-Новгородъ, а оттуда въ Петербургъ. Впослѣдствіи я подъ именемъ Кошурникова же женился на Ошаниной, но вскорѣ съ ней разъѣхался».

Златопольскій говоритъ очень тихо; отрицаетъ всякую принадлежность свою къ партіи, знакомство свое съ Колодкевичемъ объясняетъ чисто частнымъ личнымъ дѣломъ, не имѣющимъ ничего общаго съ замыслами партіи.

Тетерка, на вопросъ первоприсутствующаго: «Да, я признаю себя террористомъ-народникомъ».

Первоприсутствующій: «Что-же это значитъ террористъ-народникъ?»

Тетерка: «Это значитъ, что, когда у меня нѣтъ работы среди народа, то я долженъ принимать участіе въ террористическихъ предпріятіяхъ».

Первоприсутствующій: «Что-же значитъ слово террористъ?»

Тетерка: «Террористъ, это человѣкъ, стремящійся непосредственно къ убійству».

Первоприсутствующій: «Зачѣмъ?»

Тетерка: «Этого нельзя сказать, это бываетъ весьма различно».

Первоприсутствующій: «Лучше вы не употребляйте такихъ словъ, которыхъ, очевидно, не понимаете».

Тетерка: «Я употребляю ихъ такъ, какъ понимаю».

Первоприсутствующій: «Почему вы принимали участіе въ различныхъ предпріятіяхъ партіи? Что васъ побудило?»

Тетерка: «Я дѣлалъ это по приказанію другихъ».

Первоприсутствующій: «Такъ что вы сами не понимали, что дѣлали?»

Тетерка: «Отчасти понималъ, отчасти нѣтъ».

Первоприсутствующій: «Чѣмъ вы занимаетесь?»

Тетерка: «У меня нѣсколько спеціальностей».

Первоприсутствующій: «Что это значитъ?»

Тетерка: «То-есть, я плотникъ, и столяръ, и маляръ и вообще могу заниматься тѣмъ, что въ данное время нужно».

Первоприсутствующій: «И убивать можете?»

Тетерка: «Я еще, собственно, никогда никого не убилъ».

Дальше Тетерка сообщаетъ нѣкоторыя свѣдѣнія изъ своей жизни. «Ѳедоровъ былъ первымъ, кто объяснилъ мнѣ, какъ нужно жить рабочему человѣку. Онъ первый доказалъ мнѣ, что намъ лучше жить дружно, помогать другъ другу, что тогда и работа пойдетъ лучше и выгоднѣе; онъ же объяснилъ мнѣ, что кромѣ водки и разврата есть и другія лучшія удовольствія жизни, онъ меня научилъ грамотѣ и выучилъ читать книги. Потомъ я самъ увидалъ, когда работалъ въ плотничьей артели, что дружно жить и работать гораздо лучше. Я очень благодаренъ этимъ людямъ, они мнѣ много хорошаго сдѣлали. Въ Кіевѣ я познакомился съ Желябовымъ. Онъ также обучалъ меня, давалъ читать книги. Потомъ уже я принималъ участіе въ раз-

личныхъ дѣлахъ партіи. Въ Харьковѣ я поступилъ въ мебельную мастерскую исключительно уже для пропаганды».

Первоприсутствующій: «Что значитъ это слово?»

Тетерка: «Это значитъ распространять между рабочими тѣ убѣжденія, которыя мнѣ передалъ Ѳедоровъ, какъ нужно жить рабочимъ, чтобы имъ лучше было, и тѣ, которыя я самъ узналъ изъ книгъ. Въ Харьковѣ рабочіе живутъ гораздо хуже, чѣмъ въ Одессѣ; имъ и платятъ меньше, и работы гораздо больше, и труднѣе, чѣмъ въ Одессѣ, да и живутъ недружно. Изъ Харькова я пріѣхалъ въ Петербургъ. Здѣсь я исполнялъ различныя порученія, между прочимъ, рѣзалъ печати для партіи, принималъ участіе и въ другихъ дѣлахъ партіи».

Первоприсутствующій: «Зачѣмъ вы купили сани и лошадь?»

Тетерка: «У меня въ то время не было другой работы, хоть я ее и искалъ, а затѣмъ и партія нуждалась въ своемъ человѣкѣ, который имѣлъ бы лошадь и умѣлъ на ней ѣздить».

Присяжный повѣренный Чичаговъ проситъ первоприсутствующаго вопросами выяснить молодость и дѣтство Тетерки.

Первоприсутствующій предлагаетъ вопросы.

Тетерка. «Я—казацкій сынъ... Послѣ смерти отца я, съ маленькой сестрой и самъ еще совсѣмъ маленькій, остался при матери. Мать переѣхала въ Одессу и вскорѣ вышла замужъ; жизнь моя была незавидная, съ 8 лѣтъ я старался уже жить на свои средства. Обыкновенно рабочіе, кромѣ пьянства и разврата, не имѣютъ другихъ удовольствій, а я съ 18 лѣтъ, когда вступилъ въ сношенія съ партіей, не имѣлъ надобности въ такихъ развлеченіяхъ».

Первоприсутствующій дѣлаетъ распоряженіе объ удаленіи подсудимыхъ.

Засѣданіе закрыто въ 10¼ час.

Засѣданіе 11-го февраля (12½ ч. дня).

Первоприсутствующій вызываетъ всѣхъ подсудимыхъ и предлагаетъ каждому изъ нихъ изложенный вчера вопросъ о принадлежности къ тайному сообществу.

Тригони: «Будучи соціалистомъ по убѣжденіямъ, я также признавалъ необходимымъ для достиженія какихъ-нибудь соціальныхъ улучшеній прежде всего политическую свободу. Поэтому я признаю себя виновнымъ по первому пункту программы партіи «Народной Воли».

По окончаніи гимназіи я поступилъ въ Новороссійскій университетъ на юридическій факультетъ, гдѣ и кончилъ курсъ, а затѣмъ записался въ помощники присяжнаго повѣреннаго. Съ Желябовымъ я былъ знакомъ, начиная съ 4-го класса гимназіи, гдѣ мы были вмѣстѣ; затѣмъ вмѣстѣ же перешли въ университетъ, гдѣ и пробыли до удаленія его оттуда за участіе въ какой-то студенческой исторіи. Послѣ этого я долго не видался съ нимъ и встрѣтился впервые уже въ Петербургѣ въ 80 г. Вообще, я съ нимъ былъ хорошо, близко знакомъ, но террористическихъ разговоровъ мы съ нимъ никогда не вели. Въ Петербургѣ я бывалъ также и у Люстига, моего крымскаго хорошаго знакомаго, встрѣчался у него и съ нѣкоторыми другими изъ здѣсь теперь сидящихъ. Между нами тамъ происходили свободные, быть можетъ, даже нѣсколько революціоннаго характера, раз-

говоры, но никогда не было высказываемо какихъ-нибудь опредѣленныхъ террористическихъ намѣреній. Въ Одессѣ жилъ въ качествѣ помощника присяжнаго повѣреннаго Богацкаго, занимался дѣлами, которыя онъ мнѣ поручалъ. Приэтомъ я считаю своимъ долгомъ заявить, что если даже Особое Присутствіе найдетъ мою дѣятельность преступною, то, во всякомъ случаѣ, вся вина должна остановиться на мнѣ и присяжный повѣренный Богацкій тутъ ровно не при чемъ; я съ нимъ вовсе даже не былъ знакомъ, убѣжденій и взглядовъ моихъ онъ совсѣмъ не зналъ, и между нами существовали только оффиціальныя отношенія патрона къ своему помощнику. Занимаясь понемногу адвокатурой, я въ то же время черезъ рабочаго Панова поддерживалъ сношенія съ рабочими, такъ какъ меня интересовало начавшееся среди нихъ движеніе. Поэтому-то у меня, дѣйствительно, и происходилъ разговоръ съ Меркуловымъ, о которомъ онъ говорилъ, въ квартирѣ для работавшихъ въ Кишиневѣ, но я тогда ему отказалъ во всякомъ участіи въ этомъ дѣлѣ, такъ какъ самого Меркулова я совсѣмъ не зналъ, онъ мнѣ ровно ничего не объяснилъ для кого и для чего нужна была квартира, да и вообще я вовсе не желалъ принимать въ этомъ случаѣ какого-нибудь активнаго участія. Въ Петербургъ я пріѣхалъ по приглашенію одного знакомаго, который предлагалъ мнѣ ѣхать съ однимъ своимъ знакомымъ семействомъ за границу въ качествѣ учителя для дѣтей, а такъ какъ я давно уже хотѣлъ побывать за границей, то и принялъ охотно предложеніе. Дѣло это совсѣмъ устроилось, и я долженъ былъ уже на другой день уѣхать, такъ что и вещи у меня уже были приготовлены, когда меня вдругъ арестовали. Въ лавкѣ Кобозева я былъ только одинъ разъ и то зашелъ туда совершенно случайно, гуляя съ Желябовымъ и проходя мимо, такъ какъ Желябову нужно было что-то сказать Кобозеву. Работой же тамъ, въ подкопѣ, я никогда не занимался. Найденные у меня номера «Народной Воли» и замѣтки о кружковой революціонной дѣятельности принадлежатъ не мнѣ, а оставлены у меня Желябовымъ. Мнѣ кажется, что вообще слѣдствіе мнѣ придало слишкомъ преувеличенное значеніе, и это нѣсколько объясняется тѣмъ, что меня, повидимому, почему-то смѣшиваютъ съ какимъ-то «Милордомъ»; ыть можетъ, и есть или былъ какой-нибудь «Милордъ», но кто это —неизвѣстно и во всякомъ случаѣ названіе это ничего не имѣетъ общаго со мной».

(На вопросъ первоприсутствующаго): «Люстига я хорошо знаю еще по Крыму, видалъ у него Желябова и нѣкоторыхъ другихъ, но никогда не считалъ его сколько-нибудь близко стоящимъ къ дѣлу».

По просьбѣ прокурора читаются найденныя у Тригони рукописи: «О мѣстной центральной группѣ» и «Общія начала организаціи».

По просьбѣ присяжнаго повѣреннаго Спасовича читается письмо, начинающееся со слова «Милордъ», и затѣмъ удостовѣряется тождество найденной у Тригони рукописи «Начала организаціи» съ такою же, найденною у Колодкевича.

Меркуловъ: «Да, я признаю свою виновность.

Отецъ мой былъ солдатомъ. Когда онъ умеръ, мнѣ было только 7 лѣтъ, и мать отдала меня для обученія столярному ремеслу, а сама

вскорѣ послѣ того куда-то уѣхала и бросила меня, такъ что я послѣ того уже больше ея не видалъ. У моего хозяина я работалъ довольно долго, но, наконецъ, онъ обанкротился и убѣжалъ, такъ что я остался совсѣмъ одинъ и даже безъ документовъ, такъ какъ онъ мнѣ ихъ не возвратилъ. Тутъ мнѣ приходилось терпѣть и отъ полиціи. Вскорѣ я познакомился съ соціалистами и попалъ въ ихъ кружокъ».

Присяжный повѣренный *Шнеуръ* проситъ первоприсутствующаго вопросами выяснить знакомство Меркулова съ идеями партіи.

Меркуловъ: «Я хорошенько не понималъ и не понимаю и теперь, что собственно они хотѣли. Меня увлекъ Желябовъ. Я, дѣйствительно, былъ недоволенъ и хозяиномъ, и полиціей, а такому рабочему не трудно доказать, что виноватъ во всемъ этомъ не хозяинъ, а государь. Когда я къ нимъ поступалъ, они меня не соблазняли тѣмъ, что я ничего не буду дѣлать, только исполнять ихъ порученія,—нѣтъ, я, напротивъ, почти все время работалъ и послѣ поступленія къ нимъ занимался мастерствомъ или работой на фабрикахъ, какъ и прежде; только когда у меня совсѣмъ не было работы, я получалъ отъ нихъ деньги и то очень мало, такъ что случалось даже иногда, что дня два ничего не ѣлъ».

Михайловъ: «Я попросилъ бы позволенія дать нѣкоторыя разъясненія по вопросу о принадлежности къ партіи Тетерки и Меркулова и о той роли и значеніи, которыя они тамъ имѣли».

Особое Присутствіе нашло это излишнимъ и отказало.

Исаевъ: «Я признаю себя принадлежащимъ къ партіи Народной Воли и исповѣдую тѣ принципы, которые изложены были Михайловымъ, Фроленко, Колодкевичемъ, Баранниковымъ.

По окончаніи курса въ Могилевской гимназіи я поступилъ въ Петербургскій университетъ на естественный факультетъ, гдѣ и пробылъ 2 года, а затѣмъ перешелъ въ Медицинскую Академію. Такъ какъ я еще въ гимназіи былъ замѣшанъ въ одну исторію и обвинялся въ пропагандѣ среди народа, то во время всего моего пребыванія въ Петербургѣ у меня постоянно происходили обыски, различнаго рода преслѣдованія, притѣсненія. Во время одного изъ такихъ обысковъ у меня нашли 3 фунта шрифта, такъ какъ я въ то время занимался переплетнымъ мастерствомъ. Съ этого времени обыски еще участились, такъ что я никогда положительно не могъ считать себя спокойнымъ. Въ виду этого, и раздѣляя вполнѣ высказанныя уже убѣжденія, я почувствовалъ непримиримую вражду къ правительству и предложилъ свои услуги партіи Народной Воли. Ея дѣятельность я въ настоящее время считаю наиболѣе цѣлесообразной. Мнѣ поручили заняться приготовленіемъ динамита, и я изучилъ дѣло теоретически и практически по всѣмъ имѣющимся источникамъ. Во всѣхъ предпріятіяхъ партіи я принималъ участіе главнымъ образомъ съ технической стороны. Въ Могилевской губерніи я никогда не занимался пропагандой, такъ какъ положеніе народа тамъ такъ ужасно, что никакая пропаганда тамъ невозможна, немыслима даже. На нелегальное положеніе я перешелъ въ 79 г. Между прочимъ, я дѣйствительно жилъ на Б. Подъяческой, но съ кѣмъ,—не хочу назвать, равно какъ не желаю сообщать и того, что я тамъ дѣлалъ. Арестованъ былъ на улицѣ послѣ знаменитаго распоряженія петербургскаго градоначальни-

ка хватать всѣхъ и каждаго безъ разбора, и былъ доставленъ въ полицію къ градоначальнику. Такъ какъ я не хотѣлъ назвать своего имени, то меня выставили здѣсь на видное мѣсто и стали предъявлять всѣмъ петербургскимъ дворникамъ съ цѣлью узнать мое имя и адресъ; мнѣ грозили запереть меня навѣки въ подземный казематъ, старались соблазнить прощеніемъ и т. п; на ночь посадили меня съ двумя городовыми, которые все время меня ругали, не давали спать, били».

Первоприсутствующій: «Это къ дѣлу не относится».

Исаевъ: «Какъ вамъ угодно. Тогда спрашивайте, что тамъ вамъ нужно. У Люстига былъ всего 2 раза, а послѣ того, какъ отъ него былъ взятъ печатный станокъ, ни разу даже его не видалъ. Вещи, найденныя у меня, признаю за мои».

Сухановъ (ужасно взволнованъ, говоритъ какъ бы захлебываясь, защитники нѣсколько разъ подаютъ ему воды): «Да, я признаю себя виновнымъ. Начавшееся движеніе и дѣятельность партіи я понималъ такимъ образомъ, что партія сознаетъ крайне тяжелое экономическое положеніе русскаго народа, положеніе настолько тягостное, что не даетъ даже возможности улучшаться; помочь этому и составляло, какъ я это понимаю, задачу партіи. Но нельзя прямо непосредственно улучшить экономическое положеніе,—необходимо раньше добиться хоть какого-нибудь улучшенія въ положеніи политическомъ, получить хоть нѣсколько политической свободы, чтобы затѣмъ уже приложить свои силы на пользу народа. Къ этому партія и должна была стремиться. Ближайшею, слѣдовательно, цѣлью стремленій и усилій партіи должно было быть достиженіе политической свободы, политическихъ правъ, представительнаго правленія. Только тогда уже можно было бы говорить о дальнѣйшихъ реформахъ и, конечно, прежде всего слѣдовало бы подумать о самыхъ необходимыхъ, самыхъ неотложныхъ нуждахъ, позаботиться, такъ сказать, объ устояхъ дальнѣйшаго. А устои эти слѣдующіе, по крайней мѣрѣ, мнѣ представлялись такими: 1) коренное измѣненіе системы податей, 2) широкая организація земскаго самоуправленія и 3) общее и даровое обученіе. Это совершенно необходимо, и это должно быть ближайшею задачею, такъ какъ только это можетъ улучшить матеріально бытъ народа, можетъ, такъ сказать, дать хлѣбъ народу, а именно хлѣбъ-то и нуженъ и изъ-за него-то и началось, и идетъ все дѣло; династическій же вопросъ совершенно чуждъ партіи.

Впрочемъ, все это я говорилъ только за самого себя. Я такъ думаю. Къ партіи я примкнулъ активно весьма недавно и не знаю хорошенько, быть можетъ, члены партіи и иначе смотрятъ на это, но я такъ смотрѣлъ, такъ понималъ, это было цѣлью для меня. Тяжело народу нашему—это всѣмъ извѣстно: земли у него нѣтъ, хлѣба нѣтъ; и обученіе тоже необходимо ему. Повторяю, династическій вопросъ вовсе не касается партіи; ей необходимо было поставить нѣкоторыя условія, такія, чтобы народъ, весь народъ, получилъ возможность развиваться, улучшать свое положеніе. Это и все. Проповѣдованіе общности имущества, отрицаніе собственности, семейнаго начала и т. п.,—этого ничего ровно нѣтъ въ партіи; чужая собственность, напримѣръ, для всѣхъ членовъ партіи—вещь священная, гораз-

до болѣе священная, чѣмъ для другихъ людей. Я собственно очень недолго участвовалъ въ дѣлахъ партіи, ни къ какой организаціи я не принадлежалъ, такъ что все, что я говорю, это я говорю не какъ человѣкъ партіи, а какъ посторонній. Это мое личное мнѣніе. Я являюсь въ этомъ случаѣ какъ бы голосомъ изъ публики. Партія и образовалась и избрала извѣстный путь подъ вліяніемъ текущихъ грустныхъ событій, не сама по себѣ. Когда я проѣзжалъ черезъ Сибирь, я видѣлъ цѣлыя массы, сотни, тысячи людей ссылаемыхъ туда административно, несчастныхъ, измученныхъ и когда я спрашивалъ, за что ихъ ссылаютъ, мнѣ говорили, что не знаютъ; ихъ ссылали такъ, ни за что Я видѣлъ мальчиковъ лѣтъ 17—18 которыхъ цѣлыми вагонами увозили туда... Я самъ все это видѣлъ, своими глазами... тяжело это. Террористическій путь не выбранъ партіей, но его вынудили, натолкнули, чтобы послѣ въ мутной водѣ ловить рыбу. Посмотрите, напр., на эти студенческія исторіи, безпорядки: развѣ могутъ они сколько-нибудь вредить государству, быть ему опасными, а между прочимъ ихъ всякій разъ старательно превращаютъ чуть-ли не въ бунтъ студентовъ, молодежь арестуютъ, исключаютъ, высылаютъ. Вотъ здѣсь-то, въ такомъ образѣ дѣйствій и лежатъ причины, побудившія партію вступить на путь террора.

Воспитывался я первоначально въ гимназіи, затѣмъ въ Морскомъ Училищѣ; кончилъ здѣсь курсъ и вышелъ въ офицеры Кромѣ того, впослѣдствіи я былъ еще въ Кронштадтскихъ минныхъ классахъ, гдѣ также кончилъ курсъ».

Первоприсутствующій: «Отчего вы, человѣкъ, получившій извѣстное образованіе, не вложили своего труда въ разработку интересовавшихъ васъ вопросовъ законнымъ путемъ, напр., въ литературѣ?»

Сухановъ: «Я—не литераторъ и думаю, что я и неспособенъ къ этому. Затѣмъ я больше занимался науками естественными и математическими, это—мои любимые предметы, моя спеціальность, такъ что если я мечталъ сдѣлать что-нибудь для науки, то именно въ этой отрасли. Правда, и экономическіе вопросы интересовали меня, я болѣе или менѣе изучалъ и этотъ предметъ Я читалъ Васильчикова, Янсона, читалъ доклады губернаторовъ, въ которыхъ прямо говорится, что подати у насъ превышаютъ платежныя силы. У насъ вообще есть довольно много прекрасныхъ вещей, но это только на бумагѣ, а на практикѣ болѣе занимаются ловлей и преслѣдованіемъ политическихъ преступниковъ, которыхъ зачастую сами же придумываютъ.

Самъ я пришелъ къ сознанію необходимости того пути, которымъ шелъ совсѣмъ случайно. Вѣдь, странно собственно, что человѣкъ такого сословія, какъ я, офицеръ, находится здѣсь. Я вовсе не желаю оправдываться передъ вами: надо мной тяготѣетъ такое тяжелое обвиненіе, и я самъ такъ сознаю всю тяжесть его, что страшно мнѣ было бы думать объ оправданіи, или снисхожденіи; нѣтъ, я хотѣлъ бы только объяснить, какъ все это вышло, какъ я дошелъ до этого.

Отецъ мой былъ докторомъ. Въ городѣ, гдѣ мы жили, всѣ его очень любили и уважали, «*нашъ*» докторъ, говорили про него всегда

жители; когда я много лѣтъ спустя пріѣзжалъ туда, меня встрѣчали всегда очень радушно и называли—«сынъ нашего доктора». Отецъ по смерти оставилъ по себѣ очень хорошую память, и я дорожилъ его именемъ. Въ домѣ у насъ и между собою и къ другимъ всегда были самыя хорошія, честныя отношенія; въ такомъ направленіи и воспитывала меня мать. Когда я вышелъ въ офицеры, меня очень скоро послѣ того отправили съ эскадрой на Амуръ; при этомъ мнѣ предлагали назначить меня распорядителемъ (казначеемъ) на томъ суднѣ, гдѣ я служилъ; но я, слышавши не разъ о различныхъ злоупотребленіяхъ и непріятностяхъ, сопряженныхъ съ этою должностью, постоянно отказывался отъ этого. Но меня все же назначили; судно наше должно было выступить въ 10 час., а въ 9, не предупредивши меня, мнѣ принесли приказъ о моемъ назначеніи, такъ что отказаться я уже не могъ. Помня завѣтъ отца и матери, я считалъ обязанностью исполнять добросовѣстно, какъ я понималъ это, всѣ возложенныя на меня порученія. Здѣсь начался цѣлый рядъ безпрестанныхъ недоразумѣній между мною и командиромъ. Наконецъ, на одной изъ стоянокъ дѣло дошло до серьезной непріятности между нами Мы должны были принять большой грузъ каменнаго угля и кокса. Командиръ сообщилъ мнѣ, что хочетъ отдать поставку этого угля хозяину гостиницы, гдѣ мы стояли, за его любезное къ намъ отношеніе. Я возразилъ на это, что лучше въ такомъ случаѣ сдѣлать хозяину какой-нибудь подарокъ, а поставку вести обыкновеннымъ путемъ, и отказался вообще отъ этого. Несмотря на это, однажды ночью, въ мое отсутствіе, уголь былъ привезенъ и нагруженъ на судно. Уголь оказался очень дурнымъ и поставленъ былъ по крайне дорогимъ цѣнамъ, а между тѣмъ командиръ его принялъ, и даже консулъ утвердилъ цѣны. Я не могъ согласиться на это и считалъ своимъ долгомъ довести объ этомъ до свѣдѣнія начальства. Но прежде я пошелъ къ командиру и просилъ его перемѣнить распоряженіе, говоря, что иначе я долженъ буду сообщить объ этомъ. Командиръ сначала испугался, сказалъ, что подумаетъ, просилъ подождать, но потомъ, переговоривши съ товарищами, не только не отмѣнилъ распоряженія, но даже подалъ на меня рапортъ адмиралу, обвиняя меня въ неповиновеніи и неуваженіи къ начальству. Меня отдали подъ судъ. Хотя по суду меня оправдали, и даже адмиралъ по моей просьбѣ назначилъ слѣдственную комиссію, которая признала всѣ мои показанія справедливыми, но съ этихъ поръ мнѣ уже было не житье во флотѣ: меня начали переводить съ судна на судно, товарищи смотрѣли на меня косо; пріѣхалъ новый командиръ, меня начали травить, какъ звѣря. Здѣсь теперь мнѣ худо, но тогда было гораздо хуже. Меня всѣми путями преслѣдовали, гнали, взыскивали, обращались какъ съ мошенникомъ, воромъ, назначали на такія мѣста и давали такія порученія, которыя вообще считается унизительнымъ, позорнымъ исполнять офицеру, а прежній командиръ отдѣлался только тѣмъ, что ему дали другое судно. Послѣ этого я рѣшилъ болѣе не заниматься распорядительской частью По суду меня хотя и оправдали, но все равно послѣ подвергли дисциплинарному взысканію на 1 годъ; это мнѣ было все равно, такъ какъ я вообще не карьеристъ, но, во всякомъ случаѣ, жизнь моя на Амурѣ стала уже невыносимою,

и я выпросилъ себѣ переводъ въ Кронштадтскій флотъ. Когда я пріѣхалъ въ Кронштадтъ, молва, пущенная обо мнѣ, уже достигла сюда раньше меня, и меня встрѣтили здѣсь весьма нерадушно. Трудны были условія моей жизни. Я не человѣкъ идеи, и всѣ окружающія впечатлѣнія на меня сильно дѣйствовали. Въ 79 году арестовали мужа моей сестры, за что—я не знаю; знаю только, что онъ былъ самый мирный человѣкъ, а между тѣмъ его все-таки выслали. На сестру это очень сильно подѣйствовало, она заболѣла, у нея сдѣлались преждевременные роды. Все это не могло не подѣйствовать также сильно и на меня. Я сталъ искать выхода изъ тяжелыхъ окружающихъ условій и не могъ найти другой дѣятельности, гдѣ можно бы было работать и жить; тогда я согласился принять участіе въ дѣлахъ партіи, зная очень хорошо, къ чему это поведетъ и чѣмъ все это кончится. Я не обращалъ вниманія, на службѣ я или нѣтъ; я понимаю, что я далъ присягу, но мнѣ это вовсе не казалось сравнительно такимъ важнымъ».

Перерывъ съ 2 ч. 10 м. до 2 ч. 55 м.

Терентьева: «Я не признаю себя виновною въ приписываемыхъ мнѣ преступленіяхъ такъ, какъ они формулированы въ обвинительномъ актѣ. Такъ, я не признаю себя виновной въ тайной кражѣ изъ Херсонскаго казначейства. Вообще, въ обвинительномъ актѣ изложено весьма неточно. Я еще съ гимназіи сочувствую цѣлямъ партіи, изложеннымъ всего лучше въ «Письмѣ къ Императору Александру III». По тѣмъ же побужденіямъ я принимала участіе въ Херсонскомъ покушеніи, такъ какъ деньги, находящіяся тамъ, принадлежатъ, по моему мнѣнію, всему народу и могли быть взяты для дѣла народа. Часть денегъ, взятыхъ мною, я увезла совсѣмъ не тайно, какъ сказано въ обвинительномъ актѣ, потому что ѣхала я на пароходѣ съ ними днемъ, въ большомъ обществѣ, совершенно явно. По выходѣ изъ гимназіи я занималась тѣмъ, что давала уроки; жила въ это время на счетъ своихъ родныхъ, а не на средства революціоннаго фонда, такъ какъ эти деньги употребляются только на дѣла въ пользу народа. Съ тѣхъ же поръ, какъ я жила на конспиративныхъ квартирахъ и дѣйствовала по порученію Исполнительнаго Комитета, я, дѣйствительно, жила на средства революціоннаго фонда и считала себя вправѣ тратить эти деньги (народныя) на себя, такъ какъ была глубоко убѣждена въ пользѣ для народа своей дѣятельности. Жила я въ Петербургѣ на разныхъ квартирахъ, подъ различными именами и признаю то, что сказано объ этомъ и о моемъ арестѣ въ обвинительномъ актѣ».

Исаевъ: «Въ обвинительномъ актѣ сказано, что на квартирѣ Терентьевой былъ найденъ снарядъ той же системы, что и 1-го марта. Это невѣрно: снарядъ, дѣйствительно, былъ найденъ, но совсѣмъ иной системы».

Первоприсутствующій по ошибкѣ обращается съ вопросомъ о принадлежности къ тайному сообществу вторично къ Якимовой.

Якимова: «Меня уже спрашивали; впрочемъ, если хотите, я разскажу еще разъ».

Первоприсутствующій: «Нѣтъ, это я ошибся. Садитесь».

Лангансъ: «Я никогда не принадлежалъ и не принадлежу ни къ какому тайному сообществу. Я—соціалистъ по своимъ убѣжденіямъ

ямъ. Въ Россіи, я думаю, найдется, по меньшей мѣрѣ, нѣсколько сотъ тысячъ человѣкъ такихъ же убѣжденій, какъ я, и я о нихъ-то и говорилъ какъ о партіи, къ которой принадлежу, точно такъ же, какъ говорятъ о либералахъ, консерваторахъ, славянофилахъ и т. п.; здѣсь нѣтъ и рѣчи ни о какомъ тайномъ сообществѣ, и къ тайному сообществу я и не принадлежу, хотя и раздѣляю убѣжденія соціалистовъ.

Я бы желалъ нѣсколько болѣе подробно сообщить біографическія свѣдѣнія о себѣ. По окончаніи курса въ Херсонской гимназіи, я поступилъ въ Технологическій Институтъ. Пробывши здѣсь нѣсколько мѣсяцевъ, я задумалъ измѣнить систему изданія лекцій; насъ въ это время сильно эксплуатировалъ одинъ полякъ. Я предложилъ товарищамъ издавать лекціи сообща; это вышло и дешевле и много лучше. Вскорѣ въ институтѣ начались волненія среди студентовъ. Студенты желали имѣть свою библіотеку, буфетъ, выборныхъ депутатовъ отъ курсовъ для участія въ комиссіи раздачи пособій недостаточнымъ студентамъ; начались сходки, и начальство вскорѣ уступило, согласившись на требованія студентовъ. Впрочемъ, изъ этого представительства ничего не вышло: дѣло и послѣ шло, какъ и раньше. Мнѣ въ это время въ Петербургѣ было очень трудно жить: средствъ у меня не было и единственнымъ источникомъ существованія былъ одинъ урокъ, за который я получалъ 10 руб. въ мѣсяцъ. Усиленныя занятія, плохія условія жизни, дурной климатъ,—все это сильно изнурило мое, и безъ того слабое, здоровье, и я, не дождавшись даже экзаменовъ, долженъ былъ уѣхать на югъ, въ Херсонъ. Здѣсь я прожилъ годъ, давая уроки. Въ это время я предложилъ кое-кому устроить здѣсь библіотеку, для чтенія недостаточнымъ юношамъ, такъ какъ таковой въ Херсонѣ не было. Мысль эта понравилась; библіотека возникла и стала быстро процвѣтать. Книги въ ней были исключительно только легальныя; впрочемъ, въ то время и вообще на югѣ не слышно еще даже было о нелегальныхъ сочиненіяхъ. Что сдѣлалось съ этой библіотекой потомъ, я не знаю. Черезъ годъ я получилъ приглашеніе въ Одессу, затѣмъ мѣсто учителя русскаго языка и словесности въ 4-хъ-классномъ реальномъ училищѣ, принадлежащемъ лютеранской общинѣ. Я принялъ это мѣсто и переѣхалъ въ Одессу, но недолго оставался здѣсь Занятія эти оказались для меня крайне изнурительными: классовъ было очень много, уроковъ у меня была цѣлая масса, это очень утомляло, и я вскорѣ совсѣмъ лишился голоса. Въ это послѣднее время я много занимался и познакомился съ литературой русской и иностранной.

Теперь я уже могъ составить себѣ болѣе или менѣе опредѣленное представленіе о соціализмѣ, какъ о наукѣ. Это было въ 73 г. И прежде, и теперь, благодаря строгости цензуры, въ обществѣ всегда вращается много-много запрещенныхъ книгъ; мнѣ также попадались онѣ въ руки, и я, такимъ образомъ, ознакомился съ сочиненіями Лассаля, Маркса, Шефле и многихъ другихъ. Я составилъ себѣ понятіе о западномъ соціализмѣ, и ученіе это мнѣ нравилось, какъ въ высшей степени гуманное, предоставляющее всѣмъ людямъ одинаковыя права; любовь же къ человѣчеству была мною всосана, могу сказать, съ молокомъ матери. О матери моей у меня осталось самое теплое

воспоминаніе: она была очень добрая женщина, и оказывала много помощи сосѣднимъ крестьянамъ; быть можетъ, здѣсь-то и родилась моя любовь къ соціализму. Въ это время во мнѣ родилось стремленіе къ самовоспитанію. Въ среднихъ классахъ общества вообще труду физическому придается весьма мало значенія, а я теперь хотѣлъ прежде всего поставить себѣ физическій трудъ серьезною задачей, не развлеченіемъ только. Вмѣстѣ съ однимъ своимъ товарищемъ, Маковымъ, я выбралъ себѣ бочарный трудъ, какъ болѣе подходящій къ моимъ силамъ. И вотъ мы рѣшили устроить мастерскую. Къ тому же мнѣ вообще хотѣлось теперь поближе познакомиться съ народомъ, но ни о какихъ революціонныхъ идеяхъ въ это время я вовсе и не думалъ. Я нанялъ рабочаго, и мы устроили мастерскую въ Екатеринославской губерніи. Мастерская пошла блистательно, работа удавалась, сбытъ тоже устроился очень хорошо, такъ что все шло отлично. Такъ продолжалось нѣсколько мѣсяцевъ. Жилъ я въ это время подъ своимъ именемъ. Вдругъ я былъ арестованъ. Арестъ мой произошелъ, благодаря совершенно случайному обстоятельству. Невдалекѣ отъ моей мастерской жилъ нѣкто Франжоли, съ которымъ я былъ знакомъ и у котораго бывалъ довольно часто Съ нимъ мы разговаривали о всевозможныхъ предметахъ, въ томъ числѣ, конечно, и о соціальныхъ ученіяхъ. Однажды у этого Франжоли пробылъ нѣсколько дней братъ его знакомаго, Костюринъ, 17-лѣтній мальчикъ, случайно вывихнувшій себѣ въ это время ногу. Этотъ-то молодой мальчикъ впослѣдствіи почему-то и оговорилъ и меня, и Франжоли, и насъ обоихъ арестовали. Въ это время всему придавали политическій характеръ; такъ взглянули и на мою мастерскую и немедленно же обвинили меня въ участіи въ тайномъ сообществѣ. Черезъ полгода молодой Костюринъ измѣнилъ свое показаніе, заявивъ, что онъ неправильно оговорилъ насъ; тогда его арестовали самого и посадили въ тюрьму на $1^1/_2$ года, а меня, несмотря на то, что Костюринъ отказался отъ своихъ словъ, единственно только и уличавшихъ меня, держали $3^1/_2$ года въ тюрьмѣ и затѣмъ привлекли къ процессу 193-хъ. У меня не было найдено ничего преступнаго, книги только легкаго содержанія; сосѣдніе крестьяне дали обо мнѣ самые хорошіе отзывы, да и пропаганды никакой вообще не оказалось, такъ что судъ, конечно, меня оправдалъ, но $3^1/_2$ года я все-таки просидѣлъ въ тюрьмѣ. По выходѣ изъ тюрьмы, я, недѣли черезъ 2—3, уѣхалъ въ Одессу. Грудь у меня всегда была слабая, за время заключенія развилось кровохарканье, которое теперь замѣтно усилилось, и доктора послали меня на южный берегъ Крыма. По возвращеніи въ Одессу я поступилъ корректоромъ въ газету «Правда», но здоровье не позволяло продолжать это занятіе; я сталъ искать другой работы и, наконецъ, получилъ урокъ у помѣщика Берендса. У этого помѣщика я прожилъ мѣсяца 3—4. Наконецъ, здоровье мое настолько разстроилось, что мнѣ приходилось серьезно подумать о немъ. Мнѣ совѣтовали обратиться къ одному кіевскому профессору, но къ несчастью по моему паспорту мнѣ между прочимъ было запрещено жить и въ Кіевѣ. Все же въ концѣ концовъ я рѣшился поѣхать туда только на одинъ день, посовѣтоваться съ докторомъ. Но едва я пріѣхалъ сюда и остановился у своего знакомаго Рябкова, какъ меня

арестовали. Это было 28 апрѣля 79 г. Въ полиціи меня предъявили 2-мъ городовымъ, пріѣхавшимъ изъ Петербурга, и одинъ изъ нихъ заявилъ, что это, навѣрное, я стрѣлялъ въ государя 2-го апрѣля. Впрочемъ, мнѣ вскорѣ удалось доказать имъ, что я не имѣю никакого отношенія къ этому дѣлу, и они оставили меня тогда въ покоѣ, но зато заподозрили въ томъ же Рябкова. 30-го апрѣля меня отправили административнымъ порядкомъ въ г. Мценскъ, гдѣ я и просидѣлъ 7 мѣсяцевъ, а Рябкова, исключительно только за знакомство со мною, сослали административнымъ же порядкомъ въ Восточную Сибирь. Черезъ 7½ мѣсяцевъ меня безъ всякихъ объясненій переслали въ Пруссію. . . . . .

Вотъ вся моя, если хотите, революціонная дѣятельность».

Лебедева: «Я признаю, что принадлежу къ партіи Народной Воли, во главѣ которой стоитъ Исполнительный Комитетъ, а я состою его агентомъ; въ качествѣ такого агента я, дѣйствительно, принимала участіе въ предпріятіяхъ партіи, перечисленныхъ въ обвинительномъ актѣ. Такъ, я поселилась на одной желѣзной дорогѣ въ качествѣ сторожихи, жены Фроленко, съ цѣлью взорвать поѣздъ, на которомъ долженъ былъ ѣхать государь, и при этомъ повторяю, на мою долю участія приходилось замкнуть токъ батареи при самомъ проходѣ поѣзда. Я не понимаю, почему Фроленко какъ бы отрицаетъ это и говоритъ, что онъ самъ долженъ былъ исполнить это: онъ по своей служебной обязанности даже и не могъ бы исполнить этого, такъ какъ по инструкціи всѣ служащіе должны были быть на линіи, а токъ слѣдовало замкнуть въ будкѣ. Затѣмъ я принимала участіе въ приготовленіи динамита и въ Кишиневскомъ предпріятіи. При этомъ я считаю нужнымъ замѣтить, что отъѣздъ нашъ изъ Кишинева произошелъ вовсе не изъ боязни преслѣдованій со стороны полиціи, а просто потому, что въ это время пришло распоряженіе Исполнительнаго Комитета прекратить работу. Паспорты у насъ были совсѣмъ хороши, доказательствомъ чему можетъ служить то, что мы съ этими же самыми паспортами жили затѣмъ въ Петербургѣ. Здѣсь, въ Петербургѣ, я узнала о производящихся приготовленіяхъ къ дѣлу 1 марта. Личное мое участіе въ этомъ дѣлѣ было крайне ничтожно, такъ что, собственно говоря, я могла бы и не касаться этого вопроса. Исполнительный Комитетъ не могъ, конечно, мнѣ, какъ женщинѣ, предоставить работу въ подкопѣ, или въ дѣлѣ съ метательными снарядами; къ тому же ко времени моего пріѣзда все это было уже готово, и я только по собственной иниціативѣ, помимо Исполнительнаго Комитета, добровольно помогала Перовской. Этимъ сознаніемъ я хочу опровергнуть показаніе Гольденберга, будто бы я не сочувствовала цареубійству; напротивъ, въ данное время я вполнѣ сознательно и совершенно добровольно принимала въ немъ участіе. . . . . .

Воспитывалась я въ Николаевскомъ Институтѣ и по окончаніи тамъ курса получила кандидатскій дипломъ, равняющійся женскому университетскому диплому. По выходѣ оттуда, я поселилась у брата и занималась уроками, отнимавшими у меня почти цѣлый день. Воспитаніе, полученное мною въ Институтѣ, дало мнѣ, конечно, очень мало умственнаго развитія, и я старалась чтеніемъ и занятіями по-

полнить недостающее мнѣ. Частые уроки отнимали очень много времени, къ тому же и самый трудъ такого рода я считала недостаточно производительнымъ; мнѣ хотѣлось работать на болѣе широкомъ поприщѣ. Я стала искать себѣ мѣста народной учительницы, но мнѣ повсюду отказывали, находя подозрительнымъ, что женщина, имѣющая дипломъ высшаго учебнаго заведенія, дающій, слѣдовательно, болѣе правъ, стремилась сдѣлаться народной учительницей. Поэтому мнѣ всячески препятствовали, выдумывали для отказа различныя причины, между прочимъ, придумали вдругъ потребовать отъ меня, несмотря на мой дипломъ, еще свидѣтельство на званіе сельской учительницы. Наконецъ, мнѣ удалось получить мѣсто учительницы въ школѣ, въ одномъ благотворительномъ заведеніи, но и здѣсь я пробыла очень недолго, такъ какъ съ самаго же начала ко мнѣ начали относиться крайне недоброжелательно; начались всевозможныя придирки, за каждымъ моимъ шагомъ подозрительно слѣдили, черезъ мѣсяцъ я должна была уже уйти отсюда. Въ это время уже началось петербургское движеніе 74 г. Нѣкоторые изъ дѣятелей пріѣхали въ Москву, и здѣсь я познакомилась съ Кравчинскимъ, Клеменсомъ, Перовскою и нѣкоторыми другими Исходя изъ того же желанія помочь народу, мы нѣсколько различно смотрѣли на тотъ путь, которымъ слѣдовало итти все время, путь акушерокъ, докторовъ. Они смотрѣли на это нѣсколько шире и рѣшили превратиться въ простолюдиновъ и въ такомъ видѣ уже итти въ народъ. Съ этихъ поръ я кореннымъ образомъ перемѣнила образъ жизни, порвала со всѣмъ, прекратила всякія сношенія съ семьей и переѣхала въ меблированныя комнаты (на Моховой). Я не желала еще уѣзжать изъ Москвы, такъ какъ чувствовала нѣкоторые пробѣлы въ своемъ образованіи и осталась, чтобы пополнить ихъ и свести больше знакомствъ. Съ этою послѣднею цѣлью я приняла къ себѣ на храненіе студенческую библіотеку, и у меня ради этого собиралось много молодежи. Первоначально въ библіотекѣ были только легальныя книги, но затѣмъ, благодаря расширяющимся знакомствамъ, я получила, наконецъ, возможность достать и хранить массу нелегальныхъ сочиненій. Народу собиралось у меня очень много, такъ что мнѣ даже оставалось мало времени для собственныхъ занятій. Все это въ концѣ концовъ обратило вниманіе полиціи, я была арестована и просидѣла 8 мѣсяцевъ въ заключеніи, пока братъ не взялъ меня на поруки. Теперь я на основаніи слова, даннаго мною брату, совершенно оставила путь, на который было вступила и почти 2 года прожила у брата въ деревнѣ, не поддерживая никакихъ отношеній ни съ кѣмъ изъ прежнихъ знакомыхъ и не занимаясь ничѣмъ запрещеннымъ. Къ концу этого времени, во время послѣдней турецкой кампаніи, я стала готовиться къ испытанію на званіе сестры милосердія, выдержала его, получила свидѣтельство и начала искать себѣ мѣсто въ какомъ-нибудь санитарномъ отрядѣ. Это было не легко, но, наконецъ, меня таки приняли къ д-ру Малахову, и я уже должна была отправиться, какъ вдругъ, какъ разъ наканунѣ отъѣзда, меня арестовали, немедленно отправили въ Петербургъ и привлекли къ процессу 193-хъ. По суду меня признали виновною и присудили къ ссылкѣ на поселеніе, но вмѣнили въ наказаніе прежнее содержаніе въ тюрьмѣ и выпустили изъ-подъ

ареста. Теперь уже я опять вернулась на прежній путь, вступила въ сношенія съ молодежью и приняла участіе въ начавшемся движеніи. Процессъ Засуличъ произвелъ здѣсь извѣстное броженіе, послѣ чего начались массами аресты и высылки, и почти всѣхъ моихъ знакомыхъ разослали по разнымъ мѣстамъ. Мнѣ самой удалось остаться. Послѣдовавшее затѣмъ убійство Мезенцева повлекло за собою новые обыски и аресты, и въ это время была арестована и я. Но меня продержали только 2 дня и выпустили, все же, впрочемъ, съ этого времени я уже не чувствовала себя безопасной: мнѣ ежеминутно грозила административная высылка, и потому теперь я порѣшила совершенно покончить со своею легальною жизнью и уѣхала въ Москву уже подъ чужимъ именемъ. Здѣсь я по-прежнему посѣщала различные студенческіе кружки, и здѣсь же впервые познакомилась съ Рейнштейномъ. Это былъ человѣкъ для меня въ то время очень интересный; у него всегда былъ большой складъ различныхъ подпольныхъ изданій, русскихъ и заграничныхъ, масса поддѣльныхъ документовъ, которыми онъ снабжалъ нуждающихся, печатей; все это указывало на его близкія связи съ соціалистами, и все это интересовало меня. Я постаралась съ нимъ сблизиться; къ тому же онъ прельщалъ меня, какъ ловкій энергичный пропагандистъ, дѣятель среди рабочихъ. Онъ уговаривалъ и меня принять участіе въ этой пропагандѣ, убѣждалъ, что совѣстно такъ жить и безучастно смотрѣть на совершающееся вокругъ угнетеніе низшихъ классовъ Между прочимъ, онъ хотѣлъ устроить въ Москвѣ тайную типографію и пригласилъ меня принять въ ней участіе, на что я и согласилась, какъ вдругъ получила извѣстіе, что онъ—шпіонъ. Я тотчасъ же выѣхала и скрылась изъ Москвы, а затѣмъ узнала, что его убили.

Я поѣхала въ Саратовъ. Здѣсь жили въ это время совсѣмъ другіе люди. Они подъ видомъ учителей, волостныхъ писарей, докторовъ и т. п., занимая легальное положеніе, занимались пропагандой, старались работать на пользу народа. Я приняла участіе въ ихъ работѣ, но уже видно было, что дѣятельность ихъ не особенно производительна, такъ какъ во всякомъ случаѣ никогда не могла избавить людей отъ всѣхъ тяжелыхъ окружающихъ ихъ условій. Въ это время произошло покушеніе 2 апрѣля, и я вскорѣ увидѣла уже новое направленіе въ партіи. Вызванная затѣмъ Перовской въ Харьковъ, я здѣсь узнала о происшедшемъ раздѣленіи партіи и рѣшила примкнуть къ партіи террористовъ. Рѣшеніе это было принято мною совершенно сознательно и добровольно.

О дальнѣйшемъ я уже разсказывала, прибавлю только нѣсколько словъ: Сухановъ сказалъ, что онъ меня совсѣмъ не знаетъ. Онъ, вѣроятно, позабылъ; я, дѣйствительно, мало знаю его, но все же я ему помогала при снаряженіи мины для Малой Садовой и при собираніи метательныхъ снарядовъ».

Емельяновъ: «Я никакъ не могу признать своей принадлежности къ партіи. Я, дѣйствительно, былъ знакомъ съ нѣкоторыми членами партіи, но самъ никогда къ ней не принадлежалъ. Во второй половинѣ 79 г. у одного изъ своихъ товарищей я познакомился съ Кибальчичемъ. Черезъ него я получалъ различныя подпольныя изда-

нія, которыя меня, конечно, какъ и всякаго другого, интересовали Вообще, отношенія съ Кибальчичемъ у меня были очень близкія, дружественныя, онъ часто бывалъ у меня и нерѣдко помогалъ мнѣ въ моихъ занятіяхъ по химіи и высшей математикѣ. Вскорѣ я былъ посланъ отъ училища за границу для усовершенствованія въ своей спеціальности—работѣ по дереву. Отношенія съ Кибальчичемъ, такимъ образомъ, прекратились. За границей я пробылъ недѣлю: по совѣту докторовъ я долженъ былъ оставить свои прежнія занятія и въ ноябрѣ вернулся въ Петербургъ съ тѣмъ, чтобы заняться сельскимъ хозяйствомъ и поступить въ Лѣсной Институтъ. Я прожилъ около мѣсяца у знакомыхъ, а затѣмъ нанялъ себѣ квартиру на Новой улицѣ и поселился здѣсь. Мнѣ хотѣлось возобновить знакомство съ Кибальчичемъ, но я долго не могъ найти его и, наконецъ, только въ декабрѣ, на одномъ студенческомъ балѣ, я случайно встрѣтился съ нимъ. Я просилъ его бывать у меня по прежнему и сообщить мнѣ свой адресъ; адресъ свой онъ мнѣ далъ, но ко мнѣ ходить отказался, сказавши, что онъ нелегальный и не желаетъ меня компрометировать своими посѣщеніями. Почему онъ нелегальный,—я не зналъ, равно какъ не зналъ и его отношеній къ партіи. Я сталъ бывать у него, бралъ у него нѣсколько разъ для прочтенія разныя революціонныя изданія и просилъ его познакомить меня съ другими членами партіи. Онъ меня познакомилъ, напримѣръ, съ Саблинымъ, видѣлъ я у него также и Желябова, но разговоровъ съ ними никогда особыхъ не имѣлъ. Саблина я также приглашалъ къ себѣ, съ намѣреніемъ получать и отъ него запрещенныя изданія, но онъ также отказался, сказавши, что переѣзжаетъ на другую квартиру. По порученію Кибальчича я былъ разъ у Саблина въ Телѣжной улицѣ, принесъ ему книгу, животную химію Одисинга. Саблинъ въ это время былъ дома и одинъ. Затѣмъ къ нему пришелъ человѣкъ, похожій на Меркулова, но я съ нимъ не разговаривалъ. Послѣ сюда же пришелъ и Рысаковъ, и Саблинъ меня съ нимъ познакомилъ, назвавши меня Иваномъ, а затѣмъ Сугубымъ, а Рысакова—Николаемъ. Но и съ Рысаковымъ, какъ и съ Меркуловымъ, я не разговаривалъ, а говорилъ только съ Саблинымъ о литературѣ и пробылъ у него часа $1^1/_2$. Уходя я сообщилъ Саблину свой адресъ и больше никогда у него не былъ. Рысакова послѣ этого я видѣлъ еще одинъ разъ въ кухмистерской, Меркулова же не видалъ ни разу; Кибальчича встрѣтилъ 4 марта около лавки Кобозева, въ числѣ любопытныхъ, стоявшихъ тамъ. За границей я также встрѣчался съ нѣкоторыми эмигрантами на улицѣ или въ café, напр., съ Драгомановымъ, но никогда съ ними не разговаривалъ. Арестованъ я былъ 14 апрѣля 81 г. День 1 марта я провелъ такимъ образомъ: съ 10 ч. утра и до 2 ч. я пробылъ въ кабинетѣ для чтенія Комарова, куда часто заходилъ читать газеты и журналы, а затѣмъ отправился домой переодѣться, чтобы итти обѣдать къ знакомымъ; здѣсь маленькій сынъ хозяйки сообщилъ мнѣ о происшествіи 1-го марта, и я вмѣстѣ съ нимъ вышелъ на улицу и спрашивалъ у газетчика и у дворника, нѣтъ ли правительственнаго сообщенія о происшествіи. Затѣмъ отправился на Екатерининскій каналъ къ мѣсту происшествія, которое уже было огорожено рогатками; отсюда пошелъ опять въ кабинетъ Комарова прочитать прави-

тельственное сообщеніе, такъ какъ газетчики продавали его очень дорого, а въ 9 ч. вечера я вернулся домой. 14 апрѣля утромъ я пошелъ къ знакомымъ и пробылъ тамъ до 5—6 ч. вечера; оттуда вышелъ на Невскій погулять и здѣсь замѣтилъ двухъ лицъ, которыя слѣдили за мной. Я могъ бы легко уйти и скрыться отъ нихъ, но не сдѣлалъ этого, потому что не сознавалъ за собою никакого проступка. Одинъ изъ слѣдившихъ, когда я пришелъ домой, справился обо мнѣ у дворника, а черезъ 2 часа послѣ того у меня сдѣланъ былъ обыскъ, и меня арестовали. Меня оговариваетъ только Рысаковъ; но если даже указанныя имъ примѣты и подходятъ нѣсколько къ моей наружности, зато дальнѣйшія подробности, которыя онъ разсказываетъ, якобы, обо мнѣ, уже нисколько не подходятъ, будто я хорошо знаю толкъ въ оружіи, знакомъ съ какою-то княжной, какимъ-то Шульцемъ; въ оружіи я ровно ничего не понимаю и ни съ какой княжной, ни съ какимъ Шульцемъ не знакомъ.

Перерывъ отъ 5 ч. 10 м. до 7 ч. 30 м.

Первоприсутствующій задаетъ вопросъ Арончику о принадлежности къ партіи.

Арончикъ: «Нѣтъ, я не признаю себя виновнымъ въ этомъ (т. е. въ принадлежности къ партіи). Если тайнымъ сообществомъ называть извѣстную группу лицъ, имѣющихъ извѣстную программу дѣйствій, то къ такому сообществу я никогда не принадлежалъ и никогда ни съ кѣмъ не соглашался ни на какія дѣйствія. Я даже долженъ заявить, что я никогда не раздѣлялъ и не раздѣляю даже и принципіальныхъ убѣжденій фракціи Народной Воли или Чернаго Передѣла. Въ основѣ и той, и другой фракціи лежитъ стремленіе произвести революцію въ Россіи; по моему же мнѣнію, революція вообще можетъ явиться только какъ слѣдствіе извѣстныхъ условій, а сдѣлать ее нельзя: вотъ почему я и не раздѣляю взглядовъ ни той ни другой партіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, я долженъ признать, что по своимъ убѣжденіямъ, я—соціалистъ, но, повторяю, не революціонеръ.

Я желаю коснуться фактовъ, уличающихъ меня. При одномъ изъ покушеній меня обвиняютъ даже какъ содержателя конспиративной квартиры. Уже на судебномъ слѣдствіи раньше я старался опровергнуть это обвиненіе, никакъ не могу признать его и теперь. Въ обвинительномъ актѣ вообще мои показанія переданы не совсѣмъ точно и потому, быть можетъ, иногда представляются противорѣчивыми, между тѣмъ, этого вовсе нѣтъ».

Далѣе онъ сообщилъ нѣкоторыя свѣдѣнія о своей жизни и о своемъ знакомствѣ съ нѣкоторыми членами партіи.

Тюстигъ (худой, средняго роста, нѣмецкій типъ, продолговатое, худое лицо, бѣлокурые, длинные, прямые волосы, жидкіе усы и борода, которую онъ все время пощипываетъ; вообще, очень кроткій видъ) заявилъ:

«Я никогда не принадлежалъ и никто меня никогда не приглашалъ къ участію въ какой нибудь партіи. Печатный станокъ, дѣйствительно, у меня былъ, и деньги я получалъ нѣсколько разъ по просьбѣ Тарасова (Тараса?), въ которомъ я, по предъявленіи мнѣ карточки, узналъ Желябова. Однажды въ обществѣ своихъ знакомыхъ въ апрѣлѣ 79 г. я познакомился съ Петровымъ и заинтересо-

вался имъ; впослѣдствіи, когда я былъ арестованъ, я узналъ, что это Михайловъ. Онъ былъ весьма интересный, очень образованный человѣкъ. Я самъ много занимался политической экономіей и вообще экономическими науками и знаю всѣ классическія сочиненія по этому предмету. Въ военной службѣ я былъ только для отбыванія воинской повинности и, какъ только мнѣ можно было выйти въ отставку, я вышелъ. Въ то же время, приблизительно, я познакомился и съ Полозовымъ (Морозовъ). Самъ я вообще домосѣдъ и никуда не хожу въ гости, но у меня всегда бывало много народу, различныхъ убѣжденій люди, которые меня почему-нибудь интересовали. Своихъ убѣжденій я никогда не скрывалъ, но никогда ихъ, правда, никому и не навязывалъ Когда я познакомился съ Петровымъ и Полозовымъ, я имъ также сообщилъ свой адресъ и просилъ ихъ заходить ко мнѣ. Слѣдующее лѣто, я, уже будучи въ отставкѣ, прожилъ въ Крыму, у матери и только въ августѣ пріѣхалъ въ Петербургъ и поселился на Литейной въ меблированныхъ комнатахъ. Въ сентябрѣ ко мнѣ зашелъ Морозовъ; онъ познакомилъ меня съ Грачевскимъ, а затѣмъ съ Сазиковымъ (онъ оказался Саблинымъ). Затѣмъ всѣ эти лица посѣщали меня, кромѣ Морозова, про котораго мнѣ сказали, что онъ уѣхалъ за границу. Знакомая моя, Кузьмина, съ которою я впослѣдствіи жилъ, была больна въ это время и лежала въ клиникѣ Вилье. Мы условились съ нею, что по выздоровленіи ея будемъ жить вмѣстѣ и, дѣйствительно, наняли съ нею 2 меблированныя комнаты на Литейной. Здѣсь тѣ же лица продолжали посѣщать меня, и Михайловъ однажды привелъ съ собой Тарасова (Желябова). Тарасовъ заинтересовалъ меня, какъ уроженецъ юга, мой землякъ, но, впрочемъ, и вообще онъ былъ весьма симпатиченъ. Уже раньше я замѣтилъ, что лица эти, хотя они мнѣ этого не говорили, преслѣдуются администраціей, и что фамиліи и имена ихъ вымышленныя, поэтому я подъ конецъ не считалъ даже нужнымъ обременять свою память этими фамиліями и даже часто не спрашивалъ ихъ.

Однажды какъ-то зашла у насъ рѣчь о революціонномъ движеніи, замѣчаемомъ въ извѣстной части общества. Желябовъ по этому поводу сообщилъ мнѣ, что партія Народной Воли выработала программу, въ которой требуетъ призыва выборныхъ депутатовъ, свободы сходокъ, свободы слова и печати. При этомъ нѣкоторые другіе сообщили мнѣ, что они также считаютъ своею обязанностью пропагандировать эти идеи. Отсюда я уже вывелъ заключеніе, что они что-то вообще пропагандируютъ, но въ какихъ они отношеніяхъ между собою, составляютъ ли какое-нибудь общество, или о какомъ-нибудь отношеніи ихъ къ Исполнительному Комитету—этого ничего я не зналъ; они мнѣ не говорили. Разъ какъ-то, напр., я спросилъ у нихъ, не знаетъ ли кто-нибудь изъ нихъ чего-нибудь объ участіи Гартмана въ московскомъ покушеніи (тогда объ этомъ писали въ газетахъ), и они мнѣ отвѣтили, что ничего не знаютъ. Въ февралѣ я переѣхалъ на другую квартиру, и здѣсь меня также посѣщали все тѣ же лица и, кромѣ того, еще Кибальчичъ, Баранниковъ, а изъ женщинъ какая-то Елизавета Алекс., Екатерина Дмитріевна, Софія Павловна (Перовская) и Вѣра Николаевна, затѣмъ еще и Тригони, мой знакомый по Крыму. Когда я былъ еще въ Крон-

штадтѣ, то тамъ познакомился съ Сухановымъ, онъ также бывалъ у меня, но ни о какихъ соціальныхъ теоріяхъ мы съ нимъ не разговаривали, а бесѣдовали больше о физикѣ и другихъ естественныхъ наукахъ. Кромѣ того, у меня бывало еще много другихъ лицъ, различныхъ офицеровъ, товарищей по Технологическому Институту и др. Никакихъ особыхъ террористическихъ разговоровъ у меня на квартирѣ не было, разсуждали обо всемъ, о чемъ вездѣ разсуждаютъ, а такъ какъ послѣднее время вообще много говорили о террористахъ, то и мы, дѣйствительно, бесѣдовали иногда о нихъ. Сговаривались ли заранѣе нелегальные собраться у меня и разсуждали ли они о чемъ-нибудь между собою,—этого я не знаю; очень можетъ быть, что да, а, можетъ быть, и нѣтъ; во всякомъ случаѣ, мнѣ это было неизвѣстно. Что у меня вообще было много знакомыхъ это свидѣтельствуется массой карточекъ, отобранныхъ у меня. Здѣсь мнѣ ставятъ въ вину знакомство съ этими людьми, а при этомъ не говорятъ, что они составляли только очень незначительную часть всѣхъ вообще моихъ знакомыхъ. Я знакомился со всѣми сколько-нибудь интересовавшими меня людьми, а если кто-нибудь меня не интересовалъ, былъ для меня неподходящимъ, съ тѣмъ я не знакомился. Татьяна Кузьмина была всегда у меня; кромѣ того, у нея всегда работала портниха и вообще всегда бывали посторонніе люди, такъ что при нихъ неудобно было имѣть какія-нибудь сходки, да и самый домъ также, по самому своему положенію, былъ вовсе неудобенъ для этого. Всѣ лица, посѣщавшія меня, должны были непремѣнно всегда проходить мимо дворника и потому лица нелегальныя вообще рѣдко у меня бывали, и только Желябовъ бывалъ чаще другихъ. Геся Гельфманъ была только одинъ разъ и только въ качествѣ фельдшерицы для больной Кузьминой. Однажды Желябовъ сообщилъ мнѣ, что онъ далъ мой адресъ кому-то для присылки ему денегъ. Хотя мнѣ и было извѣстно тогда, что онъ нелегальный, но я не зналъ за нимъ ничего особаго и не считалъ себя вправѣ не соглашаться на его просьбу принять для него эти деньги. Въ іюлѣ меня пригласили на фабрику Русско-американской резиновой мануфактуры и дали здѣсь жалованья 35 р. Я переселился на фабрику и тутъ уже никто изъ нелегальныхъ у меня не былъ, кромѣ Желябова и рѣдко Кибальчича. Здѣсь я прожилъ до ноября. За это время я еще нѣсколько разъ получалъ и передавалъ деньги Желябову и Кибальчичу изъ разныхъ городовъ, такъ что всего я получилъ и передалъ около 1900 р.—25 р. изъ Старой Руссы я, дѣйствительно, тоже получилъ, но это мои собственныя деньги, которыя я получилъ отъ моего товарища Котляревскаго за посланную ему электрическую машину. Изъ Одессы же я никогда никакихъ 50 р. не получалъ, это—ошибка. Въ ноябрѣ мнѣ увеличили жалованье до 75 р. и я снова поселился на квартирѣ вмѣстѣ съ Кузьминой; здѣсь опять у меня бывало много народу, но квартира эта была весьма неудобна: хозяинъ, постоянно пьяный, буйствовалъ, шумѣлъ и потому въ январѣ уже я отсюда переѣхалъ. Однажды Желябовъ какъ-то пришелъ ко мнѣ съ Фриденсономъ, и это было единственный разъ, что я видѣлъ Фриденсона. Затѣмъ однажды Желябовъ же попросилъ меня принять на время со станціи желѣзной дороги ящики съ печатнымъ станкомъ. Я сначала не хотѣлъ на это согла-

ситься, и даже говорилъ Желябову, что это не совсѣмъ удобно, такъ какъ за моей квартирой, повидимому, слѣдятъ (однажды въ мое отсутствіе приходилъ какой-то господинъ и подъ видомъ доктора осмотрѣлъ всю мою квартиру), но Желябовъ сказалъ, что другой квартиры никакой нѣтъ, что ящики не будутъ оставаться, а тотчасъ же раскупорятся и вещи будутъ взяты. Онъ меня увѣрялъ еще, что если у меня и найдутъ эти вещи, то врядъ ли я буду строго отвѣчать за это, да и я самъ также полагалъ и теперь даже считаю, что врядъ ли это преступленіе. Поэтому я согласился, и Желябовъ сказалъ, что за ящикомъ онъ самъ пошлетъ. Я предупредилъ Кузьмину, что завтра привезутъ ящикъ и кто-нибудь послѣ зайдетъ за нимъ, и больше не думалъ объ этомъ дѣлѣ. Теперь мнѣ очень жаль, что я такъ подвелъ Кузьмину. На другой день, возвратясь со службы, я уже не засталъ никакихъ слѣдовъ ящика, и Кузьмина сказала мнѣ, что Кибальчичъ и еще кто-то приходили и, раскупоривъ ящикъ, увезли оттуда вещи. Вскорѣ послѣ этого я замѣтилъ, что за мною упорно стала слѣдить полиція. Я сообщилъ объ этомъ знакомымъ, и нелегальные съ тѣхъ поръ перестали меня посѣщать, а легальные продолжали Задержали меня довольно оригинально. Пришелъ ко мнѣ въ контору приставъ и пригласилъ въ участокъ на десять минутъ, чтобы прочитать какую-то бумагу. Я просилъ его сообщить мнѣ, если онъ желаетъ меня арестовать, чтобы я могъ сказать объ этомъ въ конторѣ и сдѣлать нѣкоторыя распоряженія, но онъ меня началъ увѣрять, что ничего подобнаго нѣтъ, что просто нужна какая-то справка. Въ участкѣ я увидалъ какого-то штатскаго господина, заявившаго мнѣ, что меня проситъ къ себѣ градоначальникъ по какому-то техническому вопросу. Когда меня привезли къ градоначальнику, то онъ закричалъ на меня, что, если я тотчасъ не сознаюсь, то меня сейчасъ же казнятъ. Это меня нѣсколько возмутило»...

Первоприсутствующій: «Это не относится къ дѣлу»...

Люстигъ: «Нѣтъ, мнѣ кажется, что очень относится къ дѣлу, такъ какъ этимъ же давленіемъ легко объясняется неправильность показаній Татьяны Кузьминой».

На новые вопросы первоприсутствующаго Люстигъ сказалъ:

«Я не могъ считать преступными людей только потому, что они живутъ нелегально, уклоняясь отъ административной высылки, такъ какъ я очень хорошо зналъ, что часто и людей и совершенно невинныхъ, даже оправданныхъ судомъ, высылали, какъ это было, напримѣръ, послѣ процесса 193-хъ. Также я не могу признать преступнымъ разговора о выборѣ депутатовъ отъ общества, или о свободѣ слова, печати и т. п. Это—все такіе предметы, о которыхъ почти ежедневно говорится и въ цензурной печати».

Клѣточниковъ (худой, средняго роста, желтый, жидкіе волосы, небольшая жидкая окладистая борода, короткіе усы, все лицо сильно съуживается книзу, темныя очки, видъ чахоточнаго): «Мое обвиненіе основано исключительно только на моихъ собственныхъ показаніяхъ. Кромѣ нихъ въ дѣлѣ нѣтъ никакихъ уликъ противъ меня, и я теперь считаю нужнымъ заявить, что эти показанія даны были подъ сильнымъ давленіемъ извнѣ, людей допрашивающихъ. При дознаніи, я, сравнительно съ другими подсудимыми, находился въ исключительномъ

положеніи: я попалъ въ руки своихъ враговъ, людей, относившихся ко мнѣ съ особою злобою, и я могъ ожидать отъ нихъ для себя особенно жестокаго отношенія. Я преувеличивалъ свои вины и клеветалъ на себя, чтобы только какъ-нибудь добиться привлеченія къ суду и не подвергнуться административной высылкѣ; такъ, напримѣръ, это совсѣмъ невѣрно, чтобы я руководствовался при своей дѣятельности корыстными цѣлями: у меня были другіе мотивы, хотя, съ другой стороны, я не революціонеръ по убѣжденіямъ. Меня давила мелкая неинтересная провинціальная жизнь, я чувствовалъ безполезность своего существованія, и я искалъ какого-нибудь общественнаго дѣла; къ тому же я хорошо зналъ, что мнѣ недолго осталось жить, и вотъ я хотѣлъ хоть послѣдніе дни посвятить какому-нибудь хорошему, полезному дѣлу. Мысль моя остановилась на бывшемъ III-мъ Отдѣленіи: я нисколько не сомнѣвался въ громадности приносимаго имъ вреда и рѣшился по мѣрѣ силъ противодѣйствовать ему. Я зналъ, что это очень трудно; находясь всю жизнь въ средѣ людей, мнѣ крайне несимпатичныхъ, я долженъ былъ притворяться ихъ единомышленникомъ, смотрѣть на нихъ, какъ на пріятелей, а съ другой стороны, сотоварищи мои, соціалисты, смотрѣли на меня также съ недовѣріемъ; но это отвратительное положеніе удовлетворяло меня, такъ какъ мнѣ казалось, что теперь именно я приношу пользу обществу. Я всею душою ненавидѣлъ III-е Отдѣленіе. Это—ужасное учрежденіе, и я считалъ себя правымъ, даже передъ правительствомъ, такъ какъ, наконецъ, даже и правительство признало негоднымъ это учрежденіе и рѣшило закрыть его. Всѣ относятся съ полнѣйшимъ омерзеніемъ къ этому учрежденію, и, дѣйствительно, люди, здѣсь служащіе,—самой низкой нравственности».

Первоприсутствующій: «Остановитесь! Это не относится къ дѣлу».

Клѣточниковъ: «Значитъ, я не могу и характеризовать это учрежденіе?»

Первоприсутствующій: «Нѣтъ, это совсѣмъ излишне».

Клѣточниковъ разсказываетъ о своемъ поступленіи и службѣ въ III-мъ Отдѣленіи приблизительно согласно съ обвинительнымъ актомъ:

«Конечно, для того, чтобы дѣятельность моя приносила пользу, мнѣ необходимо были нужны помощники, люди, находящіеся внѣ, черезъ которыхъ я могъ бы сообщать свои свѣдѣнія, предупреждать о готовящихся обыскахъ, арестахъ, высылкахъ. Какихъ убѣжденій были эти люди, для меня это было рѣшительно все равно, такъ какъ я вовсе не имѣлъ въ виду оказывать помощь ихъ или какой-нибудь иной партіи, а просто хотѣлъ помочь вообще всѣмъ людямъ, преимущественно молодежи, студентамъ, уберечься отъ жестокихъ, несправедливыхъ преслѣдованій, губящихъ совершенно даромъ столько силы; для этого мнѣ вовсе не нужно было имѣть такимъ помощникомъ соціалиста: всякій порядочный русскій человѣкъ считаетъ себя врагомъ III-го Отдѣленія и всякій помогъ бы мнѣ; что эти люди были соціалисты этого я довольно долго не зналъ. Они же держали себя со мною крайне осторожно, что я объяснялъ себѣ тѣмъ, что они были уже сильно скомпрометированы, какъ политическіе преступ-

ники, или же, напротивъ, что они люди совсѣмъ чистые въ политическомъ отношеніи, и которые поэтому опасались сношеній со мною, чтобы не попасться въ случаѣ обнаруженія моихъ дѣйствій. Въ обвинительномъ актѣ сказано между прочимъ, что я, будто бы, принужденъ былъ продолжать свою дѣятельность, опасаясь возмездія съ ихъ стороны въ случаѣ прекращенія ея. Это совсѣмъ невѣрно: у меня не было никакого основанія ожидать такого возмездія, а не бросалъ я своего дѣла потому, что считалъ его полезнымъ. Такимъ образомъ, повторяю, причина, заставившая меня поступать такъ, какъ я поступалъ,—это стремленіе служить на пользу общества. Я долженъ сказать, что я не единичное лицо въ III-мъ Отдѣленіи съ такими взглядами. У меня есть данныя предполагать, что, кромѣ меня, тамъ есть и еще люди, сообщающіе имъ нужныя свѣдѣнія».

Далѣе стали допрашивать свидѣтелей.

Свидѣтельница Кутузова разсказываетъ о томъ, какъ она доставила Клѣточникову мѣсто въ III-мъ Отдѣленіи.

Свидѣтель *Кирилловъ*, чиновникъ III-го Отдѣленія, о службѣ Клѣточникова: «Службой его я вообще былъ доволенъ». Кирилловъ разсказываетъ, между прочимъ, одинъ случай. Въ домѣ Мурузи производили обыскъ у двухъ студентокъ; ровно ничего подозрительнаго не нашли; раньше объ ихъ жизни не имѣли никакихъ свѣдѣній и, между прочимъ, все же обѣихъ выслали и держали въ изгнаніи полтора года. «Я очень хорошо помню этотъ случай,—прибавляетъ свидѣтель Кирилловъ,—такъ какъ, когда была назначена комиссія о пересмотрѣ дѣлъ о всѣхъ высланныхъ, то ихъ тогда же вернули».

Свидѣтель *Гуль*, сослуживецъ Клѣточникова, показываетъ объ его службѣ: «Самъ я занимался съ 60-хъ годовъ отдѣломъ телеграммъ. Въ это время телеграммъ было немного, и я занимался ими одинъ. Въ 74 г. число ихъ увеличилось, и я долженъ былъ уже имѣть помощника, а въ 79 г., когда телеграммъ была уже цѣлая масса, мнѣ было уже мало одного помощника: должны были помогать и другіе, въ томъ числѣ и Клѣточниковъ».

Свидѣтель Цвѣтковъ (сослуживецъ Клѣточникова) показываетъ также объ его службѣ.

Михайловъ: «Я познакомился съ Клѣточниковымъ въ 77 г. и встрѣчался потомъ съ нимъ и въ 78 г. Относительно нашей партіи я никогда ничего ему не говорилъ. Намъ часто приходилось бесѣдовать съ нимъ о дѣлѣ III-го Отдѣленія, какъ о губителѣ всякаго прогресса и интеллигенціи. Не помню хорошо у кого впервые возникла мысль о помѣщеніи его туда: у него или у меня. Денегъ я ему за доставленіе свѣдѣній никогда никакихъ не платилъ».

Баранниковъ: «У меня съ Клѣточниковымъ были совершенно такія отношенія, какъ пояснилъ Михайловъ».

Арончикъ: «Я познакомился съ Клѣточниковымъ черезъ Квятковскаго, но вообще мало зналъ его. Иногда Клѣточниковъ оставлялъ у меня пакеты, которые я долженъ былъ передавать Квятковскому. Какого рода были у нихъ отношенія,—я не знаю».

Колодкевичъ: «Я собственно знаю Клѣточникова очень мало. Видѣлъ его только раза три. Ничего новаго о немъ кромѣ того, что сказалъ Михайловъ, сказать не могу».

Засѣданіе закрыто въ 11 ч. 20 м.

Засѣданіе 12 февраля.

Присутствуютъ всѣ подсудимые.

Допросъ свидѣтелей.

Свидѣтель *Казимировъ*, дворникъ дома № 37 въ Б. Подъяческой: «Съ января мѣсяца по 28 апр. 80 г. у насъ въ домѣ жилъ нѣкто Еремѣевъ съ двумя женщинами, нанимая небольшую квартиру изъ 4-хъ комнатъ, платили 30 р. въ мѣсяцъ».

По просьбѣ прокурора Исаевъ встаетъ, но Казимировъ заявляетъ, что онъ не похожъ на Еремѣева. То же самое съ Якимовой и Лебедевой. Потомъ Якимову онъ призналъ за одну изъ жившихъ съ Еремѣевымъ женщинъ, а Лебедеву не призналъ за Поликарпову. Поликарпова пріѣхала уже въ мартѣ.

Лебедева заявила, что по поводу проживанія на квартирѣ по Б. Подъяческой объясненій никакихъ давать не желаетъ.

Свидѣтель *Михайловъ*, служитель въ гостиницѣ «Москва», разсказываетъ о Золотницкомъ, въ которомъ признаетъ Арончика: «Жилъ въ № 39 съ 14 февраля 81 г. Жилъ одинъ. Въ это время въ гостиницѣ стоялъ и Фесенко-Навроцкій (Саблинъ), и онъ заходилъ къ Золотницкому; заходила также и Геся Гельфманъ».

Свидѣтель *Студенковъ*, служащій въ гостиницѣ «Москва»: «Золотницкій пріѣхалъ вмѣстѣ съ Фесенко-Навроцкимъ 13 февраля и занялъ № 39. Кто къ нему приходилъ—не знаю».

Читается выписка изъ книги о пріѣзжающихъ гостиницы «Москва», гдѣ говорится о пріѣздѣ Золотницкаго и Фесенко-Навроцкаго.

Свидѣтель *Зиказниковъ*, служащій въ гостиницѣ «Москва», *Колобковъ*—дворникъ, *Чернышевъ* свидѣтельствуютъ о времени пріѣзда Золотницкаго и Фесенко-Навроцкаго.

Свидѣтельница *Фельдманъ*, содержательница квартиры на Новой ул., гдѣ жилъ Емельяновъ: «Емельяновъ жилъ очень скромно, никто у него не бывалъ; ничего ровно подозрительнаго за нимъ не замѣчалось. У него даже никогда не было заперто ни одного ящика, и комната, и всѣ помѣщенія въ ней всегда стояли открытыми. 1 марта онъ еще днемъ принесъ телеграмму о происшествіи. Ни наканунѣ, ни въ самый день 1 марта, ни послѣ онъ нисколько не былъ взволнованъ».

Свидѣтель *Котляревскій*: «Я знаю Люстига уже лѣтъ 8. Познакомился съ нимъ въ Технологическомъ Институтѣ. Когда онъ былъ военнымъ, онъ служилъ въ Кронштадтѣ, но пріѣзжалъ въ Петербургъ, и я видался съ нимъ здѣсь. Въ 80 г. я часто бывалъ у него, видѣлъ у него много людей; разговаривали мы объ разныхъ предметахъ, о чемъ вообще говорятъ, но я никогда не могъ бы принять тѣхъ, кого у него видѣлъ, за какихъ-нибудь таинственныхъ или опасныхъ, крайне радикальныхъ людей. Люстигъ желалъ занять такое же мѣсто, какъ я занимаю по земскому страхованію. Изъ числа подсудимыхъ могу признать за нѣсколько знакомое лицо Златопольскаго, но не могу навѣрно сказать, чтобы я его тамъ встрѣчалъ».

Свидѣтель *Люстигъ*: «По выходѣ изъ военной службы, братъ мой первое время не имѣлъ занятій, и я ему давалъ кой-какую работу, переписку. Затѣмъ я доставилъ ему мѣсто кассира на Россійско-Американской мануфактурѣ, гдѣ онъ и жилъ и, какъ мнѣ лично извѣстно, работалъ очень усердно. Прежде онъ получалъ отъ меня 50 р. въ мѣсяцъ и кромѣ того я въ теченіе этого времени передалъ ему еще 150 р. Татьяну Кузьмину я не зналъ и не видѣлъ, но слышалъ объ ней. По праздникамъ братъ мой всегда обѣдалъ и проводилъ время у меня; я самъ на квартирѣ у него за послѣднее время не бывалъ. Кузьмина, какъ хорошая работница, могла также заработать рублей 40—50.

Я попрошу позволенія прибавить еще нѣсколько словъ отъ себя».

Первоприсутствующій: «Извольте».

Свидѣтель *Люстигъ*: «Я хочу сообщить Особому Присутствію Правительствующаго Сената только то, что изъ неоднократныхъ разговоровъ моихъ съ братомъ я положительно могъ вывести заключеніе, что онъ ничего общаго съ партіей не имѣлъ, что онъ даже по именамъ участниковъ не зналъ и вообще много есть такого, что совершенно ясно указываетъ на его непричастность къ дѣламъ партіи».

Свидѣтель *Федоровъ*: «Экспертизы метательныхъ снарядовъ я не производилъ. Динамитъ, найденный въ разныхъ мѣстахъ, весь одного и того же состава. Въ частной квартирѣ приготовить динамитъ даже 1—2 пуда очень трудно; при этомъ выдѣляются азотные пары, нужна масса льду, постоянная опасность взрыва. Отличить заграничный динамитъ отъ нашего нельзя, но такой динамитъ, какъ найденный у подсудимыхъ, въ Россіи не допускается».

Свидѣтельница *Моссюро*, содержательница номеровъ, гдѣ жилъ Тригони: «Тригони жилъ съ 11 февраля по день ареста». Въ Терентьевой она признала женщину, приходившую къ Тригони и пробывшую у него нѣкоторое время. «Откуда пріѣхалъ Тригони, навѣрное не знаю, но дѣвушка слышала отъ извозчика что съ вокзала желѣзной дороги. Тригони, кажется, собирался уѣхать, но бѣлье его было не готово».

Перерывъ съ 2 ч. 5 м. по 2 ч. 50 м.

———

Свидѣтель *Яковлевъ*, дворникъ дома по Подольской ул.: «Ничего подозрительнаго на квартирѣ Пришибиныхъ не замѣчалось». Терентьеву призналъ за двоюродную сестру Пришибиныхъ, жившую вмѣстѣ съ ними. Въ квартирѣ при обыскѣ нашли диванъ, всѣ 4 ножки котораго стояли на подушкахъ, и заряженную гранату прямо противъ двери, со шнуркомъ, идущимъ отъ нея къ двери».

Присяжный повѣренный *Герардъ* предъявляетъ квартирную книжку Люстига, чтобы показать, что Татьяна Кузьмина не могла такъ показывать о переѣздахъ Люстига съ квартиры на квартиру, какъ это значится въ ея показаніи.

Подсудимый *Люстигъ* весьма сильно опровергаетъ показаніе Кузьминой. Несмотря на неоднократныя заявленія, ему никогда не предъявляли при дознаніи показаній Кузьминой и тѣмъ лишили его возможности въ настоящее время совершенно опровергнуть ихъ Та-

кихъ показаній Кузьмина давать не могла, это писалъ кто-нибудь другой вмѣсто нея. Приводитъ въ пользу этого предположенія цѣлый рядъ доказательствъ: литературная форма показаній, которой не могло быть у Кузьминой, употребленіе въ показаніи кличекъ подсудимыхъ, которыхъ она никогда даже и не знала и т. п.

По просьбѣ сторонъ читаются:

1) Показанія Гольденберга о Липецкомъ съѣздѣ.

2) Показанія Татьяны Кузьминой.

3) Показанія Николая Богородскаго.

4) Показаніе Гольденберга о харьковскихъ сходкахъ, приготовленіяхъ къ одесскому взрыву и характеристика подсудимой Лебедевой.

5) Письменные документы (вещественныя доказательства, найденныя у подсудимыхъ Морозова, Исаева, Колодкевича и др.).

6) По просьбѣ Исаева, читается письмо Исполнительнаго Комитета къ Императору Александру III (читаетъ самъ Дейеръ).

Первоприсутствующій: «Объявляю судебное слѣдствіе оконченнымъ».

Перерывъ съ 5 ч. 30 м. по 7 ч. 50 м.

———

Приводятъ всѣхъ подсудимыхъ.

Первоприсутствующій: «Г. прокуроръ, ваше слово!»

Муравьевъ: «Гг. сенаторы, гг. сословные представители!... Беру на себя смѣлость утверждать, что этимъ процессомъ окончательно нарушится тайна дѣятельности людей, тайныхъ людей, принявшихъ на себя столько же громкое, сколько хвастливо-лживое наименованіе партіи Народной Воли, теперь извѣстныхъ подъ именемъ террористовъ-революціонеровъ... Для закона и, слѣдовательно, для васъ важно знать только то, что именно они совершили... Въ ряду доказательствъ лучшее—сознаніе... Ихъ сознаніе вполнѣ согласно съ обстоятельствами дѣла и можетъ быть принято, какъ основаніе для признанія ихъ виновности... Послѣ сознанія слѣдуетъ оговоръ... оговоръ по преступленіямъ государственнымъ имѣетъ свои особенности, носитъ въ себѣ особый характеръ достовѣрности... Лицо, обвиняемое въ государственномъ преступленіи, сознающееся, оговаривающее другихъ и въ то же время говорящее, что остается при своихъ убѣжденіяхъ, находится въ особомъ, отличномъ отъ обыкновенныхъ уголовныхъ преступниковъ положеніи... Гольденбергъ, Рысаковъ оговорили другихъ, желая привести борьбу на путь болѣе мирный...

Всѣ подсудимые обвиняются прежде всего въ принадлежности къ преступному сообществу, имѣющему цѣлью ниспроверженіе существующаго строя... Для доказательства ихъ виновности въ этомъ преступленіи необходимо доказать: 1) наличность въ данномъ сообществѣ указанныхъ въ законѣ признаковъ... 2) принадлежность каждаго отдѣльнаго подсудимаго къ этому сообществу... Признаки принадлежности къ сообществу: 1) революціонное прошлое... 2) конспиративная дѣятельность—нелегальность, имѣніе запрещенныхъ вещей и изданій, вещественныя доказательства».

Перерывъ съ 8 ч. 55 м. до 9 ч. 25 м.

Муравьевъ: «Заниматься конспиративной дѣятельностью невозможно подъ своимъ христіанскимъ именемъ... нужно скрываться... отсюда масса подложныхъ паспортовъ... Но жить надо, особенно по двое, по трое, имѣть особыя квартиры.. На Б. Подъяческой выдѣлываютъ динамитъ Исаевъ, съ нимъ Якимова и Лебедева. Конспиративныя занятія... конспиративныя сношенія... обыски даютъ соотвѣтственные результаты... Важнѣе и характернѣе данныя, благодаря которымъ можно установить мѣсто, принадлежащее каждому подсудимому въ сообществѣ.. здѣсь должны быть организаторы пристанодержатели, укрыватели, люди для посылокъ, хранители денегъ, рабочіе и т д. и т. д... Интересенъ вопросъ о центральной группѣ, о пресловутомъ Исполнительномъ Комитетѣ. По словамъ подсудимыхъ, они не члены его, а только исполнители, агенты 3-й степени и такихъ изъ числа нашихъ подсудимыхъ 8 (Лебедева и др). Можно ли этому вѣрить? Вездѣ мы видимъ, что они сами дѣлаютъ все, сами работаютъ... Гдѣ же Исполнительный Комитетъ? Гольденбергъ былъ дѣятельнымъ членомъ партіи, и ему можно, мнѣ кажется, вѣрить, а онъ многихъ изъ здѣсь сидящихъ называетъ членами Исполнительнаго Комитета. Подсудимымъ важно, интересно доказать, что главныхъ дѣятелей здѣсь нѣтъ... Они, надо имъ отдать справедливость, больше заботятся о будущности своего сообщества, чѣмъ о самихъ себѣ... Но все же изъ дѣятельности ихъ можно, мнѣ кажется, вывести заключеніе, что руководившіе члены этого Исполнительнаго Комитета находятся теперь на скамьѣ подсудимыхъ...

Нѣсколько словъ о роли каждаго: руководители извѣстны: Александръ Михайловъ, Фроленко, Колодкевичъ. Баранниковъ, Якимова, Лебедева, старавшаяся вопреки Гольденбергу доказать, что она вполнѣ сочувствуетъ цареубійству... Терентьева и сюда же надобно причислить и техника Исаева и подсудимаго Суханова... Есть и писатель Морозовъ... Затѣмъ рядъ подсудимыхъ, такъ сказать, рядовыхъ: Арончикъ, Лангансъ, Фриденсонъ... рядъ подсудимыхъ, проживавшихъ легально: Златопольскій, Тригони. Еще двѣ группы подсудимыхъ по 2 человѣка въ каждой: 1) Тетерка, Меркуловъ, 2) Люстигъ, Клѣточниковъ. Первые—это тѣ рабочіе, которыхъ такъ хотѣлось имѣть партіи, на которыхъ направлялась пропаганда и которые, говоря технически, «распропагандировались»... Не самъ Тетерка дошелъ до скамьи подсудимыхъ, его довели тѣ, кто привелъ сюда же и другого рабочаго человѣка—Меркулова... Пускалось въ ходъ все: и пирушки, и катанья, и всякія угощенія... Да, отвѣтственность нравственная, если не юридическая, падаетъ на руководителей... Пристанодержателемъ подсудимыхъ является Люстигъ... Нельзя имъ было обойтись и безъ своего агента среди враговъ, а врагомъ они признаютъ правительство... Такимъ агентомъ былъ подсудимый Клѣточниковъ... Самое ясное, самое яркое доказательство принадлежности къ сообществу есть тотъ рядъ дѣяній, въ которыхъ они обвиняются и къ разсмотрѣнію ихъ я теперь перейду»... (10 ч. 40 м.).

Островскій говоритъ: 1) объ убійствѣ Мезенцева, 2) о покушеніи 2 апрѣля, 3) о кражѣ въ Херсонскомъ казначействѣ и 4) о покушеніи на кражу изъ Кишиневскаго казначейства.

Засѣданіе закрыто въ 11 ч. 25 м.

Засѣданіе 13 февраля открыто въ 12¼ ч. дня.

Муравьевъ: «Рѣшеніе непремѣнно совершить цареубійство было принято на Липецкомъ съѣздѣ, и планъ окончательно составленъ на харьковскихъ сходкахъ... Изысканія Баранникова и Михайлова на желѣзныхъ дорогахъ, затѣмъ Меркулова и Попова (?)... Главными пунктами покушеній избраны были 3 мѣста: Одесса и Одесская желѣзная дорога, Александровскъ и Москва. Одесса должна была быть первымъ мѣстомъ... Фроленко имѣлъ поселиться сторожемъ на желѣзной дорогѣ и, дѣйствительно, поселился... Изъ Харькова пріѣхала и привезла съ собою 1½ пуда динамита Татьяна Лебедева. По словамъ Гольденберга, она ѣхала какъ-бы неохотно, но Лебедева протестуетъ противъ этого, и мы охотно вѣримъ ей, что она ѣхала совершенно сознательно и добровольно совершать цареубійство... Лебедева изображала жену сторожа... Печальная честь сомкнуть гальваническую цѣпь выпала на долю Лебедевой. Совершить покушеніе это ей не удалось, такъ какъ государь императоръ тамъ не поѣхалъ, и она должна была остаться при однихъ приготовленіяхъ; помѣшала бурная погода на морѣ... Фроленко не хотѣлъ отдавать динамитъ, ему самому хотѣлось быть участникомъ перваго покушенія... Такимъ образомъ, покушеніе на Одесской дорогѣ не удалось... Покушеніе подъ Александровскомъ... Московское покушеніе... Покушеніе 5 февраля, покушеніе въ Одессѣ (весной 1880 г.)... За этимъ слѣдуетъ большой перерывъ,—нужно было собраться съ силами»...

Перерывъ отъ 1 ч. 5 м. до 1 ч. 20 м.

———

Первоприсутствующій: «Г-жа Терентьева! Я въ послѣдній разъ дѣлаю вамъ замѣчаніе, чтобы вы не разговаривали. Если вы будете продолжать, я принужденъ буду удалить васъ изъ залы».

Терентьева: «Я вовсе не разговаривала. Это приставъ вамъ совсѣмъ невѣрно передалъ».

Первоприсутствующій: «Не оправдывайтесь»...

Терентьева: «Позвольте мнѣ объяснить»...

Первоприсутствующій: «Ничего!»

Терентьева: «Позвольте!»...

Первоприсутствующій: «Ничего, садитесь!»

Терентьева: «Я считаю это за дерзость съ Вашей стороны».

Муравьевъ о преступленіи въ мартѣ 81 г. «Доказательства—оговоръ Рысакова и Меркулова... Сознаніе... Другія данныя дѣла... Соучастники стали собираться въ Петербургѣ... Здѣсь составлялся преступный планъ... Главный дѣятель Желябовъ... Техническая часть была поручена Кибальчичу, Исаеву, Суханову и, пожалуй, Лебедевой... Сухановъ, который собиралъ и снаряжалъ метательные снаряды и который собственными своими руками приготовлялъ снарядъ, заложенный въ подкопѣ на Малой Садовой... Въ этой работѣ помогала ему Лебедева, которая наполняла цилиндръ динамитомъ... Устои Суханова: отмѣна податей, устройство колонизаціи, даровое обученіе, расширеніе земскаго самоуправленія,—все задачи почти легальныя, о которыхъ можно разсуждать, и которыя не имѣютъ ровно ничего общаго съ тѣмъ, что онъ дѣлалъ»...

Муравьевъ въ этотъ разъ говорилъ 40 минутъ,—всего онъ говорилъ 3 ч. 50 мин.; Островскій говорилъ 45 минутъ.

Перерывъ отъ 2 и до $2^3/_4$ ч.

Первоприсутствующій: «Слово принадлежитъ защитнику подсудимаго Меркулова, присяжному повѣренному—Шнеуру».

Шнеуръ говорилъ отъ $2^3/_4$ ч. до 3 ч. 1 м (16 мин.).
Кедринъ—отъ 3 ч. 1 м до 3 ч. 42 м. (41 мин).
Рычковъ—отъ 3 ч. 42 м. до 3 ч. 58 м. (16 мин).
Королевъ—отъ 3 ч. 58 м. до 4 ч. 49 м. (51 мин.).
Кишинскій—отъ 4 ч. 49 м. до 5 ч. 2 м. (13 мин.).

Перерывъ отъ 5 ч. до 7 ч. 25 м.

Чичаговъ—отъ 7 ч. 28 м. до 7 ч. 48 м. (20 мин.).
Спасовичъ—отъ 7 ч. 48 м. до 8 ч. 52 м. (1 ч. 4 мин.).
Соколовъ—отъ 8 ч. 52 м. до 9 ч. 6 м. (14 мин.).
Рихтеръ—отъ 9 ч. 6 м. до 9 ч. 42 м. (36 мин.).
Михайловъ—отъ 9 ч. 42 м. до 10 ч. 7 м. (25 мин.).
Граціанскій—отъ 10 ч. 7 м. до 10 ч. 38 м. (31 мин.)

Засѣданіе закрыто въ 10 ч. 40 м.

— — —

Засѣданіе 14 февраля въ воскресенье открыто въ $12^1/_4$ ч.
Александровъ говорилъ отъ 12 ч. 16 м. до 1 ч. 47 м. (1 ч. 31 мин.).

Перерывъ отъ 1 ч. 47 м. до 2 ч. 30 м.

Буймистровъ говорилъ отъ 2 ч. 33 м. до 3 ч. 49 м. (1 ч. 16 мин.).
Кейкуатовъ—отъ 3 ч. 49 м. до 4 ч. 21 м. (32 мин).
Турчаниновъ говорилъ отъ 4 ч. 21 м. до 4 ч. 59 м. (38 мин.).

Перерывъ отъ 5 ч. до 7 ч. 20 м.

Герардъ говорилъ отъ 7 ч. 22 м. до 8 ч. 10 м. (48 мин.).
Нечаевъ—отъ 8 ч. 10 м. до 8 ч. 12 м. (2 мин.).

Первоприсутствующій: «Подсудимая Якимова! Что вы можете сказать въ свою защиту?»

Якимова: «Я только могу возстановить истину относительно отдѣльныхъ показаній. Такъ, названіе руководительницы ко мнѣ никакъ не можетъ быть приложимо, ибо ничѣмъ, кромѣ показанія Гольденберга, это не подтверждается. Я никогда не была членомъ Исполнительнаго Комитета. Всѣ дѣянія, въ которыхъ я обвиняюсь, я исполняла по порученію Исполнительнаго Комитета. Арестована я была подъ именемъ Валерьяновой, и это лицо существуетъ, но не имѣетъ ничего общаго съ нашей партіей».

Терентьева: «Я также отказываюсь отъ чести быть руководительницей. Я даже не считаю себя вправѣ признать себя и агентомъ Исполнительнаго Комитета. Говоря о Херсонскомъ казначействѣ, обвиненіе сдѣлало предположеніе, что я деньги эти взяла себѣ. Это мнѣ показалось весьма обиднымъ; и, хотя я не указала, кому я ихъ передала, но это потому, что я не считаю себя вправѣ сдѣлать этого».

Колодкевичъ: «Я скажу только нѣсколько словъ относительно показаній Гольденберга. Онъ въ свои показанія вноситъ весьма странную черту. Ни одно общество никогда не разсуждаетъ такъ, какъ говоритъ Гольденбергъ про Липецкій съѣздъ. Онъ говоритъ,

что съѣхались туда разные люди и начали разсуждать о практическихъ дѣлахъ. Странно Этого никогда не бываетъ: нельзя, не зная другъ друга разсуждать помимо теоріи о практическихъ предпріятіяхъ. Возьмите какое-нибудь промышленное, торговое общество, и здѣсь никогда не могутъ практическія рѣшенія предшествовать теоретическимъ разсужденіямъ. Затѣмъ, Гольденбергъ, разсуждая о харьковскихъ съѣздахъ, говоритъ, что тамъ я и Желябовъ совѣщались о цареубійствѣ; между тѣмъ, по его же словамъ, я въ это время былъ въ Одессѣ; дальше тотъ же Гольденбергъ говоритъ, что тамъ ни о чемъ практическомъ не разсуждали. Гдѣ-же правда? Не можетъ вообще быть, чтобы въ Харьковѣ обсуждали и рѣшали Одесское покушеніе Такія же противорѣчія найдемъ мы и въ разсужденіяхъ о Липецкомъ съѣздѣ. Здѣсь Гольденбергъ говоритъ, что былъ избранъ Исполнительный Комитетъ, т. е. опять практическій результатъ раньше теоретическаго обсужденія. Вотъ Морозова, напр., я въ первый разъ вижу! Какъ же могъ я съ нимъ разсуждать о какихъ-нибудь практическихъ мѣрахъ? Затѣмъ эта Распорядительная Комиссія! Ее онъ помѣщаетъ то туда, то сюда. Сначала говоритъ, что она должна засѣдать въ Петербургѣ, а затѣмъ оказывается, что комиссія эта разъѣзжаетъ Кто же, наконецъ, завѣдуетъ всѣми дѣлами? Я собственно не знаю отношеній Гольденберга къ Исполнительному Комитету, но думаю, что врядъ ли онъ былъ его членомъ, потому, что иначе врядъ ли могли бы быть его показанія такъ безтолковы; потому-то я не знаю, можно ли придавать его показаніямъ ту силу, которую за ними признаетъ обвинительная власть. Кромѣ того, въ 78 г. я уже читалъ прокламаціи отъ Исполнительнаго Комитета, такъ что онъ, слѣдовательно, существовалъ гораздо раньше».

Фроленко: «Къ тому, что говорили здѣсь другіе, я лично ничего не имѣю прибавить».

Муравьевъ: Обвинительная власть не находитъ нужнымъ возражать защитѣ».

Первоприсутствующій: «Подсудимый Меркуловъ! Какія вы можете дать суду объясненія въ свою защиту, кромѣ того, что уже сказалъ вашъ защитникъ?»

Меркуловъ: «Я ничего не могу прибавить. Я прошу только снисхожденія».

Тетерка: «Я также ничего не имѣю».

Якимова: «Я хочу сказать, что во всѣхъ дѣлахъ, гдѣ я принимала участіе, я, дѣйствительно, всегда совершенно сознательно, безъ всякаго посторонняго вліянія на...»

Первоприсутствующій: «Судъ не можетъ допустить говорить ничего, служащаго къ вашему обвиненію. Садитесь!»

Тригони, Люстигъ, Лебедева, Клѣточниковъ, Терентьева, Морозовъ, Сухановъ, Фриденсонъ также отказываются прибавить что-нибудь къ рѣчамъ своихъ защитниковъ.

Колодкевичъ: «Я бы хотѣлъ указать суду на причины, толкнувшія меня на этотъ путь. Я не стану говорить про увлеченія, про личныя обстоятельства, я скажу только про тѣ силы, которыя меня толкнули сюда и которыя лежатъ внѣ меня и независимо отъ моей личности. Защита не могла говорить объ этомъ, такъ какъ она это-

го и не знаетъ, да ей и дѣла до этого нѣтъ. Я же хочу коснуться этого вопроса и думаю, что это будетъ не безынтересно для суда. Сила, толкнувшая меня, лежитъ въ томъ строѣ, среди котораго мы живемъ, и изученіе этого государственнаго строя привело меня въ концѣ концовъ сюда. Безвыходное положеніе нашего народа и условія, породившія и даже теперь какъ бы узаконившія это положеніе, неестественны—это есть эксплуатація привилегированнымъ меньшинствомъ безправнаго большинства. Надо заглянуть глубже въ исторію, чтобы понять это. Здѣсь именно, въ исторіи, видишь процессъ развитія этой эксплуатаціи. Наблюдая надъ природою первобытныхъ народовъ, мы видимъ, что первою причиною власти была физическая сила»...

Первоприсутствующій: Не предлагайте намъ научнаго доклада, а представьте только то, что ближе относится къ настоящему дѣлу и, что можетъ служить къ вашей защитѣ».

Колодкевичъ: «Я хотѣлъ только разсмотрѣть весь историческій ходъ развитія и показать такимъ образомъ, какимъ путемъ партія наша пришла къ сознанію необходимости стать въ то положеніе, въ которомъ она теперь находится».

Первоприсутствующій: «Хорошо; только начните отъ времени болѣе близкаго къ намъ, а не отъ первобытныхъ народовъ».

Колодкевичъ: «Это вовсе не будетъ такъ длинно».

Первоприсутствующій: «Но все же я прошу васъ говорить только о современномъ положеніи».

Колодкевичъ: «Иначе я не могу говорить». (Садится).

Златопольскій: «Я еще разъ заявляю, что обвиненіе ни въ малѣйшей степени ко мнѣ не относится».

Ланганъ: «Я хотѣлъ бы объяснить свое положеніе на судѣ. Мое положеніе, какъ иностранца, нѣсколько отлично отъ другихъ. Этимъ отчасти объясняется и мое поведеніе на судѣ. Относительно меня можетъ возбудиться вопросъ: дороги ли мнѣ интересы русскаго человѣка? Я въ Россіи прожилъ почти всю жизнь русскій человѣкъ мнѣ знакомъ ближе, гораздо ближе, чѣмъ заграничный, и мнѣ очень дорого, чтобы никто изъ русскихъ людей никогда не могъ упрекнуть меня въ томъ, чтобы русскіе люди и русскіе интересы мнѣ были не дороги. Напримѣръ, я никогда никакъ не могу рискнуть назвать людей, у которыхъ жилъ въ Москвѣ, чтобы не навлечь на нихъ какого-нибудь неудовольствія, тѣмъ болѣе, что относительно меня уже былъ такой случай, такъ какъ Рябковъ былъ высланъ только изъ-за меня. Я знаю, что въ Россіи административная высылка—явленіе довольно обыкновенное, напримѣръ, когда я сидѣлъ въ Мценской тюрьмѣ, мимо меня препроводили массу народа, между прочимъ, извѣстнаго писателя Авдѣева. Правда, его послѣ вернули, но семью свою онъ все же разорилъ. Поэтому я считаю своимъ долгомъ поступить теперь честно и не называть людей, у которыхъ я былъ въ Москвѣ, хотя это и было бы важно для меня. Въ подкопѣ же я не могъ работать просто потому, что я боленъ, слабъ грудью, харкалъ кровью».

Арончикъ повторяетъ нѣкоторыя свои признанія и объясненія, преимущественно относящіяся къ московскому покушенію.

Баранниковъ: «Я присоединяюсь къ своему защитнику и прошу имѣть въ виду то, что сказалъ мой защитникъ. Я повторяю только, что при убійствѣ Мезенцева я только присутствовалъ и никогда не покушался на жизнь Макарова, а выстрѣлилъ въ воздухъ, чтобы только дать возможность убійцѣ и себѣ самому скрыться отъ преслѣдованія».

Исаевъ: «Я прошу позволенія изложить истинныя задачи и цѣли партіи «Народной Воли».

Первоприсутствующій: «Это Вамъ не можетъ быть разрѣшено».

Фроленко: «Я ничего не могу добавить къ тому, что уже говорилъ».

Михайловъ: «Я хотѣлъ также коснуться исторіи и задачъ, преслѣдуемыхъ партіей, но такъ какъ это не дозволяется, то я больше ничего сказать не имѣю».

Засѣданіе закрыто въ 9 ч. 20 м.

Засѣданіе 15-го февраля.

Засѣданіе открыто въ 1 ч. 35 м.

Первоприсутствующій дѣлаетъ распоряженіе о приводѣ всѣхъ подсудимыхъ.

Первоприсутствующій: «Особое Присутствіе предположило поставить для разрѣшенія своего слѣдующіе вопросы». Читаетъ 62 вопроса о виновности подсудимыхъ во вступленіи въ преступное сообщество и совершеніи отдѣльныхъ преступленій.

Герардъ, *Граціанскій*, *Рихтеръ*, *Кишинскій*, *Михайловъ* просятъ поставить еще нѣкоторые вопросы относительно защищаемыхъ ими подсудимыхъ.

Особое Присутствіе удаляется для обсужденія предложенныхъ защитою вопросовъ и возвращается черезъ нѣсколько времени, при чемъ отказываетъ защитѣ, кромѣ одного вопроса, предложеннаго Герардомъ, одного—Граціанскимъ и одного—Рихтеромъ.

Особое Присутствіе подписываетъ поставленные вопросы и затѣмъ удаляется для разрѣшенія ихъ.

Въ то время, когда Особое Присутствіе вернулось, разсмотрѣвши предложенные защитою вопросы, первоприсутствующій сдѣлалъ распоряженіе о приводѣ подсудимыхъ, но только что они были введены и заняли мѣста, какъ подсудимый Тетерка всталъ и ударилъ со всей силой Меркулова въ лицо кулакомъ. Меркуловъ кричитъ, утираетъ слезы и появившуюся кровь.

Тетерка: «Это мой товарищъ... я хочу объяснить»...

Первоприсутствующій: «Уведите подсудимаго!»

Къ Тетеркѣ подходятъ нѣсколько жандармскихъ офицеровъ, но онъ самъ добровольно повинуется и уходитъ въ сопровожденіи жандармовъ. Всѣ взволнованы.

Перерывъ отъ 4 ч. дня до 7 ч. вечера.

Первоприсутствующій распоряжается привести всѣхъ подсудимыхъ.

Меркуловъ проситъ позволенія у первоприсутствующаго не присутствовать въ дальнѣйшихъ засѣданіяхъ по болѣзни. Первоприсутствующій разрѣшаетъ ему, и Меркуловъ удаляется.

Первоприсутствующій читаетъ отвѣты Особаго Присутствія на поставленные вопросы. На всѣ вопросы, кромѣ 2-хъ (относительно участія Михайлова и Исаева въ покушеніи къ цареубійству въ Петербургѣ подъ Каменнымъ мостомъ) отвѣтъ: «Да, виновенъ!»

Муравьевъ требуетъ для всѣхъ подсудимыхъ, на основаніи признанной судомъ виновности ихъ, смертной казни.

Особое Присутствіе поставило для разрѣшенія вопросъ, какому наказанію слѣдуетъ подвергнуть подсудимыхъ и затѣмъ удаляется для разрѣшенія его.

Въ 11 ч. 4 м. ночи Особымъ Присутствіемъ вынесена резолюція, на основаніи которой подсудимые: Михайловъ, Колодкевичъ, Сухановъ, Клѣточниковъ, Фроленко, Исаевъ, Емельяновъ, Тетерка, Лебедева, Якимова приговорены къ смертной казни черезъ повѣшеніе; подсудимые: Баранниковъ, Арончикъ, Морозовъ, Лангансъ, Меркуловъ —къ безсрочной каторжной работѣ, а подсудимые: Тригони, Люстигъ, Фриденсонъ, Златопольскій и Терентьева на 20 лѣтъ въ каторжныя работы, первые въ рудникахъ, а послѣдняя на заводы, причемъ относительно подсудимаго Люстига и Фриденсона Особое Присутствіе признало возможнымъ ходатайствовать передъ Императорскимъ Величествомъ о замѣнѣ имъ назначеннаго наказанія первому на 4 года каторжной работы на заводѣ, а второму на 10 лѣтъ въ крѣпости.

Засѣданіе закрыто въ 11 ч. 20 м.

Со слѣдующаго дня защита снова была лишена права (по административному распоряженію) свиданія наединѣ съ подсудимыми и видѣлась всегда въ присутствіи жандармскаго офицера.

25 февраля въ 12 ч. 25 м. въ залу засѣданія были приведены всѣ подсудимые, собрались защитники, и въ присутствіи прокурора Островскаго, подъ предсѣдательствомъ сенатора Бѣлостоцкаго, секретаремъ былъ прочитанъ приговоръ въ окончательной формѣ. Сенаторъ Бѣлостоцкій сообщилъ подсудимымъ, что имъ дается 2-хъ-недѣльный срокъ для подачи кассаціонныхъ жалобъ. Подсудимые пожелали имѣть копію съ приговора. Присяжный повѣренный Александровъ хотѣлъ сдѣлать заявленіе о томъ, что защита лишена права свиданія наединѣ съ подсудимыми, но сенаторъ Бѣлостоцкій заявилъ, что онъ не можетъ входить въ обсужденіе этого вопроса, такъ какъ явился только съ спеціальною цѣлью прочтенія приговора и ни на что иное не уполномоченъ.

Изъ всѣхъ подсудимыхъ кассаціонная жалоба была подана только Клѣточниковымъ. Разсматривалась она въ общемъ собраніи Уголовнаго и Гражданскаго Кассаціоннаго департаментовъ. Сенату, подъ предсѣдательствомъ сенатора Черноглазова, докладывалъ Рѣпинъ. Заключеніе давалъ оберъ-прокуроръ сената Беръ. Поддерживалъ жалобу присяжный повѣренный Михайловъ. Жалоба оставлена безъ послѣдствій.

17-го марта государь императоръ повелѣлъ всѣмъ подсудимымъ, приговореннымъ къ смертной казни, кромѣ Суханова, замѣнить это наказаніе безсрочными каторжными работами, а подсудимому Суханову замѣнить смертную казнь черезъ повѣшеніе разстрѣляніемъ въ Кронштадтѣ.

IV.

Судьба осужденныхъ.

Н. Е. Сухановъ былъ разстрѣлянъ въ Кронштадтѣ.

А. Д. Михайловъ, А. И. Баранниковъ, Н. Н. Колодкевичъ, М. Р. Лангансъ, Н. В. Клѣточниковъ и М. В. Тетерка скончались въ Алексѣевскомъ равелинѣ Петропавловской крѣпости.

Г. П. Исаевъ и А. Б. Арончикъ скончались въ казематахъ Шлиссельбурга.

М. Н. Тригони послѣ 20-лѣтняго заключенія былъ отправленъ на Сахалинъ и вернулся въ Россію лишь послѣ 17 октября 1905 года.

Н. А. Морозовъ и М. Ф. Фроленко находились все время въ заточеніи въ Шлиссельбургской крѣпости и освобождены оттуда тоже только послѣ 17 октября 1905 года.

И. П. Емельяновъ, Л. С. Златопольскій, А. В. Якимова, Т. И. Лебедева, Г. М. Фриденсонъ и Ф. О. Люстигъ были отправлены на Кару, гдѣ Лебедева умерла, а остальные были переведены въ разное время на поселеніе въ Сибирь. Люстигъ потомъ возвратился въ Россію.

Л. Д. Терентьева скончалась въ тюрьмѣ еще до отправленія ея на каторгу.

Меркуловъ... Этотъ, конечно, не пошелъ на каторгу. Будучи освобожденъ отъ всякаго наказанія (если не считать пощечины, полученной имъ во время суда отъ М. В. Тетерки), онъ сталъ «вѣрою и правдою» служить... департаменту полиціи.

По этому же дѣлу суду должны были быть преданы П. Е. Тычининъ и Е. Н. Оловенникова, но незадолго до суда Тычининъ покончилъ самоубійствомъ, бросившись съ верхней галлереи дома предварительнаго заключенія, а Оловенникова впала въ Петропавловской крѣпости въ душевное разстройство, была переведена въ Казанскую лечебницу для психическихъ больныхъ, тамъ пробыла много лѣтъ и въ безнадежномъ состояніи была отдана роднымъ, живущимъ въ Орловской губерніи.

Наконецъ, упоминаемый въ обвинительномъ актѣ, какъ тоже впавшій въ душевное разстройство, А. В. Тырковъ былъ, по выздоровленіи, сосланъ *административно* въ Восточную Сибирь *безъ срока*, прожилъ тамъ 20 лѣтъ и лишь года три тому назадъ возвратился въ Россію.

2007231537